ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Н.Б. ИВУШКИН

МЕСТО ТВОЕ ВПЕРЕДИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: Автор в годы войны был секретарем партбюро полка, начальником политотдела бригады, а затем стрелковой дивизии. Он много видел, пережил, был участником боев на Калининском и Северо-Западном фронтах, на Курской дуге и Днепре, в Белоруссии и Прибалтике. Об этом он и рассказывает в своих воспоминаниях. В центре повествования — люди, которые всегда находились на линии огня: командиры, политработники, коммунисты и комсомольцы. Это они словом и личным примером увлекали бойцов на подвиги. В книге содержатся раздумья о советском воине, его воспитании, о партийно-политической работе.

- Ивушкин Николай Борисович
  - Коммунисты, вперед!
  - Фронтовая семья крепнет в боях
  - На огненной черте
  - За каждый дом!
  - Москва непобедимая
  - На земле новгородской
  - Таких не сломить!
  - Новое назначение, новые друзья
  - Партии ленинской бойцы
  - Уничтожаем фашистские «тигры»
  - Успехи окрыляют
  - На родине Щорса
  - Ой, Днипро, Днипро!
  - Они возмужали, закалились
  - Взаимодействуем с днепровцами
  - Дивизия стала Краснознаменной
  - Наша дивизионка
  - Пусть слава множится отважных мозырцев
  - В Прибалтике
  - Список иллюстраций
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25

Ивушкин Николай Борисович
Место твое впереди

Коммунисты, вперед!

За пыльными окнами пригородного поезда мелькают платформы подмосковных станций. Кончается первая неделя войны, а вокруг тихо, и небо безоблачно, как в дни мира.

Остановка. Выхожу из вагона. На стене деревянного здания вокзала — плакат: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Углубляюсь в лес по тропинке, давно протоптанной дачниками. Вскоре меня остановил голос часового. Через несколько минут я оказался в палатке политотдела 256-й стрелковой дивизии. Вручаю свое предписание начальнику политотдела батальонному комиссару В. И. Попову. На Вениамине Ивановиче и командирах, окружающих его, зеленеют фуражки пограничников. Костяк формирующейся дивизии составляют командиры и политработники войск НКВД. В штатском костюме среди подтянутых людей с подчеркнуто военной выправкой чувствую себя неловко. Начальник политотдела помогает мне: усаживает, доброжелательно расспрашивает о моей работе в мирные дни. Попутно он рассказывает о своих подчиненных, как бы сразу включая меня в их семью. Оказался в этой семье и мой давнишний добрый знакомый Володя Стычков, помощник начподива по комсомольской работе. Мы обнялись.

С Володей я расстался в Промакадемии 22 июня 1941 года. И вот мы снова вместе.

Я возглавил парторганизацию 937-го полка. В части меня встретили тепло. Познакомили с командирами, политработниками. В ротах я побеседовал со многими сержантами и красноармейцами и вскоре понял: полк имеет номер, положенное число бойцов и командиров, и все же это пока еще не боевая единица, а лишь сотни вооруженных людей с разными характерами, с различными взглядами на вещи. В полк их надо было еще сплотить. Свою первостепенную задачу я видел в том, чтобы активизировать работу партийной организации. Ее боеспособность, беззаветная преданность делу Ленина, вера в победу. сплотят людей в настоящий боевой коллектив.

Командир полка майор Михаил Трофимович Хрюкин, офицер опытный и дальновидный, много мне говорил о подчиненных и посоветовал поближе узнать каждого из них. Принимая коммунистов на партийный учет, беседуя с ними по душам, я изучал их наклонности, опыт. Были среди них такие, что хлебнули лиха еще в гражданскую войну и годились мне в отцы. Встретились коммунисты и моего поколения, ударники первых

пятилеток: строители, слесари, шахтеры, колхозники. Немало было и молодых парней, вступивших в партию на границе. Как ни осложнялись дела на фронте в те дни, уверенность в том, что мы выстоим и разгромим врага, никого из коммунистов не покидала.

Не все из нас тогда хорошо разбирались в сложившейся на фронте обстановке. Многого еще не знали. Но что касается германского фашизма, его классовой сущности и целей, то для нас, коммунистов, было совершенно ясно: фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических сил империализма. Партия неоднократно подчеркивала, что политика Гитлера направлена на закабаление трудящихся.

Когда мы, коммунисты, беседовали с бойцами, то напоминали обо всем этом. Разъясняли, что гитлеровская Германия стремится надеть на советских людей ярмо рабства, уничтожить завоевания Октября и социализма, что война идет не на жизнь, а на смерть. Нам важно было, чтобы каждый воин глубоко понимал справедливые цели нашей Отечественной войны, проникся чувством непримиримой ненависти к врагу.

Хорошо помню знойный день 3 июля 1941 года. С волнением слушали мы тогда выступление по радио И. В. Сталина. Перед народом и армией партия, Советское правительство выдвинули задачи — беспощадно бороться с врагом, отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, помочь народам Европы освободиться от фашистского ига.

К рабочему классу, колхозному крестьянству и интеллигенции партия обратилась с призывом «Все для фронта! Все для победы!» Это был лозунг, в котором с предельной ясностью и четкостью определялась задача всех народов страны.

...Срок формирования полка был сжатым. Уже 12 июля он погрузился в эшелоны, а 15 июля прибыл на станции Дворец и Лычково в районе Валдая. Наша 256-я дивизия вошла в состав 29-й армии. Все мы остро чувствовали дыхание войны. Вражеская авиация бомбила железнодорожные станции и на бреющем полете расстреливала из пулеметов колонны детей, эвакуированных из Ленинграда. По дорогам нескончаемым потоком шли на восток женщины, дети, старики.

Вслед за нашим эшелоном подходили другие. Завершалось сосредоточение дивизии. Мы успели своевременно создать партийную организацию полка и укрепляли партийные организации в ротах, батареях и отдельных взводах.

17 июля полевая почта доставила нам газеты, в которых был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о

реорганизации в Вооруженных Силах органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров.

«Навязанная нам война, — говорилось в указе, — в корне изменила обстановку работы в Красной Армии. Война расширила объем политической работы в нашей армии я потребовала, чтобы политработники не ограничивали свою работу пропагандой, а взяли на себя ответственность также и за военную работу на фронтах.

С другой стороны, война усложнила работу командира в полку и дивизии и требует, чтобы командиру полка и дивизии была оказана полная помощь со стороны политических работников не только в области политической работы, но и в области военной».

Обязанности военного комиссара определялись в «Положении о военных комиссарах Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Комиссар! В самом этом слове было что-то особенное, героическое, легендарное! Комиссар — свежий ветер времен принес это слово из огненных дней Октябрьской революции и битв гражданской войны. Как бы заново вспыхнул свет минувших лет, тех лет, когда молодая Советская республика выстояла под ударами интервентов и белогвардейских банд.

Бесспорно, указ верховного органа власти придал особое значение политработникам, приковал к ним внимание воинов. Разъясняя красноармейцам этот важнейший документ, коммунисты подчеркивали, что на военкомов, на всех политработников возложена задача — быть боевыми носителями духа Коммунистической партии, ее дисциплины, твердости, самоотверженности, мужества и непоколебимой воли к победе над врагами социалистической Родины, быть воинствующими большевиками ленинской закалки.

Комиссаром нашего полка назначили старшего политрука Сергея Изосимовича Чекмарева. Двенадцать лет он прослужил в пограничных войсках, возглавлял партийную комиссию пограничного отряда; хорошо знал военное дело и особенности партполитработы в армии. У меня с Чекмаревым установились деловые и товарищеские отношения. Позже мы стали друзьями. Многому я у него научился.

В полк прибыла группа выпускников Новопетергофского военно-политического пограничного училища имени К. Е. Ворошилова. Их назначили политруками рот. На политработу в подразделениях были выдвинуты и бывшие секретари, члены бюро парторганизаций, призванные в армию из запаса. Сочетание получилось хорошее. Молодой задор и военно-политическая

подготовка у одних, большой опыт воспитательной работы с людьми у других.

Сводки Совинформбюро доносили нерадостные вести. На нашем направлении — в районах Холм, Дно, Сольцы, Луга — с новой силой разгорались ожесточенные бои с немецко-фашистскими войсками, рвавшимися к Ленинграду. Штабные офицеры полка по карте изучали район Старой Руссы, полагая, что где-то недалеко от этого города нам придется драться с гитлеровцами. Однако дивизии было суждено встретиться с врагом на другом участке фронта.

19 июля командир полка майор Хрюкин сообщил нам, что получен приказ подготовить батальоны и батареи к маршу. Предстояло совершить трехсоткилометровый бросок из-под Демянска в район станции Назимово, что северо-восточнее Великих Лук. Выступил полк 20 июля. Прошли Демянск. Вскоре оказались на территории Калининской области. Ее районы близки моему сердцу. Одни из них я знал в прошлом, как секретарь Великолукского окружкома партии, другие — как секретарь райкома. Много волнений и радостей было связано с ними. Воспоминания рождала каждая деревня, речушка, рощица... Казалось, вот-вот встретишь друга, соратника... Впрочем, заботы военные все резче выступали на первый план, оттесняя воспоминания.

Шли днем и ночью. Шли, изнывая от жары, задыхаясь от пыли. Шли, пошатываясь от усталости, многие засыпали на ходу. Люди в большинстве не были подготовлены к длительным переходам. Недавние запасники не умели как следует завернуть портянки и потому натирали кровавые мозоли. Еще горше было тем, кто вместо сапог получил ботинки с обмотками. Туго обматываешь ноги — икры болят, нельзя идти, ослабишь — обмотки сползают.

Тяжелее всех было командирам и политработникам. На коротких привалах красноармейцы отдыхали, а у нас продолжалась напряженная работа: проверить, во всех ли подразделениях накормлены бойцы, добыть машины, повозки для ослабевших, провести беседы, познакомить людей со сводками Совинформбюро... Всего не перечесть. Но что самое примечательное: хотя мы почти не отдыхали, никто из нас не поддавался усталости, словно был у каждого из нас какой-то особый запас энергии, прочности. Пожалуй, тогда я впервые по-настоящему ощутил, какая могучая сила чувство ответственности за людей на войне, сила, без которой невозможно командовать даже самым маленьким подразделением, нельзя быть настоящим политработником.

С каждым днем становилось все тяжелее. Многие бойцы, обессилев, валились прямо на дорогу. Стало ясно: необходим большой привал для отдыха и сна. Однако приказом на марш это не предусматривалось.

— Надо что-то делать, — обеспокоенно говорили мне командиры рот и батальонов. — Не выдержат люди.

Мы все понимали, что не случайно нас заставляют идти и идти. Видно, где-то мы очень нужны. Но люди должны прийти к месту назначения боеспособными, иначе вся наша спешка не принесет пользы. Командир и комиссар полка не решались просить у командира дивизии время для отдыха людей.

В то время я еще не очень разбирался в воинской субординации. Шел я в голове колонны, полкового начальства поблизости не было. Вскакиваю на коня и скачу вперед, где, я слышал, в сельской школе остановился штаб дивизии. Иду прямо к комдиву. Он лежал на скамье, укрывшись шинелью. Услышав мои препирательства с адъютантом, командир открыл красные от усталости глаза.

— В чем дело?

Рассказ мой был торопливым и сбивчивым. Командир прервал меня:

— Хватит! Твое дело людей вести, а не отдыха просить. Тоже мне секретарь!..

Вот и весь разговор. С тяжелыми думами возвращался я в полк.

На полпути меня обогнал мотоциклист — офицер связи. Я не обратил на него внимания, хоть он и помахал мне рукой. Ну а вскоре на лесной поляне я увидел часового, а дальше — людей, располагавшихся на отдых. Значит, мне все-таки удалось убедить комдива.

Марш продолжался еще несколько дней. Но больше не было жалоб на усталость, словно ночной отдых прибавил сил на много дней вперед. Помню, пожилой солдат Федор Артемьевич Смелков сказал мне:

— Умнейший у нас комдив, товарищ секретарь, до чего бойцов понимает. Как чувствует, что у людей больше сил нет, так, значит, отдых дает... А ежели не дает — терпи солдат, еще в тебе запаса хватает...

Забегая вперед, скажу, что во время войны мне много приходилось шагать по трудным дорогам, однако этот первый марш был наиболее тяжелым и напряженным.

Пришли вовремя. 27 июля 1941 года дивизия сосредоточилась в районе железнодорожной станции Назимово и вошла в состав 22-й армии Западного фронта. Его войска в это

время вели ожесточенные бои с противником на линии Великие Луки, Ярцево, Ельня. 22-я армия находилась на правом фланге фронта. После отхода из-под Полоцка она занимала оборону на рубеже верхнее течение реки Ловать, Великие Луки, озеро Двинье, сковывая семь пехотных дивизий 9-й армии и весь 57-й моторизованный корпус противника.

После короткого отдыха закипела работа. Рыли окопы, проверяли оружие, подносили боеприпасы. Подвезли бутылки с горючей смесью. Это было самое простое средство для уничтожения танков противника. В каждой роте создавали группы истребителей из двух-трех бойцов, вооруженных бутылками и связками ручных гранат. В окопах бутылки держали в отдельных нишах.

Впервые мы встретились здесь с бойцами и командирами, выбравшимися из окружения. Шли они чаще всего группами. В оборванном обмундировании, обросшие, усталые, но с оружием в руках. Радость встречи со своими как-то сразу преображала изможденных людей. Появлялись улыбки, глаза сияли. Наши бойцы кормили их, делились махоркой. Подолгу беседовали. И вот что примечательно: не сломила советских людей беда, не поддались они отчаянию. Рассказывали не о муках своих, а о героизме бойцов, принявших на себя первый удар врага, о стойкости и мужестве пограничников. И думали об одном: быстрее найти свою часть.

На тридцать восьмой день войны, 29 июля 1941 года, 256-я стрелковая дивизия получила боевую задачу. Она должна была вместе с другими соединениями 22-й армии нанести удар по вражеской группировке противника в районе Плоскошь.

Наш 937-й полк совершил переход в район севернее Плоскоши и вступил в бой 8 августа. Первый бой! Наверное, нет ни одного участника войны, который не помнил бы его во всех подробностях.

Комиссар направил нас, работников партийно-политического аппарата полка, в батальоны для проведения митингов, посвященных началу боевых действий. Утром 8 августа после митинга я был в наступающей цепи 3-го батальона и вскоре залег вместе с бойцами под сильным артиллерийским огнем врага: прильнул к земле, втягивая голову в плечи при каждом разрыве снаряда.

После Константина Симонова трудно более точно и емко сказать о самочувствии бойца в такие моменты:

Казалось, чтобы оторваться,
Рук мало — надо два крыла.

Казалось, если лечь, остаться, —
Земля бы крепостью была.

Время шло. Мы лежали, теряя людей ранеными и убитыми. И казалось, этому нет конца.

Вдруг я услышал громкий и уверенный голос:

— Коммунисты, вперед!

Какая сила была в этом призыве!

Я поднял глаза и увидел комиссара полка Сергея Изосимовича Чекмарева. Он стоял под огнем один в зеленой пограничной фуражке с автоматом в руках, с лицом будничным и суровым. Затем комиссар пошел вперед, не оглядываясь. Пошел, не сказав ни слова. Есть все-таки какая-то высшая справедливость судьбы в том, что военное счастье сопутствует мужеству.

Я не могу словами выразить чувство, которое подняло нас, как незримая волна. Знаю только — мы не могли не подняться. Мы устремились за комиссаром, обогнали его. Коммунисты, комсомольцы, все бойцы. В каждом из нас словно жила частица его бесстрашной души. И командир полка майор Михаил Трофимович Хрюкин был среди нас — в цепи наступающих 1-го батальона. К вечеру мы продвинулись вперед и захватили господствующие высоты.

Позже я много размышлял о различных формах и методах партийно-политической работы на фронте. И пришел к твердому убеждению, что ее главный смысл в силе личного примера. Нашим девизом стал лозунг «Коммунисты, вперед!». Пример коммуниста, комсомольца, командира и политработника убедительнее всего воздействует на других бойцов.

Те, кто ходил в атаку, знают, какое психологическое значение имеет чувство локтя, уверенность в том, что ты не один, что тебя всегда поддержат, не оставят в беде, позаботятся о сохранении твоей жизни, прикроют продвижение вперед огнем. И этими надежными людьми были коммунисты, комсомольцы, воодушевлявшие бойцов личным примером и пламенным словом. Они всегда стремились знать настроение людей, умели поддержать их в трудные минуты. Вот почему красноармейцам хотелось находиться в бою рядом с коммунистами.

Во всем этом проявлялась любовь и доверие бойцов к партии Ленина, сила и мудрость которой воплощались в комиссарах и политруках, в коммунистах.

Первая встреча лицом к лицу с врагом принесла нам успех. Трудно переоценить значение этого успеха. Тот, кто начинал войну с отступления, неудачи, с трудом преодолевал

психологический шок, а тот, кто начинал с успеха, уже не испытывал страха перед врагом.

Дивизия продолжала наступать, а наш полк был выведен во второй эшелон. Открылась возможность немного осмотреться, подвести некоторые итоги первых боев. Партбюро полка решило провести открытые партийные собрания в ротах.

Мне хорошо запомнилось партийное собрание на фронте после первого боя. В лесу под кронами деревьев с оружием в руках расположились полукругом на траве бойцы и командиры 2-й роты 1-го батальона. На собрание пришли все воины роты, за исключением дежурной службы. И это понятно. Все бойцы — были в карманах гимнастерок партбилеты или не было — жили одной жизнью, одними интересами. На собрании шла речь о том, как прошел первый бой и какие из него надо сделать выводы. И для каждого это был разговор о том, как уничтожать врагов и уцелеть самому.

Были выступления, которые сразу приковывали внимание своей воинской практичностью. В этих выступлениях, хоть они не стенографировались и не печатались, а лишь коротко и негладко протоколировались на тетрадных листках, накапливался бесценный опыт войны.

Помнится выступление командира взвода, члена партбюро полка Железнова. Человек необыкновенного хладнокровия, ясной мысли, продуманных решений, он говорил о борьбе с «кукушками». Бои шли в лесистой местности. Противнику удалось забросить в тыл нашей роты нескольких автоматчиков. Замаскировавшись на ветвях деревьев, они открыли беспорядочный огонь. Расчет был на психологическую внезапность, на то, что у страха глаза велики... Однако же вызвать панику фашистам не удалось. «Кукушки» из охотников сами превратились в «дичь».

Отправлялись выслеживать «кукушек» вдвоем. Один боец перебегал между деревьями достаточно быстро, чтобы не слишком рисковать, вызывая огонь на себя, другой, притаившись, едва «кукушка» обнаруживала себя, снимал ее метким выстрелом. В этой «охоте» особо отличились командир взвода разведчиков младший лейтенант Жабинский и бойцы взвода Железнова.

Говорили на собрании и о том, как укрываться от минометного огня, о необходимости дружить с лопатой, окапываясь на каждом опасном рубеже. Не замалчивались на собраниях и наши промахи. Я уже рассказал, как мы долго лежали под огнем противника, вместо того чтобы стремительным броском ворваться в его траншею. Неоправданные потери несли подразделения, пренебрегавшие маскировкой. Были свои

недостатки и у артиллеристов. Они еще не научились вести разведку и достаточно эффективно поражать цели. Стреляли главным образом по площадям.

Не ладилась у нас еще политическая работа в бою. В мирные дни она рассматривалась как сумма мероприятий, которыми занимаются в свободное от службы время: лекции, беседы, культпоходы и т. д. Политработа в бою — это личный пример доблести коммуниста и комсомольца, доброе слово, сказанное дрогнувшему под огнем товарищу, помощь новичку... Это — листовка-молния, оповещающая о подвиге, мудрый совет ветерана и многое другое, о чем речь пойдет впереди.

Война разгоралась. Наш опыт был невелик — полк лишь недавно сформировался, традиций своих еще не имел. Что поделаешь, слабых мест у нас было пока много. Однако чем тяжелей становились бои, тем прочнее в их огне закалялись характеры. Чем большей была опасность, тем тесней сплачивались люди вокруг Коммунистической партии, стремясь влиться в ее ряды.

У меня сохранилась тетрадь, в которую летом сорок первого я переписывал некоторые документы. Позволю себе привести выдержки из нее.

«В партбюро полка от сержанта Адонина Николая Александровича, 2-й стрелковой роты, 1-го взвода.

Заявление

Прошу принять меня в кандидаты партии. Хочу быть коммунистом и вести за собой взвод, который доверили мне. Буду громить германских захватчиков, не жалея ни сил, ни крови, ни самой жизни для полной победы над коварным врагом. Нет места на нашей земле гитлеровской своре. Я как член ВЛКСМ прошу партбюро не отказать в моей просьбе.

Н. Адонин».

«Советская Родина в опасности. Мать-Отчизну я еще больше люблю. Поэтому прошу принять меня в ряды ВКП(б), создавшей такую Родину», — писал старший врач полка Василий Сергеевич Иванов.

«Сражаться на фронте Отечественной войны хочу большевиком. Буду честно, добросовестно выполнять задачи, поставленные партией» — эти слова принадлежат красноармейцу взвода разведки Д. Ф. Дюжину.

«Хочу идти в бой коммунистом!» — такие слова встречались во всех заявлениях. Они, эти слова, вошли в историю как знамение времени.

Вместе с другими частями дивизии наш полк продолжал наступать и овладел населенными пунктами Середихино, Зыково,

Волок.

Сейчас уже трудно представить себе, что значило наступать летом 1941 года. Превосходство в силах и на земле, и в воздухе было на стороне врага. Фашистские полчища рвались вперед на всех фронтах. Гитлеровцы верили в блицкриг — молниеносную победу. Конечно, незначительное продвижение одной нашей дивизии на узком участке фронта принципиально ничего не меняло в масштабе войны. Однако весь гигантский фронт слагался из множества широких и узких участков. И каждая точка на карте — картофельное поле или деревня, каждый убитый фашист, каждая взятая высота несли в себе частицы той, пока далекой победы, которая еще не была никому видна, но жила в надеждах, мужестве, убежденности наших воинов.

Преследуя противника, 1-й батальон нашего полка далеко вырвался вперед и был отрезан от наших частей. Целые сутки он отбивал ожесточенные атаки немецкого пехотного полка, поддержанного артиллерией и авиацией. Когда же подошли основные силы нашей дивизии, кольцо окружения удалось прорвать. Мы освободили деревню Погорелое. Название деревни, возникшее еще во времена крепостного права, словно заново оправдалось при «новом порядке» гитлеровцев. Часть изб была сожжена — торчали одни черные печи. Это была месть фашистского командования непокорившимся. За отказ от уборки урожая и сдачи зерна колхозников объявляли диверсантами и расстреливали, а хаты их сжигали. Многие наши бойцы впервые своими глазами увидели следы злодеяний фашистов. Увиденное своими глазами всегда действует сильнее, чем услышанное. Ненависть и жажда справедливой мести укреплялись в сознании красноармейцев.

Противник не смирился с утерей нескольких населенных пунктов и решил восстановить положение. Атака следовала за атакой. Пока мы отбивали их успешно. 22 августа полк занял оборону на рубеже Томасово, Масалово. К вечеру враг подтянул свежие силы и снова перешел в наступление.

Где место секретаря партийной организации, пропагандиста и секретаря комсомольской организации полка во время боя? Опыт первых боев нам подсказывал ответ: в самых опасных местах, на участках, где решается успех сражения. В нашем полку утвердилась практика: как только начинались бои, комиссар направлял пропагандиста, секретаря комсомольской организации и меня в батальоны. Иногда мы находились в них подолгу. В то время в стрелковых батальонах комиссаров не было и мы фактически исполняли их обязанности. Верно ли мы поступали? Оказалось, что не совсем верно. Нас поправил комиссар дивизии

Григорий Васильевич Рябухин. Помню его пребывание в нашем полку. Он познакомился с партполитработой в подразделениях, а затем собрал нас и сказал:

— Из вас получились неплохие комиссары батальонов, а вот свои непосредственные обязанности вы выполняете далеко не блестяще.

Особенно досталось мне за ослабление руководства ротными парторгами. Находясь долго в одном батальоне, я не имел возможности встречаться с парторгами и коммунистами других парторганизаций, распадавшихся порой из-за потерь коммунистов в бою. Число убитых коммунистов возрастало — ведь они первыми подымались в атаку. Партийные организации в нескольких подразделениях потеряли более трети своего состава. Положение осложнялось тем, что не удавалось быстро пополнить их. Хотя желающих вступить в партию было много, коммунисты не могли удовлетворить их просьбу. И вот почему. По Уставу ВКП(б) рекомендующий должен был иметь партийный стаж не менее трех лет и знать рекомендуемого по совместной работе не менее года. Наш же полк, повторяю, сформирован в самом начале войны. Однополчане знали друг друга всего лишь несколько месяцев.

Все же и при этих условиях нельзя было допустить, чтобы роты не имели парторганизаций. По предложению партбюро командир полка направил десять коммунистов из тыловых подразделений в стрелковые. Это позволило восстановить партийные организации или создать партийно-комсомольские группы в тех ротах, которые понесли наибольшие потери коммунистов. Например, в пулеметной роте 1-го батальона, где насчитывалось три кандидата и один член партии, мы образовали кандидатскую группу. В двух стрелковых ротах, где осталось по одному члену партии и по два комсомольца, были созданы партийно-комсомольские группы, которые возглавили парторги, утвержденные партийным бюро полка. Все это мы делали с ведома политотдела дивизии.

...25 августа. Разгар боя. Командир полка сообщил нам, что получен приказ: отходить. Такой поворот дела был для нас совершенно неожиданным.

— Почему отступаем? — задавали нам вопрос красноармейцы.

Штаб полка не знал — да и не мог знать — конкретной обстановки, сложившейся на фронте. И мы, разумеется, не могли ясно объяснить людям причины отхода. Отвечали: «Приказ есть приказ». Лишь значительно позже нам стало известно, что, сосредоточив большое количество войск, противник нанес

сильный удар на стыке 22-й и соседней 29-й армий. Наша 256-я дивизия получила приказ отходить, чтобы избежать окружения.

Фронтовая семья крепнет в боях

Отходили по проселочным дорогам Холмского района Калининской области. Хвойные и лиственные леса чередовались с колхозными полями. Села утопали в зелени. Оторваться от противника не удалось. 3-й батальон капитана В. А. Никольского, прикрывая отход, вел арьергардные бои.

Политотдел дивизии сообщил нам, что получено Постановление Центрального Комитета ВКП(б) о приеме в партию отличившихся воинов. «Установить, — говорилось в постановлении ЦК, — что красноармейцы и начальствующий состав действующей Красной Армии, особо отличившиеся в боях, показавшие образцы героизма и изъявившие желание вступить в партию, могут представлять рекомендации трех членов партии с годичным партийным стажем, знающих их по совместной работе и менее одного года. В этом случае вступающие в партию представляют боевую характеристику политического руководителя подразделения или комиссара части»[1].

Этот важнейший документ мы довели до всего личного состава. Воины встретили его с большим воодушевлением.

Вместе с красноармейцами наступая под вражескими пулями, хлебая ложкой из одного котелка, укрываясь одной шинелью, мы, коммунисты, узнавали людей куда быстрей, чем в мирное время. Лучших из лучших среди них мы рекомендовали в партию. Первую рекомендацию в кандидаты я дал комсомольцу сержанту Кукушкину, а в члены ВКП(б) — Михайлову. Оба они были доблестными воинами. Сергей Кукушкин начал войну рядовым. В первых же боях проявил храбрость. Закалку в огне он получил и в последующих схватках с гитлеровцами. Ему доверили командовать пулеметным взводом. Случилось так, что у деревни Томасово противник на рассвете отрезал его взвод от роты. Растеряйся молодой командир хоть на мгновение, допусти, чтобы люди дрогнули в огненном кольце, — и конец. Но Сергей был тверд и спокоен.

— Продержимся? Выручат нас? — с тревогой спрашивали его.

— Это пусть фрицы думают, как им удержаться! — отвечал он.

На выручку пулеметчикам пришли стрелки. Более часа длился бой. Гитлеровцы не выдержали штыкового удара и откатились от Томасово.

Политрук Михайлов прибыл в полк из Новопетергофского военно-политического пограничного училища имени К. Е. Ворошилова. В роте он был самым юным — розовощекий, с белым

пушком вместо усов. Сначала некоторые красноармейцы не принимали его всерьез — встречали снисходительной улыбкой. Все изменилось после первого боя, в котором Михайлов проявил смелость и находчивость. Он шел в первых рядах атакующих, увлекая за собой бойцов. Бесстрашие Михайлова покорило красноармейцев. Его авторитет в роте неизмеримо возрос.

По-настоящему мужественного и смекалистого человека, не раз отличавшегося в разведке, Дмитрия Финогеновича Дюжина рекомендовали кандидатом в члены партии командир полка Хрюкин, комиссар полка Чекмарев.

В боевой обстановке было трудно, а порой и невозможно созвать собрание первичной партийной организации. Центральный Комитет разрешил проводить прием в партию в частях действующей армии на заседаниях партбюро полка с последующим утверждением решения партийной комиссией при политотделе дивизии. Почти на всех заседаниях полкового бюро мы рассматривали заявления. Мы радовались тому, что в тяжкую для Родины годину партия непрерывно пополняется замечательными людьми.

В связи с тем что заявления о приеме в партию рассматривались лишь на заседании партбюро полка, мы считали своим долгом информировать коммунистов в подразделениях о каждом решении. Все члены бюро (их было пять человек), выступая с информацией в ротных партийных организациях, популяризировали боевой опыт, героические подвиги тех, кто удостоился высокого звания коммуниста. Примечательно, что ни один из членов партбюро не возвращался из подразделений без заявлений красноармейцев и командиров, в которых излагалась просьба принять их в партию большевиков. Вспоминается такой пример. Командир взвода минометной роты комсомолец младший лейтенант Василий Николаевич Скибинский, выслушав сообщение члена нашего партийного бюро о приеме в партию мастеров боя, подошел к нему и сказал:

— Я тоже хочу быть коммунистом. Вот мое заявление. Прошу рассмотреть его на полковом партийном бюро.

Вместе с заявлением Скибинского мне представили характеристику политрука минометной роты на Василия Николаевича. Краткое ее содержание таково. В разгар боя во взводе Скибинского кончились мины. Гитлеровцы словно почувствовали это и атаковали взвод. Было от чего растеряться некоторым минометчикам. Но Скибинский не спасовал. Он поднял красноармейцев в контратаку. Сам он с автоматом, а помкомвзвода комсомолец Николай Чернов и минометчики с винтовками бросились на врага. Появилась и подмога. Несколько

бойцов во главе с политруком минометной роты Павлом Петровичем Поповым набросились на гитлеровцев с фланга. Атака фашистов была отбита.

* * *

31 августа на рубеже Столбово, Кузнецово полк занял оборону. Вскоре немцы атаковали 1-й и 3-й батальоны. Командир 1-го батальона старший лейтенант А. К. Матушкин доложил, что под натиском врага подразделения, находящиеся на левом фланге его батальона, отходят. Майор Хрюкин вместе с комиссаром Чекмаревым вскочили на коней и поскакали в 1-й батальон. Нам с пропагандистом полка старшим политруком Степаном Михайловичем Левченко приказали отправиться в 3-й батальон. Командир и комиссар полка остановили отступавшую роту, увлекли ее за собой в бой и восстановили положение. В 3-м батальоне все атаки врага были отбиты.

В тот день нам пришлось пережить нечто похожее на психическую атаку из фильма «Чапаев». Шеренги вражеской пехоты двинулись к нашим окопам. Гитлеровцы шли плотно — локоть к локтю.

1-й батальон подготовил все огневые средства к бою. Однако комбат Матушкин запретил стрелять без его команды. Напряжение возрастало с каждой минутой. Дошло до предела!.. И когда расстояние между гитлеровцами и нами сократилось до 100–150 метров, последовала команда:

— Огонь!

Шеренги фашистов сразу поредели, но оставшиеся в живых продолжали во весь рост бежать вперед. И тут командиры рот подняли бойцов в контратаку. Первыми в стремительном порыве врезались в шеренгу гитлеровцев комсомольцы старшина Лысаков, красноармейцы Медюков и Харитонов. Жестокая рукопашная схватка завершила разгром атакующих. Фашистов, которые пытались спастись бегством, настиг пулеметный огонь. Это комсомолец Бабич, выдвинувшийся на фланг со станковым пулеметом, отрезал им путь к отступлению.

Бой, описанный здесь, нетипичен. Гитлеровцы редко прибегали к подобным приемам. Они быстро убедились, что никакой психической атакой не сломить воли советских солдат. Между тем на Западе кое-кто до сих пор пытается переиначить историю. Западногерманский публицист Себастьян Хаффнер в 1969 году в восьми номерах журнала «Штерн» печатал свои

«исследования», в которых изо всех сил пыжился доказать, что в сорок первом году русских солдат на фронт гнали силой, а дай им волю, они, дескать, все побросали бы оружие. Трудно вообразить более беспардонную ложь. Наши люди всегда ненавидели фашизм. Эта ненависть возросла во сто крат, когда заклятый враг посягнул на нашу землю. На всех участках огромного фронта советские люди сражались отважно, самоотверженно, не жалея ни крови, ни жизни.

...Поздно вечером 1 сентября командир полка получил приказ отойти на новый рубеж. (Снова нависла опасность окружения.) Снимались с позиций в проливной дождь. Дороги развезло. Люди шли по обочинам, заткнув полы шинелей за пояс. Обозы всех полков дивизии перепутались. Образовались пробки. Только к утру вышли на новый рубеж.

После напряженного боя и ночного перехода сказывалась крайняя усталость. И тут нас атаковали свежие силы противника, видимо подброшенные из резервов.

Впервые с начала боев наш полк отступил без приказа, не выдержав напора врага. Командир дивизии приказал восстановить положение. 2 сентября все было готово для начала наступления. Но противник опередил нас. Рано утром его танки атаковали нашего соседа слева и вышли на шоссе. Разведчики установили, что полк отрезан от других частей дивизии. Вражеские клинья соединились где-то впереди. Связь со штабом дивизии по радио прекратилась. Позднее мы узнали, что на КП, находившийся в районе деревни Болотово, прорвались автоматчики. В завязавшейся перестрелке погиб начальник штаба дивизии подполковник В. Г. Буянов.

Неподалеку по шоссе непрерывным потоком шли немецкие танки, артиллерия, пехота. Но нас неприятель не видел. Подразделения полка в районе деревни Тухомичи прикрывал густой кустарник.

Что делать? Немедленно вступить в бой и попытаться прорваться к своим или дождаться ночи?

Силы ваши были слишком незначительны, и дневной бой не принес бы успеха. Майор Хрюкин решил отказаться от попытки прорваться до темноты, укрыть полк в глубине леса.

Мы разыскали учителя из Тухомичей Петра Захарова, и он балками провел полк в глухой бор. Здесь мы заняли круговую оборону. Учителя отпустили — не хотелось далеко уводить его от своих учеников.

Окружение... Конечно, это слово, пугавшее некоторых воинов в первые месяцы войны, передавалось из уст в уста, тревожило. От коммунистов не ускользнуло, что в души некоторых бойцов

закрадывается неуверенность... Надо было сохранить организованность и высокую дисциплину, ободрить людей.

Комиссар полка Чекмарев, пропагандист старший политрук Левченко и я отправились в батальоны. В подразделениях мы провели беседы о необходимости дальнейшего укрепления дисциплины. Особое внимание обращали на то, что без четкого и беспрекословного выполнения приказов командиров, подчинения воли бойцов воле начальника не достигнешь победы. Малейшее ослабление дисциплины могло привести к тяжелым последствиям. Рассказали и о замысле командования полка — прорвать кольцо окружения ночью.

В 3-м батальоне случилось чрезвычайное происшествие. Нашелся трус, пытавшийся перебежать к гитлеровцам. Не добежал! Законы войны суровы: не было к убитому подлецу жалости — одно презрение.

К вечеру интенсивность движения немецко-фашистских войск на шоссе стала ослабевать. А ночью бой утих. Теперь наши боевые группы перекрыли большой участок дороги. Им удалось бесшумно остановить три немецкие машины, без выстрелов покончить с фашистами. Меж тем полк пересек шоссе и вскоре углубился в лес. Расчет командира полка оказался правильным.

Далее нам предстояло идти на соединение с частями дивизии. Шли лесными дорогами, параллельно шоссе, занятому врагом. Не все лесные дороги обозначены на картах. Их хорошо знали лишь местные жители. Однако где ночью найдешь проводника? Майор Хрюкин повел полк сам. Первую ночь он шел с головным отрядом. Наблюдая в эти дна за командиром полка, я открывал в нем новые черты характера. Мне, как, впрочем, и всем воинам полка, было известно, что он храбрый человек. Его не раз видели в цепи наступающих. Однако же порой казалось, что он охотней шагает под пулями, чем управляет с КП. Но вот, когда полк оказался отрезанным от своих, Михаил Трофимович проявил и самостоятельность, и твердость, и командирский талант. Он был энергичен и неутомим.

Ночной марш был успешным. Рано утром 3 сентября полк остановился в лесу вблизи колхоза «Красная лоза». От усталости и нервного напряжения все валились с ног. Командир полка приказал устроить большой привал.

В «Красной лозе» мы получили проводника. Им был председатель колхоза Иван Пушкин.

Шли проселочными и лесными дорогами — запыленные, исхудавшие. И все же усталость была лишь физической усталостью. Мысли оставались ясными. Люди говорили о причинах отступления, о судьбе страны. Спорили, задавали

коммунистам вопросы. Более всего интересовались, конечно, обстановкой. Пожалуй, на их настроении ничто так отрицательно не сказывалось, как незнание обстановки — общей, в масштабах страны, и частной, в масштабах своей дивизии, полка. Советские люди воспитывались с детских лет как хозяева своего государства, ответственные за его судьбу.

Помню, как днем на одном из больших привалов комиссар полка Чекмарев разложил на траве карту и объяснял политрукам рот маршрут движения полка, положение противника, примерное место соединения с главными силами дивизии.

Теперь уже многие понимали, что для ведения политической работы в боевой обстановке нет какого-то особого «отдельного» времени. Политруки на коротком привале успевали проинформировать коммунистов о сложившейся обстановке. Коммунисты вели дружеские беседы. Значение этих бесед коммунистов с беспартийными бойцами трудно переоценить. Чем сильнее накалялась фронтовая обстановка, тем больше люди нуждались в добром, ободряющем, душевном слове.

На одном из привалов состоялись короткие открытые партийные собрания. Обсуждался один вопрос: «О хранении оружия». Коммунисты, все красноармейцы и командиры были единого мнения: оружие тяжело раненных и убитых не должно оставаться на поле боя. Каждую винтовку, автомат, пулемет, миномет, каждый патрон и снаряд надо беречь как зеницу ока.

* * *

Иван Пушкин довел полк до колхоза «Красная Москва». Здесь мы познакомились с его председателем — коренастым богатырем с окладистой, черной как смоль бородой. Колхозники уважительно звали его Спиридонычем. Он собрал для нас у колхозников хлеб, отпустил картошки, зарезал быка. Командир полка выдал ему за полученные продукты расписку. (С этим у нас было строго. За мешок картошки, взятый без спросу, могли бы судить, как за мародерство.) Люди досыта поели, отдохнули. Ночью пошли дальше. Теперь сам Спиридоныч показывал дорогу.

Я долго шагал с ним рядом. Мы вели разговор, конечно, о положении на фронте. Спиридоныч верил в победу твердо, однако считал, что воюем мы плохо. На прощание он сказал:

— Помните! За все, что мы здесь под пятой оккупантов переживем, и вы в ответе!

Нелегко было выслушать такие слова. А тяжелее всего было

проходить через деревни. На улицах всегда стояли женщины, старики, дети и молча провожали нас грустными взглядами. А бывало, у кого и прорывалось: «Не в ту сторону наступаете!»

— Вернемся! Скоро вернемся! — эти слова мы повторяли, как клятву.

6 сентября полк с боем вышел к линии фронта и установил связь со штабом дивизии. Вскоре к нам прибыли представители командования 27-й армии (дивизия вошла в ее состав) с приказом немедленно перейти в наступление. Между тем боеприпасы в полку иссякли. Люди устали. Наступление было заранее обречено на провал. К счастью, нам удалось переубедить представителей командования армии. Командарм наступление отменил. К нам подошли машины и перебросили всех людей в тылы дивизии на отдых.

Кругом лес неповторимой красоты. Множество озер. Здесь, недалеко от Селижарово, берет свое начало великая Волга. В годы войны прекрасное воспринималось нами особенно обостренно. Каждый подсознательно ощущал, что, может быть, видит все это в последний раз. Да и просто многое ведь врезается в память по контрасту.

Шла нормальная жизнь. Дымили походные кухни. Приходили газеты. Привезли подарки, присланные с Южного Урала. Сколько теплых улыбок появилось на исхудалых лицах наших бойцов, когда они получали кисеты, носовые платки и обязательно письма.

Письма из тыла... Как дороги они были для нас на фронте. И я тогда получил подарок и письмо, написанное детским почерком. Вот оно:

«Дорогой товарищ!

Я, ученица 6-го класса, посылаю Вам свой скромный подарок. Громите беспощадно ненавистного врага. Вы отважно боретесь с врагом, а мы — ребята — будем укреплять тыл своей работой.

С пионерским приветом Николаева Люся.

г. Молотов (ныне Пермь), Рабочий поселок».

Спасибо тебе, Людмила Николаева, за подарок и письмо.

Вечером, за беседой у костра, я обратил внимание на то, как сильно изменились бойцы за первые месяцы войны. Стали душевнее, ближе друг к другу. Первое знакомство давно переросло в дружбу. Радость боевых успехов и горечь отступления крепко спаяли всех. Это чувствовал я я по себе. Мы еще больше сблизились с командиром полка. Душевные контакты с ним стали особенно тесными в те дни и ночи, когда полк совершал многотрудные марши. Запомнилась беседа с Михаилом Трофимовичем на одном из привалов. Он рассказал мне о своей

жизни. Детство у него было нерадостным. С малых лет пришлось батрачить у кулаков в бывшей Воронежской губернии. Рано пробудившееся классовое самосознание привело его, восемнадцатилетнего юношу, в ряды Красной Армии. Ему довелось участвовать в разгроме Врангеля и ликвидации махновских банд на Украине. После окончания гражданской войны Михаил Трофимович учился на курсах и стал красным командиром. Через некоторое время его снова послали совершенствовать военные знания. Потом дали полк.

Все чаще и чаще в красноармейском обиходе повторялись слова — фронтовая семья. Что ж, полк действительно стал дружной фронтовой семьей.

На второй день отдыха к нам приехал начальник политотдела дивизии батальонный комиссар Вениамин Иванович Попов. От него мы узнали о том, что дивизия снова вошла в состав 22-й армии и теперь находится на правом фланге Западного фронта.

На огненной черте

Как будто вновь я вместе с ними Стою на огненной черте У незнакомого поселка На безымянной высоте.

10 сентября сорок первого года полк занял оборону недалеко от деревни Славутино. Ему была поставлена задача во что бы то ни стало задержать противника на этом рубеже. Дорогу и господствующую высоту 251,5 оседлал 2-й батальон капитана В. А. Первова. Слева занял оборону 1-й батальон старшего лейтенанта А. К. Матушкина, справа — 3-й батальон капитана В. А. Никольского.

Особое значение командир полка придавал укреплению обороны на высоте. И он не ошибся. Борьба за нее приняла драматический характер.

Рано утром 11 сентября противник без артподготовки внезапно атаковал высоту, но застать врасплох воинов 2-го батальона ему не удалось. Атака была отбита. Тогда гитлеровцы провели артподготовку. Стремясь подавить наши огневые точки, сломить дух бойцов, они снова пошли в наступление. На сей раз противнику удалось преодолеть значительную часть пути, а на участке 4-й роты даже вплотную приблизиться к траншее. Командир роты комсомолец лейтенант Николай Букшенко повел своих людей в контратаку и отбросил гитлеровцев с высоты. Они яростно огрызались. Ожесточенный бой продолжался до позднего вечера.

Весь этот день я провел на высоте среди бойцов 2-го батальона.

Как дрались эти люди в рукопашной схватке — с каким бесстрашием, яростью, ненавистью! И как заботливо, по-братски любовно относились друг к другу.

Командир батальона Василий Алексеевич Первов был уже не молод. В его отношении к бойцам проявлялось что-то отцовское — требовательное и доброе. Коммунист с 1929 года, он сам готовил в партию многих солдат, давал им рекомендации.

Непосредственно в бою я увидел его впервые. Выдержка и спокойствие, смелость и осмотрительность, уважительный тон разговора. Пожалуй, этим он больше всего воздействовал на психологию людей. Наверное, нелегко ему было так себя вести в жаркие минуты. Но здесь уже играли решающую роль его волевые качества.

Следующий день начался с артиллерийского обстрела и бомбежки. Немецкие самолеты в течение двух часов пикировали на высоту. В кромешном аду разрывов нельзя было разглядеть

друг друга. Потом пошли танки. Противник овладел высотой. У гитлеровцев появилась реальная возможность выйти на дорогу и разрезать оборону дивизии. Нам сообщили, что комдив приказал восстановить положение.

Первую попытку вернуть высоту полк предпринял ночью. Рассчитывали на внезапность атаки. Однако враг заметил продвижение наших батальонов, и атака успеха не имела.

Утром подошел приданный нам танковый батальон. Известие о появлении танкистов порадовало пехотинцев. Вскоре танкисты вышли на передовую. Вместе с командирами наших стрелковых подразделений они провели рекогносцировку, договорились о совместных действиях. После артиллерийской подготовки танки двинулись вперед. За ними устремились пехотинцы 2-го батальона. Но то, что произошло, было для всех нас полной неожиданностью. Когда танки приближались к высоте, гитлеровцы открыли фланговый огонь из орудий, замаскированных на опушке леса.

Один за другим были подбиты несколько танков БТ-7. Многие из нас, глядя на горящие танки, плакали.

Из показаний пленных, захваченных нашими разведчиками, стало известно, что противник подтянул свежие силы. Все усиливался артиллерийский и минометный огонь врага. Росли потери. Погиб командир 1-го батальона А. К. Матушкин. Тяжелое ранение получил командир 2-го батальона В. А. Первов.

Надо было во что бы то ни стало подавить вражеские батареи. Командир полка отобрал храбрых и опытных разведчиков — сержантов Ивана Головизнина и Александра Черницкого, красноармейцев Дмитрия Дюжина и Василия Ильина — и поставил им задачу: установить место расположения огневых позиций немецких батарей.

Как взять высоту? Все мысли командиров и бойцов были сосредоточены на этом. К счастью, к нам подошла подмога — дивизион дальнобойных орудий. Наши разведчики передали им сведения о расположении огневых позиций вражеской артиллерии. Прибыл дивизион реактивной артиллерии («катюши»), батальон 133-й стрелковой дивизии и 50 политбойцов.

О них, политбойцах, следует рассказать подробнее.

В начале войны, в тяжелое для нашей страны время, воскрешались славные традиции гражданской войны.

«...Всякий раз, когда наступал трудный момент в войне, — говорил В. И. Ленин, — партия мобилизовала коммунистов, и в первую голову они гибли в первых рядах, тысячами они погибли

на фронте Юденича и Колчака; гибли лучшие люди рабочего класса, которые жертвовали собой, понимая, что они погибнут, но они спасут поколения, спасут тысячи и тысячи рабочих и крестьян»[2].

Так было и теперь. Коммунисты и комсомольцы шли в авангарде. Агитировали словом и личным примером. Но во вновь сформированных частях их нередко было немного. Центральный Комитет партии учитывал это и уже 27 и 29 июня 1941 года принял решение о мобилизации коммунистов и комсомольцев для укрепления партийно-политического влияния в войсках. За первые шесть месяцев войны 60 тысяч коммунистов и 40 тысяч комсомольцев ушли на фронт политбойцами.

Всего за первые шесть военных месяцев по общевоенной мобилизации и по отбору партийными органами в Вооруженные Силы было направлено 1 100 тысяч коммунистов.

«Звание политбойца, — писала «Красная звезда». — означает, что к воинскому долгу коммуниста присоединяется также вся полнота его политической, партийной ответственности в бою».

Все политбойцы, прибывшие в наш полк, были из Ивановской области, известной своими революционными традициями.

Вместе с начальником штаба мы подготовили предложение о расстановке политбойцов по подразделениям. Но командир и комиссар решили иначе. Они пришли к политбойцам, рассказали о боях за высоту 251,5 и необходимости отвоевать ее. Разговор превратился в импровизированный митинг.

Вперед вышел политбоец Сергей Михайлович Ковалев.

— Мы дали клятву ивановским рабочим быть достойными своих легендарных земляков Фрунзе и Фурманова, не жалея сил и жизни истреблять ненавистных фашистов, — сказал он. — Теперь наступило время выполнить клятву. Можете быть уверены, что звание политбойца не опозорим.

Я слушал Ковалева, всматривался в лица политбойцов и думал: а ведь правда, они — наследники тех ивановских ткачей, вместе с которыми М. В. Фрунзе сражался в 1905 году в Москве на баррикадах Пресни, участвовал в штурме Кремля в период Октябрьской революции и громил Колчака в 1919 году.

...Все пятьдесят ивановцев были направлены во 2-й батальон, занимавший оборону перед высотой.

В тот же день по сигналу — залп дивизиона «катюш» — началась атака высоты.

Командир полка майор Хрюкин сам повел в наступление приданный батальон 133-й дивизии. Я был в том же батальоне. А комиссар Чекмарев находился во 2-м батальоне в цепи политбойцов. Наступали перебежками — то совершая

стремительный бросок, то залегая под огнем. Были минуты, когда плотность вражеского огня казалась такой, что не пробежать живым ни шага, ни полшага... Но поднимался Ковалев, порой даже опережая Чекмарева, а за ними Василий Петрович Сидоркин, Иван Васильевич Семенов, молодой Дмитрий Игнатьевич Варушкин... Когда высота 251,5 снова перешла в наши руки, мы узнали, что среди наступавших политбойцов были убитые и раненые.

Могут спросить, а правильно ли поступили командир и комиссар полка, направив всех политбойцов в один батальон, на самый опасный участок?

Если рассматривать этот вопрос отвлеченно, то можно сказать: неправильно. Но конкретная обстановка сложилась так, что потеря высоты грозила нам катастрофой. Взять высоту было для дивизии вопросом жизни и смерти. И верно, что политбойцы были все посланы на решающий участок. Они с честью оправдали свое звание!

Примечательно вот что: политбойцы оказались образцовыми солдатами не только по своим моральным качествам, но и по военной подготовке. Они великолепно владели оружием. Откуда же это мастерство? Я обращаюсь к своим воспоминаниям, думаю, в них есть ответ на этот вопрос.

...1926 год. Завод «Динамо». Коммунисты и комсомольцы с винтовками на плечах шагают на Ходынское поле для проведения боевых стрельб.

1928 год. Электрозавод. Во дворе, на стене недостроенного корпуса, вывешено красное полотнище, на нем слова В. И. Ленина: «Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй; но когда она придет, мы не знаем, и нужно сделать так, чтобы тогда, когда она придет, мы могли быть на высоте»[3].

Из-под арки заводских ворот вытягивается военизированная колонна молодых рабочих и направляется за город. На груди всех участников похода значок «Ворошиловский стрелок». Ночлег в лесу. Подъем по тревоге. Начинаются военные учения.

1931 год. Мы, делегаты IX съезда комсомола от Московской организации, направляемся в Большой театр. В его партере, где отведены места для нашей делегации, шумно. У сцены, в плотном кругу моряков, кто-то пытается плясать яблочко.

В 6 часов 35 минут вечера на сцену выходят трубачи, фанфары извещают: «Слушайте все!» Делегаты поют «Молодую гвардию».

С отчетным докладом Центрального Комитета ВЛКСМ выступает Александр Косарев. В докладе и прениях много говорится о необходимости дальнейшего улучшения военной

работы комсомола.

Комсомол берет шефство над Военно-Воздушными Силами страны и выдвигает лозунг «Комсомолец — на самолет!».

В решении съезда записывается:

«Съезд считает размах и содержание военной работы комсомола не соответствующими современным требованиям обороны страны и новому техническому вооружению РККА и требует немедленного осуществления задачи всеобщего обязательного военного обучения комсомольцев, освоения каждым комсомольцем минимума общих и одного из видов специальных, главным образом технических, военных знаний. В рядах комсомола не должно быть места тем, кто недооценивает необходимость военной подготовки, и тем, кто не ведет изо дня в день военной работы».

После IX съезда военная работа в комсомоле получает еще больший размах.

Помню, как все мы, работники Московского комитета комсомола, изучали военное дело и сдавали зачеты. Пример показывал первый секретарь МК Митя Лукьянов, одаренный вожак московских комсомольцев.

Душой большой армии комсомольцев, проводившей военную работу, несомненно, был генеральный секретарь Центрального Комитета ВЛКСМ Александр Васильевич Косарев. Он был «старый военный»: в 1919 году пятнадцатилетним парнишкой в составе отряда московских комсомольцев дрался с Юденичем под Петроградом.

Комсомольцы шли на флот, первенствовали в стрелковых кружках, увлекались авиацией.

«Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц», — пела советская молодежь. Синей эмалью засверкали на груди многих значки парашютистов. При активном участии комсомола в стране было создано 140 аэроклубов, 3 парашютные школы, 400 парашютных вышек. Я не знал комсомольцев и комсомолок, проживавших в нашей столице, не прыгнувших с парашютной вышки. Даже в районных центрах создавались аэроклубы.

Помню, как в городе Торжке большой любитель авиационного спорта второй секретарь райкома партии Павел Иванович Богдашкин организовал молодежь на строительство ангара. Это был первый шаг. Затем собрали средства, приобрели два учебных самолета — и началась учеба в аэроклубе. Вскоре в Торжке, как и в других городах области, появились летчики и парашютисты. Большое развитие получили также планеризм и авиамоделизм.

Тогда были выдвинуты лозунги: «Каждой школе, каждому пионеротряду — авиамодельный кружок!», «Каждому заводу, каждой фабрике — кружок планеристов!».

К 1935 году в авиамодельных кружках занимались 600 тысяч человек.

Накануне войны членами Осоавиахима состояло 13 миллионов человек.

Большую помощь партийным и комсомольским организациям в патриотическом воспитании молодежи оказывали известные военные начальники. У нас в Московской комсомольской организации выступали на конференциях, собраниях, встречались с молодежью С. М. Буденный, председатель Центрального Совета Осоавиахима Р. П. Эйдеман, начальник Военно-Воздушных Сил РККА П. И. Баранов, начальник Морских Сил РККА Р. А. Муклевич и другие.

Во время Великой Отечественной войны тысячи вчерашних воспитанников аэроклубов взяли в руки штурвалы боевых самолетов, пошли в воздушно-десантные, зенитные и стрелковые части Красной Армии, в Военно-Морской Флот.

Бывшие работники Московского комитета комсомола порой проявляли незаурядный военный талант. Цезарь Куников великолепно командовал батальоном морской пехоты, стал Героем Советского Союза. Комиссаром этого батальона был Василий Никитин, впоследствии видный политработник. Александр Воеводин, занимавшийся авиационным спортом, во время войны стал командиром авиационной дивизии.

Политбойцы, направленные к нам, принадлежали к тому поколению, которое готовили к военным испытаниям партия и комсомол...

* * *

Однако вернемся к боям за высоту 251,5. В течение нескольких дней противник вновь и вновь бросал свои батальоны на высоту, а полк отбивал атаки врага и удерживал ее прочно.

Непрерывно вела бои вся 22-я армия на правом фланге Западного фронта.

В середине сентября 256-я и 133-я стрелковые дивизии, 126-я танковая бригада и 45-й кавалерийский отряд нанесли контрудар по группировке противника, наступавшей из района Останец, Петрово.

Ожесточенный бой развернулся за крупный населенный

пункт Мосты. Воины нашей части вместе с 934-м полком нашей дивизии и 681-м полком 133-й стрелковой дивизии обратили фашистов в бегство. На поле боя были захвачены большие трофеи — оружие и боеприпасы. А еще через несколько дней были освобождены деревни Новая Красуха, Старая Красуха, Кожевенная Заборовка, Битуха.

Уничтожить вражескую группировку войск в этих боях не удалось. Но урон она понесла значительный.

* * *

В конце сентября политотдел 22-й армии собрал секретарей партийных организаций полков для обмена опытом работы. Нас немало удивил вызов на семинар в столь сложной боевой обстановке.

Начальник политотдела армии бригадный комиссар И. П. Шевченко словно предугадал наши вопросы и, открывая семинар, начал свою речь так:

— Именно сложность обстановки заставила нас вызвать вас сюда, чтобы договориться о том, как повысить действенность партийно-политической работы в войсках.

Разговор на семинаре состоялся всесторонне интересный. Особое внимание было обращено на ротные партийные организации.

После решения Центрального Комитета о новых условиях приема в партию особо отличившихся в боях открылась возможность укрепить партийные организации подразделений. Теперь во всех ротах были созданы партийные организации или кандидатские группы. И все же бои были настолько жестокими, что потери нельзя было предусмотреть. Бывало, в течение часа или двух рота теряла и парторга и того, кто способен был его заменить. Парторганизация оставалась без руководства. Дело исправляли обычно с большим опозданием — в дни затишья, когда подразделение отводилось на отдых во второй эшелон. И это было ошибкой!

Начальник политотдела армии говорил о том, что, так же как командир во время боя не имеет права терять управление войсками, секретарь партбюро полка обязан не терять руководства партийными организациями, быстро принимать необходимые решения.

Конечно, глубоко был прав бригадный комиссар Шевченко.

Партийное бюро полка не всегда справлялось в полной мере

со своими обязанностями. Тут были и объективные причины. Мы вынуждены были почти все свои заседания посвящать приему в партию. К тому же секретарь парторганизации должен был подготовить к заседанию бюро все документы. Никаких скидок на военное время в оформлении документов не допускалось. Структура партийных организаций полков была явно несовершенна. (Несколько позже ее изменили. Первичные партийные организации были образованы в батальонах.)

И все же мы обязаны были помнить, что сохранение силы и активности ротных парторганизаций при любых условиях — задача главнейшая.

10 октября дивизия заняла оборону в укрепленном районе озер Волго, Селижарово, Будайково. Здесь были отрыты окопы, сооружены доты, пролегли противотанковые рвы, установлены надолбы. Построили их под руководством военных инженеров трудящиеся Калининской области.

Представитель облисполкома рассказал нам, в каких условиях создавались эти оборонительные рубежи. Вражеская авиация каждый день бомбила и обстреливала из пулеметов людей. Вперемежку с бомбами фашисты разбрасывали с самолетов клеветнические листовки. Бомбежки и обстрелы не запугали, листовки вызвали лишь презрение. Работа продолжалась.

Это был и трудовой и боевой подвиг калининцев.

Нашему полку, к сожалению, на хорошо подготовленном рубеже воевать не пришлось. Дивизия получила новую боевую задачу.

Чтобы облегчить читателю понимание обстановки, в которой оказался полк, коротко напомню о предшествующих событиях, развернувшихся на Западном фронте. О них, этих событиях, нам, командирам и политработникам полкового звена, стало известно позже.

После провала летнего наступления на Москву гитлеровское командование подготовило новую операцию с целью овладеть столицей нашей Родины.

Почти половину солдат и боевой техники, имевшихся на советско-германском фронте, гитлеровское командование перебросило на московское направление. Ударами мощных группировок оно замышляло из районов Духовщины, Рославля и Шосткй в восточном и северо-восточном направлениях расчленить фронт обороны советских войск, окружить и уничтожить войска Западного и Брянского фронтов, а затем охватить Москву с севера и юга и овладеть ею.

Намечалось также из района Вязьмы вести наступление на

Калинин и Вышний Волочек с последующим выходом на рубеж Рыбинск, Ярославль.

30 сентября войска противника перешли в генеральное наступление, 2-я танковая группа наносила удар по левому крылу Брянского фронта в районе Шосткй. 2 октября на позиции войск Западного и Резервного фронтов обрушились основные силы группы армий «Центр». Началось грандиозное сражение.

Советские войска повсеместно вели упорные бои, отбивая непрерывные атаки. Однако превосходство врага в живой силе и боевой технике на участках прорыва позволило фашистским войскам вклиниться в расположение наших войск, а затем окружить значительные силы Западного и Резервного фронтов, а южнее и часть сил Брянского фронта.

3 октября немецкие механизированные соединения ворвались в Орел и двинулись дальше вдоль шоссе Орел — Тула. 6 октября пали Карачев и Брянск.

10 октября из района Сычевки в направлении Зубцов, Старица, Калинин перешел в наступление 41-й немецкий моторизованный корпус в составе двух танковых и одной моторизованной дивизий. Непосредственно за подвижными соединениями выдвигались пехотные дивизии 6-го и 27-го армейских корпусов 9-й армии.

Через два дня из района юго-восточнее Ржева они пробились вдоль Волги на северо-восток и вышли к Калинину.

Тем временем войска Красной Армии, оказавшиеся в окружении под Вязьмой, вели упорные бои. В течение недели они сковывали 28 дивизий врага.

Упорное сопротивление войск позволило советскому командованию осуществить широкий маневр.

На ближних и дальних подступах к Москве развернулась работа по созданию оборонительных рубежей.

Такова была в кратких чертах общая обстановка на фронте.

Утром 13 октября начался комбинированный марш дивизии. Два стрелковых батальона нашего полка перебрасывались автотранспортом. Третий батальон, артиллерия и другие подразделения двинулись своим ходом.

Маршрут проходил через Кувшиново, Торжок, Калинин. Полк должен был сосредоточиться в районах населенных пунктов Калошино, Ефремово, Пушкино с последующей задачей занять оборону на рубеже Старица, Волжское водохранилище. Перед дивизией была поставлена задача оборонять Калинин с юга.

К Торжку подъехали вечером. Легко понять мое волнение. Несколько лет тому назад я работал здесь секретарем райкома партии. Любил я этот город — древний, исконно русский, словно

дышащий историей моего народа. Удивительный по красоте кремль и загадка российского зодчества — деревянный храм Вознесения, построенный без единого гвоздя...

Торжок и в XX веке славился мастерством народной художественной вышивки, необыкновенными изделиями из кожи.

Город предстал перед нами совсем не таким, каким я его знал. Незадолго до нашего появления вражеская авиация подвергла его бомбардировке и зажгла. Машины шли по улицам, объятым пламенем. Сердце мое сжималось от боли.

Ночью на Ленинградском шоссе колонну машин остановил представитель командования 22-й армии. От него мы узнали, что противник днем 12 октября занял Погорелое Городище и Зубцов, а к вечеру захватил Лотошино и Старицу. Не исключалось появление его передовых частей у Калинина. Боевая задача дивизии изменилась. Предстояли бои на ближних подступах к городу или непосредственно в Калинине.

За каждый дом!

Светало. Колонна машин подошла к Калинину и остановилась у Горбатого моста, перекинутого через железнодорожный путь. Вместе с командиром и комиссаром полка мы вышли на мост. Неподалеку горел вагоностроительный завод. Очаги пожаров были видны и в других частях города. Я смотрел на огонь, а память не давала покоя. Все здесь так или иначе было связано с моей жизнью, все было дорого и свято.

...Январь 1935 года. На заседании бюро Калининского обкома партии меня рекомендовали вторым секретарем Великолукского окружкома. Потом со мной беседовал секретарь обкома товарищ Михаил (так все звали Михаила Ефимовича Михайлова). Мы говорили о повседневном — важном и все же будничном. Потом, помню, он подошел к окну кабинета, подышал на заиндевевшее стекло, вдруг обернулся ко мне и сказал:

— Слушай, а ведь опасность в мире... Ты едешь в приграничный округ. Учти, может, нам с тобой не только строить, а и воевать доведется.

С товарищем Михаилом мне случалось встречаться и раньше, в Московской партийной организации. В юношеские годы каждый вольно или невольно ищет образец для подражания. Наверное, не один я из комсомольских работников Московской области хотел быть похожим на Михаила и испытал на себе влияние его незаурядной личности. Коммунистом он стал в 1919 году шестнадцатилетним пареньком. В двадцать он уже был секретарем Коломенского уездного комитета. Затем работал в партийных организациях Узбекистана, в аппарате Центрального Комитета ВКП (б). В 1932 году стал секретарем Московского комитета партии.

Отличительными чертами его были сердечность и деловитость. Он не верил в силу бумаги. Не любил бесплодных разговоров и длинных речей. Был прост и доступен для всех. Когда на предприятиях или в колхозах дело не ладилось, Михаил выезжал на место, докапывался до причин неполадок, помогал устранить их.

В 1935 году Михаила избрали секретарем Калининского обкома партии. Ведущей сельскохозяйственной культурой новой области был лен. Товарищ Михаил сумел так поставить дело, что все партийные работники области стали одержимы льноводством. Вскоре Калининская область заняла по производству льноволокна первое место в стране.

В Михаиле меня всегда поражали бойцовские качества,

страстность, особый интерес ко всему новому. Свои знания он щедро передавал молодым партийным работникам.

Сколько лет прошло с тех пор... И сейчас снова в ушах слова Михаила: «Учти, может быть, воевать придется...»

Шли годы. После Великих Лук я находился на партийной работе в Торжке, а затем в Ржеве. В них все напоминало об истории нашей славной Родины. Я полюбил эти старые русские города и оставил в них частицу своей души.

Размышления прервал комиссар полка Чекмарев:

— Смотрите, кто-то бежит из города.

Действительно, к нам приближался человек.

— Я директор распределительного холодильника, — откашливаясь, заговорил он. — В холодильнике хранится много мяса. Боюсь, как бы оно не попало к гитлеровцам. Заберите его, пожалуйста.

— Где немцы? — почти одновременно спросили мы.

— В Калинине их нет. Но они близко. Вчера вечером была слышна канонада и город бомбили.

Командир полка выслал вперед разведку, и вслед за нею колонна автомашин двинулась в город.

Ехали медленно. На Первомайской набережной было пусто. Дома закрыты, окна завешены. По Волжскому мосту выехали на Советскую улицу и остановились у театра. Часть автотранспорта была сразу же отправлена за 3-м батальоном и другими подразделениями полка, находившимися на марше.

Командир и комиссар пытались в местных органах власти выяснить обстановку. Но это им не удалось. Все учреждения накануне были эвакуированы из города. Тогда было принято решение прикрыть город с юга и севера, оседлав шоссе Москва — Ленинград. Командир дивизии, прибывший в полк, утвердил это решение.

Вместе с 1-м батальоном командир полка выехал на шоссе и на месте поставил боевую задачу командиру батальона лейтенанту Пшеничному.

Однако все, что было намечено, пришлось отменить. В Калинине появился представитель штаба 30-й армии и проинформировал командование полка об изменившейся обстановке. Юго-западнее города, на ближайших подступах к нему, вели бои с превосходящими силами врага части 5-й стрелковой дивизии, отряд слушателей Высшего военно-педагогического института имени М. И. Калинина и несколько рабочих батальонов. Атаки противника нарастали, отбивать их становилось все трудней.

Командир дивизии приказал майору Хрюкину снять

батальон, занявший оборону на шоссе южнее города, и направить его в район боевых действий 5-й стрелковой дивизии, а двумя батальонами закрепиться у вагоностроительного завода.

Командир полка сразу же выехал выполнять приказание комдива. Но обстановка снова изменилась. Свежие части противника неожиданно ворвались в Калинин по Горбатому мосту, по которому несколько часов назад проследовал наш полк. 2-й и 3-й батальоны должны были их остановить.

Опыта уличных боев никто из наших командиров не имел. Пришлось на ходу учиться действиям в городе, овладевать тактикой, требующей быстрых решений. С улиц, простреливаемых противником, людей переместили в переулки. Использовали окна и чердаки домов для огневых точек. Продвигались вперед, прижимаясь к стенам. Минут через тридцать вырвались на Первомайскую набережную. Завязался встречный бой, в результате которого гитлеровцы были отброшены.

Наши бойцы откуда-то со дворов катили на улицу бочки, тащили бревна, снимали ворота, ломали заборы. Вскоре улица была перекрыта баррикадами.

Так на Первомайской нам удалось остановить противника. Но вражеские автоматчики появились на параллельной Верховской улице (ныне улица Горького). Старший политрук Чекмарев направил туда две роты 2-го батальона. Мне было приказано находиться в этих ротах. Роты заняли угловые дома на одном из перекрестков Верховской. И здесь продвижение противника было остановлено пулеметным огнем.

Тем временем немецкие части при поддержке авиации прорвали оборону 5-й стрелковой дивизии и устремились в город, к фабрике «Пролетарка».

В книге «Неман — Волга — Дунай» бывший комиссар 5-й стрелковой дивизии генерал-майор Петр Васильевич Севастьянов рассказывает о том, как героически сражались воины дивизии с фашистами. Но соотношение сил было примерно один к десяти в пользу противника. К тому же дивизия не имела поддержки авиации и танков. Дальше держаться, пишет Севастьянов, было невозможно.

1-й батальон нашего полка прибыл на юго-западную окраину города, когда 5-я стрелковая дивизия под натиском врага отходила. Вначале батальон прикрывал отход дивизии, а затем дрался с врагом на Московском шоссе.

Захватив центр и большую часть города Калинин, немцы бросили несколько танков с десантом автоматчиков через Волжский мост на Первомайскую набережную. Они шли навстречу своим частям, двигавшимся со стороны

вагоностроительного завода.

Положение нашего полка сразу осложнилось. Немецкие танки и автоматчики ударили с тыла. Пришлось отходить в северо-восточную часть города к реке Тверца. Лишь у Затверецкого моста заняли оборону. 3-й батальон закрепился на правом берегу Тверцы, 2-й — на левом, по Затверецкой набережной. Пивоваренный завод, жилые дома, больница были превращены в опорные пункты обороны.

К концу дня полк установил связь с тылами дивизии. Сразу стало легче: появились машины с боеприпасами. Началась эвакуация раненых. В продовольствии мы не испытывали недостатка — в городе его было много.

15 октября гитлеровцы с утра возобновили наступление. Теперь они имели возможность бросить против нашего полка гораздо больше сил. Танками и артиллерией они блокировали дома, превращенные в опорные пункты. К вечеру батальон, занимавший оборону на правом берегу Тверцы, вынужден был отойти. Гитлеровцы пытались на его плечах переправиться через мост на левый берег реки. Но выручили артиллеристы.

Когда наши люди заняли оборону на Затверецкой набережной, туда подошла батарея, которой командовал коммунист лейтенант Александр Илларионович Кацитадзе. Этот двадцатичетырехлетний командир батареи, незадолго до войны окончивший Тбилисское артиллерийское училище, был известен в дивизии как человек находчивый, мыслящий смело и оригинально. Он и на сей раз проявил находчивость при выборе огневой позиции. Все три 76-мм орудия Кацитадзе установил в одном из дворов. Двор был закрыт воротами. Естественно, снаружи никто не мог разглядеть, что делается внутри. Артиллеристы приладили к воротам веревку и каждый раз, когда орудия должны были стрелять, дергали за нее. Ворота открывались. Пушки по очереди били прямой наводкой. В первый же день наводчики Епончи и Поляков подбили четыре танка противника. Батарея оставалась невредимой.

16 октября гитлеровцы пытались форсировать реку на плотах, но это им не удалось. Все плоты мы потопили. И вновь отличилась батарея Кацитадзе.

17 октября под прикрытием мощного артиллерийского огня, в том числе большого количества орудий прямой наводки, двинулась лавина немецких танков и пехоты.

Настало время взорвать заминированный мост через Тверцу. Однако взрыва не последовало. Саперы впоследствии оправдывались тем, что осколками были перебиты шнуры, соединенные со взрывателями мин...

Враг форсировал Тверцу сразу в нескольких местах.

Мы дрались за каждую улицу, переулок, за каждый перекресток. Угловые дома превращали в опорные пункты. Из окон и чердаков бросали гранаты в гитлеровцев. Но преимущество врага в силах и огневых средствах было слишком велико. Да и город был к обороне не подготовлен — ни завалов на улицах, ни окопов, ни баррикад... Удержаться мы не сумели. Противник полностью овладел городом. Лишь несколько домов, стоявших на северо-восточной окраине Калинина, остались в наших руках. Отсюда начиналось Бежецкое шоссе.

Для меня этот день был едва ли не самый тяжелый за все истекшие месяцы войны.

* * *

Калинин окутали сумерки. На окраине города гитлеровцы подожгли несколько домов. Таким варварским способом они освещали подходы к своему переднему краю. На фоне зарева мы хорошо видели фигуры солдат противника, перебегавших по пустым разрушенным улицам.

Когда совсем стемнело, на КП полка вызвали комбатов, политработников, офицеров штаба. Майор Хрюкин успел побывать в штабе дивизии и теперь познакомил собравшихся с обстановкой.

Ясно было, что немецко-фашистское командование попытается развить успех наступления в северо-восточном направлении и захватить Бежецк. Задача полка — не пропустить врага на Бежецкое шоссе. Необходимо было немедленно приступить к созданию надежного оборонительного рубежа.

Сколько времени у нас для этого оставалось? Вероятно, считанные часы. Люди смертельно устали. Горечь неудач, казалось, надломила многих.

Мне думалось о том, что нельзя комбатам и политработникам расходиться с таким настроением. Когда поддаешься тоске, успеха в бою не достигнешь.

Я еще размышлял, как поступить, и вдруг заговорил Чекмарев. Не помню сейчас дословно его речи. Но навсегда врезались в память ее убедительность, большевистская страстность. Будто и обычные были слова, но каждое из них обрело в ту ночь особый смысл.

Чекмарев не утешал нас. Глядя на огненное зарево, метавшееся над Калининым, он заговорил о Москве:

— Да ведь нельзя, никак нельзя пропустить врага к Москве. Ведь русские мы! Советские мы! Коммунисты! Так не было же на свете, нет и не будет силы, чтобы смогла нас сломить!..

Я шел во 2-й батальон, а у меня в ушах еще звучали слова комиссара: «Не было... Нет... И не будет!..»

Всю ночь наши подразделения строили оборону. На фанерных листах появились призывы, звучавшие как клятва: «Не пропустим врага на Москву!», «Стоять насмерть!».

Утром гитлеровцы пошли в наступление. Атаки следовали одна за другой. Иногда казалось, что наши силы уже исчерпаны. Но нет — никто не отступал ни на шаг, и раз за разом откатывались враги.

В середине дня фашисты решили сломить нашу оборону танками. Что греха таить, в сорок первом еще существовала болезнь, именуемая танкобоязнью. Однако танковую атаку пресекли артиллеристы. Командир батареи Скоторенко и командир орудия Фомичев открыли огонь прямой наводкой и сразу подбили несколько немецких танков.

Надо ли говорить о том, как поднялся дух бойцов. Два танка, прорвавшиеся к траншее, были уничтожены бутылками с горючим и связками гранат.

Наступила короткая передышка.

19 октября на участке нашего полка противник возобновил атаки.

Идея глубокого маневра в обход Москвы с северо-востока, очевидно, опьяняла гитлеровское командование. Не считаясь с потерями, оно бросало войска на Бежецкое шоссе. А потери у них были огромные — едва успевали за ночь уносить с поля боя убитых. Иногда казалось, что фашисты имеют перевес и потому не прекращают атак. В один из опасных для нас моментов артиллеристы выкатили на прямую наводку 45-мм пушку и открыли огонь по врагу. Я видел, как самоотверженно действовали артиллеристы. Когда атака была отбита, я пошел к ним и поблагодарил за помощь, оказанную пехоте. На огневой позиции находился военком батареи Иван Васильевич Киселев. Он представил мне командира орудия старшего сержанта Владимира Леонова. Разговорились. До войны он жил в Курской области. Работал в колхозе, потом — на сахарном заводе. Служил в армии. Комсомолец. Отец коммунист, воспитал шесть сыновей, и все они на фронте. Вот откуда идет закваска нашей молодежи, героическая сущность ее деяний, подумал я. Под стать командиру орудия Леонову был и весь его расчет. Молодые, энергичные, мужественные люди.

Да, героизм советских людей, проявленный на фронте, — не

порождение трагических обстоятельств, а результат патриотического воспитания и преемственности революционных поколений. Сыновья верны заветам отцов, и они это доказали на деле, в жестоких схватках с фашистами.

В этот день у меня было много бесед. Расскажу еще об одной из них.

Я находился во 2-м батальоне, когда на его левом фланге гитлеровцы начали продвигаться вперед, приближаясь к нашим траншеям. Вместе с комбатом мы направились к окопам 6-й роты. Но пока шли, фашисты были отброшены, перестрелка прекратилась. К нам подбежал коренастый лет тридцати сержант Таран и доложил обстановку. Он сообщил, что вражеская пуля ранила командира взвода. В отделениях на некоторое время произошло замешательство. Огонь ослаб. Противник, воспользовавшись этим, устремился вперед.

— Взяв на себя командование взводом, — сказал сержант, — я незамедлительно поднял бойцов в контратаку. Фашисты не выдержали штыкового удара и откатились назад.

Григорий Федорович Таран — с Украины. Рядовой армии рабочего класса. Войну начал солдатом. Потом стал командиром отделения. В беседе с нами держался спокойно, с чувством достоинства. Нас он заверил:

— Держимся в обороне стойко, гитлеровцы не пройдут!

Меня всегда охватывало чувство радости при знакомстве с новым человеком, близким тебе своими помыслами и делами. Так было и при встрече с Григорием Тараном. Человек удивительной скромности, он не выпячивал своих заслуг, а рассказывал о подвигах товарищей.

Возвратившись с переднего края в штаб полка, я застал там командира и комиссара дивизии. Комдив С. Г. Горячев был относительно новый человек, и я увидел его впервые. Комиссар дивизии Григорий Васильевич Рябухин часто посещал полк, и его знали многие. Как и комиссар нашего полка Чекмарев, он в прошлом пограничник и тоже носил зеленую фуражку. Все люди в фуражках пограничников пользовались в полку большим уважением. Красноармейцы и командиры знали, что пограничники — люди особого склада, особой закалки, особой выдержки и самого высокого мужества.

После короткой беседы в штабе полка комдив и комиссар направились на передовую. Положение там осложнялось с каждым часом. То в одном, то в другом районе немцы предпринимали попытки вырваться на Бежицкое шоссе. Появление командира и комиссара действовало на красноармейцев успокаивающе, поднимало их дух. Когда все

атаки противника были отражены, они обошли роты, батареи, побеседовали с людьми. Командир дивизии Сергей Георгиевич Горячев рассказал бойцам, что воюет он в родных местах. Здесь, в Калининской области, он родился и вырос.

Перед отъездом комдив развернул карту и познакомил нас с обстановкой, сложившейся под Калинином. Овладев этим городом, гитлеровцы пытались с ходу выйти на Ленинградское шоссе и развить наступление в сторону Торжка. Но это им не удалось. Совершив двухсоткилометровый марш-бросок с Северо-Западного фронта, навстречу гитлеровцам вышли 8-я танковая бригада полковника П. А. Ротмистрова и 46-й мотоциклетный полк майора В. М. Федорченко. Вместе с пограничниками и 934-м полком нашей дивизии они преградили путь врагу.

Комдив сообщил, что противник не имел успеха и южнее Калинина. 5-я стрелковая дивизия и 21-я танковая бригада отбили все его атаки.

Подтянув резервы, противник возобновил наступление против нашего полка. На помощь пехоте и танкам он бросил авиацию. Бомбовые удары потрясали передний край. Множество воронок от разрывов бомб и снарядов зияло на шоссейной дороге, справа и слева от нее. Тошнотворный запах тротила точил горло. Иногда в голову приходила мысль: наверное, не только человеку, но и земле под огнем больно и страшно.

Зенитных средств в то время на нашем участке фронта не хватало. Было маловато и самолетов. Несколько истребителей, появлявшихся в небе, ничего не могли сделать с армадой вражеских самолетов. Здесь, пожалуй, мы впервые по-настоящему почувствовали, что превосходство врага в авиации позволяет ему сильно воздействовать на нервы наших воинов и наносить подразделениям полка немалый урон. Но, противопоставив гитлеровцам железную стойкость, нам удалось удержать позиции.

Бои шли за Калинином, но и в городе еще несколько дней оставались очаги сопротивления. До нас доносились взрывы, пулеметные очереди. Перед рассветом 20 октября, словно вынырнув из ночи, недалеко от командного пункта полка построились тринадцать бойцов и командиров. Вид у них был страшный: черные, закопченные лица, рваное, обгоревшее обмундирование. Но все-таки красноармейцы и командиры не теряли самообладания, смотрели на нас гордо, как смотрят люди, исполненные сознания честно выполненного долга.

Один из них шагнул вперед, приложил руку к пилотке, доложил командиру полка:

— Товарищ майор! За три дня, проведенные в оккупированном Калинине, наша группа уничтожила более

пятидесяти гитлеровцев. Все пятнадцать человек, находившиеся со мной в городе, возвратились в родной полк. Двоих раненых отправили в медсанбат. Докладывает командир четвертой роты лейтенант Букшенко.

А дальше было вовсе не по уставу. Майор Хрюкин обнял Букшенко, расцеловал его.

Позже мы узнали подробности боевых действий 4-й роты в Калинине. Она занимала оборону на левом берегу Тверцы, неподалеку от ее впадения в Волгу. Позиция роты — несколько домов, в одном из них ранее находилась швейная мастерская. Все здания красноармейцы превратили в опорные пункты. Фашистам все же удалось захватить мост через Тверцу, выйти на Пожарную площадь и окружить пятнадцать бойцов роты Букшенко. Гитлеровцы пытались захватить опорные пункты с ходу. Трижды они атаковали горстку красноармейцев, но безуспешно. Букшенко и его солдаты выстояли! А когда сгустились сумерки, лейтенант собрал красноармейцев в одном из домов, объявил свое решение:

— Будем держаться до последнего патрона и последней гранаты!

Ночь прошла спокойно. Утром 18 октября гитлеровцы не возобновили атак. Видимо, предполагали, что отрезанная от своих горстка русских бойцов сдастся в плен.

Но враг просчитался. Как только на улице появлялась пригнувшаяся, перебегающая фигура гитлеровца, из дома гремел выстрел. Красноармейцы стреляли точно, наверняка — патронов было мало.

Наступил вечер. В сумерках наши люди увидели, как гитлеровцы выкатили пушку. Скрываясь за щитом, поставили ее против дома и открыли огонь прямой наводкой. В доме рушились стены, но бойцы держались. Тогда фашисты решили поджечь здание зажигательными снарядами. Вспыхнул пожар. Люди задыхались в дыму, обмундирование тлело. Лейтенант Букшенко приказал: взять двух раненых и прорваться сквозь пламя в соседний пустой дом. К счастью, гитлеровцы не заметили перебегавших красноармейцев. Видимо, они предполагали, что наши солдаты сгорели заживо.

Лишь через сутки Букшенко решил, что пора выходить к своим. Выползли бойцы из дома ночью. Однако не миновали и одной улицы, как немцы бросили против них танкетки и мотоциклистов. Пришлось укрываться в развалинах.

Нашим бойцам помогла ночь. Передний край они прошли благополучно.

А теперь назовем всех тех, кто мужественно сражался в доме, который был охвачен пламенем. Это — командир роты Букшенко,

политрук Комков, заместитель командира роты Бакшатов, командир пулеметного взвода Фомин, красноармейцы Барышев, Белкин, Лобан, Ванюхин, Трибунский, Мищенко, Максимов, Тамаришин, Писанник, Зайцев, Пунков. Командир полка объявил им благодарность за доблесть. И пожалуй, только теперь, через много лет, полностью осознаешь, что именно из таких подвигов складывалась будущая победа над врагом.

Героическим действиям воинов 4-й роты мы посвятили листки-молнии, беседы во всех подразделениях.

20 октября на нашем участке бои приняли еще более напряженный характер. В этот день был ранен командир полка М. Т. Хрюкин. Это уже второй осколок снаряда угодил ему в ногу. Несколько недель назад Михаилу Трофимовичу повезло: металлическая ложка, засунутая в голенище сапога, прогнулась, но отразила удар. Кстати говоря, не меньше повезло в тот день и комиссару полка Чекмареву — осколок сбил с него каску, но головы не задел. Михаила Трофимовича унесли в санитарную роту, Мы с грустью провожали его. Рядом не стало отличного командира и доброго товарища.

* * *

Сводки Совинформбюро не радовали нас. Газеты «Правда» и «Красная звезда» призывали защитников Москвы на можайском, мало-ярославском, волоколамском и калининском направлениях выдержать новый напор гитлеровских дивизий и похоронить их в подмосковных землях. Еще 19 октября радио донесло до нас Постановление Государственного Комитета Обороны о введении в Москве осадного положения.

Известно, что в критические моменты истории народ с наибольшей силой проявляет свои дарования и энергию. Так было и в те тяжелые дни. Советские люди, воины Красной Армии чувствовали всю меру ответственности за судьбу Родины. Еще ближе они стали к партии, теснее сплотились вокруг ее ленинского знамени.

В партийное бюро полка каждый день поступали заявления от бойцов и командиров с просьбой принять их в ряды партии коммунистов.

Записи тех дней позволили мне восстановить в памяти один из вечеров, когда проходило заседание бюро, на котором рассматривались заявления отличившихся в боях товарищей. В землянке кроме меня и членов бюро Степана Михайловича

Левченко и Сергея Николаевича Соснина сидел уже известный читателю скромный до застенчивости командир 4-й роты Николай Максимович Букшенко. Он из рабочего поселка Красная Яруга Курской области. Комсомолец. Со школьной скамьи увлекался рассказами дяди — командира гражданской войны. Увлечение становится мечтой, мечта — делом. В 1939 году Николай Букшенко поступает в Орловское пехотное училище. В девятнадцать лет он уже командует стрелковой ротой, является членом бюро комсомольской организации полка.

В своем заявлении с просьбой о приеме в партию Букшенко писал: «Я буду с еще большим рвением громить нашего заклятого врага — немецкий фашизм».

Потом разбирали заявление комсомольца командира орудия Владимира Ивановича Леонова. Ему 26 лет. Он земляк Николая Букшенко. В бою Леонов был ранен и пришел на заседание бюро с перевязанной рукой.

— Почему вы не в госпитале? — спросили его.

— Повоюю пока одной рукой. Мне не из винтовки стрелять, — ответил он.

Пришел на заседание бюро и командир взвода разведки комсомолец Лев Викторович Жабинский, бывший мастер московского завода «Красный пролетарий». В полку его звали дважды мастер: он превосходно вел разведку.

Наша партийная организация пополнилась отличными воинами. Мы следили за центральными газетами, которые сообщали о росте других армейских и флотских парторганизаций. После войны стало известно, что уже к концу 1941 года в Красной Армии и Военно-Морском Флоте насчитывалось 1300 тысяч коммунистов — в два с лишним раза больше, чем накануне войны.

* * *

Напряженные бои на участке обороны полка не утихали. Части 1-й танковой дивизии врага рвались вперед. Получив пополнение, наши подразделения не только отбивались, но и готовились к наступлению.

Полковые разведчики во главе с Жабинским ночью пробрались в Калинин и разведали вражескую оборону. На окраинах она состояла из сплошной линии окопов, опоясанных колючей проволокой и минными полями. Под домами были оборудованы блиндажи, огневые точки, главным образом

пулеметные.

Однажды ночью на участке обороны 2-го батальона появились две молоденькие девушки, пробиравшиеся из Калинина. Стали разбираться, кто они и почему перешли линию фронта. Оказалось, что это комсомолки Шура Жолобова и Люба Королева, выполнявшие задание советской разведки. Отважные девушки еще несколько раз пробирались в Калинин и приносили ценные разведывательные данные. Однажды гитлеровцы задержали их. К счастью, все обошлось благополучно.

— Часовой, задержавший нас, — рассказывала Шура Жолобова, — привел нас в дом, где жила женщина с девочкой лет двенадцати. Она-то и выручила нас. Как только мы вошли в дом, догадливая девочка закричала: «Это наши тети. Они скрывались в погребе». Нас освободили.

Мы узнали, что вслед за передовыми частями в Калинин нагрянули гестаповцы, полевая жандармерия. На стенах домов и заборах появились распоряжения и приказы, возвещавшие о «новом порядке», о начале «нормальной» жизни. Жителей города предупреждали, что за любое проявление недовольства они будут расстреляны или повешены. Начались обыски и аресты. Однако фабрики и заводы стояли. На работу никто не выходил.

Совинформбюро сообщало о том, что в Калининской области широко развернулось партизанское движение. Позже стало известно и о подпольной комсомольской организации, действовавшей в Калинине. Потом вся страна узнала о героическом подвиге секретаря подпольного Пеновского райкома комсомола Лизы Чайкиной, которой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В конце ноября, возвращаясь из Калинина, наши разведчицы попали под минометный огонь противника. Осколком мины Шуру Жолобову ранило, ее отправили в госпиталь. Больше ни Шуры, ни Любы мы не встречали — остались они в нашей памяти молодыми и обаятельными героинями.

Занимая оборону, гитлеровцы использовали танки, ранее подбитые нашими артиллеристами. Машины находились недалеко от переднего края, их не эвакуировали, а превратили в доты.

Наши саперы-комсомольцы решили расчистить путь для наступления. Ночью несколько бойцов подползли к танку, заложили под него заряд тола, затем укрылись и подожгли бикфордов шнур. Немецкие солдаты, находившиеся в танке, ничего не заметили. Вскоре грохнул взрыв. Воспользовавшись паникой, саперы под прикрытием огня артиллерии поползли к другому уцелевшему танку, экипаж которого бежал. Саперы

зацепили трос, а тягач вытянул танк через передний край. Так с территории, занятой противником, были перетащены два танка.

22 октября 256-я дивизия получила приказ перейти в наступление и овладеть северо-восточной частью Калинина. Первой прорвала оборону противника рота лейтенанта Мальцева. С наблюдательного пункта было видно, как воины то перебежками, то ползком приближались к окраинным зданиям. Двое из них по водосточной трубе поднялись на крышу двухэтажного дома и через чердак проникли внутрь. Несколько позже командир роты доложил, что бойцы Ивицкий и Колосков очистили дом от гитлеровцев. Спускаясь с чердака по внутренней лестнице, они забросали гитлеровцев гранатами. Тринадцать фашистов было убито, шестеро сдались в плен. Красноармейцы отбивали дом за домом.

Противник срочно подтянул подкрепление. Бои приняли ожесточенный характер, шли с переменным успехом. Сил для более энергичного наступления у нас было явно недостаточно.

Через несколько дней дивизия перешла к обороне. Мы зацепились за северную окраину города и не пустили врага на Бежецкое шоссе.

...Много позже на научной конференции, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, Маршал Советского Союза И. С. Конев скажет: «Войска Калининского фронта во второй половине октября 1941 года остановили наступление врага, сорвали его планы развить удар на Бежецк и Ярославль. На этом закончился первый этап оборонительного сражения Калининского фронта».

На войне, как и всюду, остается место для трогательного и забавного. Какие только не встречались необычные характеры! Ну вот, например, наш начальник штаба Сергей Алексеевич Второв не любил ни ходить пешком, ни ездить верхом. Да это и понятно, было ему уже под пятьдесят, воевал он еще в гражданскую. И хоть сохранил он огромную работоспособность, силы старался беречь. Второв обзавелся двуколкой на больших колесах. Острословы сразу же окрестили ее «огненной колесницей». На марше Второв появлялся на своей колеснице то впереди, то в конце колонны, и всюду был слышен его громовой голос. Удивительная картина!

Теперь Второв шагал вдоль оборонительных сооружений. (По переднему краю на «колеснице» не прокатишься.) Строили оборону на совесть. Новый командир полка Ефим Григорьевич Колков, как и начштаба, считал, что на войне все надо делать основательно: больше пота — меньше крови.

На всем участке от северо-восточной окраины Калинина до деревни Глазково индивидуальные и групповые окопы

соединялись траншеями и ходами сообщения. Строились блиндажи, дзоты. При помощи армейских и дивизионных саперов устанавливались проволочные заграждения и минные поля.

Мы, политработники — пропагандист Степан Михайлович Левченко, секретарь комсомольской организации Алексей Андреевич Пивоваров и я, — размещались в одном блиндаже. Его называли «блиндаж политчасти полка». Трудно, однако, припомнить, когда мы ночевали все вместе. Кто-нибудь из троих оставался на ночь в подразделениях. У нас в блиндаже отдыхали навещавшие полк представители политотдела дивизии и 31-й армии, в которую мы теперь входили. А утром блиндаж заполняли связные. Мы посылали в подразделения сводки Совинформбюро, принятые ночью по радио, газеты, журналы.

Чаще других в полку находились инструктор политотдела по организационно-партийной работе Гришин и помощник начальника политотдела по комсомольской работе Стычкой. Мы их всегда встречали с радостью. Они были не из тех, кто приезжает для того только, чтобы записать в блокнот «отрицательные факты» и доложить начальству. Нет, Гришин и Стычков вместе с нами работали в подразделениях и не единожды участвовали в боях. Спиридон Матвеевич Гришин и войну-то начал политруком 6-й роты нашего полка и успел показать себя человеком необыкновенной энергии и мужества.

Запомнилось, как с его участием мы провели заседание бюро, на котором обсуждали вопрос об идейно-политическом воспитании молодых коммунистов. Тогда бюро поставило в пример другим работу политруков рот Алексея Ивановича Мудрецова, Михаила Максимовича Путинцева, Ивана Павловича Прыткова. Они проводили с молодыми коммунистами беседы «Об Уставе ВКП(б)», «О передовой роли коммунистов в бою», «О порядке уплаты членских взносов и хранении партдокументов».

Большое значение мы придавали партийным поручениям. В боевых условиях это была одна из действенных форм воспитания молодых коммунистов. Секретарь партбюро полка и парторги рот давали им задания — провести беседы о боевом опыте, о хранении оружия, о бдительности, прочитать статью из газеты и т. д. У меня была заведена тетрадь, в которую записывались партийные поручения.

С Владимиром Стычковым (я уже упоминал его) мы вместе учились в Промакадемии. В нашем полку он был своим человеком, знал многих комсомольцев, дружил с ними. Горячо поддержал он инициативу бюро комсомольской организации: открыть на каждого комсомольца счет уничтоженных или взятых в плен фашистов.

Что ж, сейчас идея подобного соревнования может показаться жестокой. Но война есть война! Мы не могли думать об оккупантах как о людях: это были враги, чья смерть означала жизнь для нас.

Первым открыл боевой счет комсомолец Нугаснан Ескандеров. А среди друзей он был добрейшим пареньком!

Осень давала о себе знать. В окопах было сыро, холодно. И вот тогда в тылах полка начали изготовлять железные печки. Делали их из старых листов железа, водосточных труб, ведер. Вскоре они появились в блиндажах. Топили их ночью. Можно было просушить портянки, погреть руки. Налаживался окопный быт. Командир полка стал по очереди выводить подразделения в тыл части, на отдых. Многие бойцы впервые за время войны помылись, посмотрели кинокартины.

Незабываемое впечатление произвел на всех нас первый военный киносборник. Он открывался финальными кадрами из «Трилогии о Максиме». На экране зал кинотеатра. Сеанс окончен. Зрители собираются уходить, но их останавливает голос Максима: «Погодите, товарищи, еще не конец!» В кожаной куртке, опоясанный ремнями, Максим обращается к людям с призывом беспощадно бороться с фашистским агрессором. Затем поет на мотив полюбившейся советским людям песенки:

Вот эта улица, вот этот дом
В городе нашем, навеки родном.
Улицей этой врагу не пройти,
В дом этот светлый врагу не войти.
Танки и пушки фашистов громят,
Летчики наши на запад летят.

* * *

Полк пополнился новыми людьми. Большинство прибывших еще не участвовали в боях. В товарищеских беседах бывалые люди, ветераны полка, делились опытом боев. Они умели и пошутить, и подбодрить новичков, наслушавшихся в пути следования всяких страхов. Нервы успокаивались. Все становилось на свое место.

В середине ноября стало известно, что в тылы дивизии завозят зимнее обмундирование. Откровенно говоря, даже не верилось, что в тяжелейшей для страны обстановке люди,

отвечающие за снабжение армии, сумеют вовремя переодеть бойцов.

Но о снабжении Красной Армии заботилась вся страна. «Все для фронта! Все для победы!» — под этим лозунгом трудились рабочие, колхозники, служащие. Бойцы получили шапки-ушанки, стеганые ватные штаны, телогрейки под шинели, теплое белье, рукавицы или перчатки, валенки. Процентов сорок личного состава одели в полушубки. Офицеры сменили свое выгоревшее на солнце и просоленное потом хлопчатобумажное обмундирование на зимнее, суконное, а также надели шерстяные свитера.

Зима в сорок первом году была суровой. Обильные снегопады, метели, сильные морозы. В отличие от гитлеровцев мы оказались к холодам готовы.

2 ноября противник перешел в наступление на стыке 31-й и 29-й армий Калининского фронта. Нетрудно было догадаться, что враг стремится прорваться к районному центру Медное, перерезать Ленинградское шоссе и захватить плацдарм на северном берегу реки Тверца. На этом участке фронта завязались тяжелые бои. Неспокойно было и в полосе обороны нашей дивизии.

Приближалась 24-я годовщина Октября, и как набат звучали призывы партии: «Ни шагу назад! Остановить врага, отстоять Москву!», «Разобьем и уничтожим врага на подступах к Москве!».

Во 2-й роте 1-го батальона родилась идея обратиться к воинам Калининского фронта с письмом — отметить праздничные дни новыми ударами по врагу.

Обращение горячо обсуждалось во всех подразделениях. Оно заканчивалось словами: «Фашисты прорвались в город Калинин, но город станет их могилой. Ни шагу назад! Только вперед! Схватим врага за горло и задушим фашистскую гадину!»

Наверное, в полку не было человека, спавшего в ночь на 7 ноября. Уже вечером началась перестрелка. Наши артиллеристы и минометчики наносили удары по переднему краю и заранее разведанным целям — огневым позициям и складам боеприпасов врага в его тылу.

Утром гитлеровцы атаковали 2-й батальон у берега Тверцы. Но успеха не имели. Командир и комиссар полка все утро провели на передовой. Они обошли по траншее весь передний край и поздравили бойцов с Октябрьским праздником.

Многие из нас, фронтовиков, принадлежали к поколению людей, которые выросли после Октября. Мы привыкли встречать каждую годовщину революции в радостной, торжественной обстановке.

Теперь было не до торжеств. Над страной нависла смертельная опасность. Враг захватил Прибалтику, Белоруссию, большую часть Украины, ряд северо-западных и западных областей Российской Федерации, часть Карелии, почти весь Крым, блокировал Ленинград, подошел к Москве. Чувство тревоги за судьбу Родины не покидало наших воинов ни на минуту. Но мы не теряли веры, что никакая сила не сломит воли советского народа и его армии. Хотя враг находился в шестидесяти — семидесяти километрах от Москвы, 6 ноября в столице состоялось торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Великого Октября, а 7 ноября по Красной площади торжественным парадным маршем прошли советские войска. Трудно передать радость, что светилась в глазах моих однополчан, когда они слушали по радио сообщение о традиционном параде на Красной площади — параде воинов, грудью заслонивших Москву и продемонстрировавших свою решимость до конца защищать великие завоевания Октября.

* * *

Начав 15 ноября новое «генеральное наступление» на Москву, гитлеровцы на собственной шкуре испытали сокрушительные удары советских войск. В тот день отличился в боях и наш полк. Он отразил несколько ожесточенных атак противника, рвавшегося к Москве с калининского направления.

Бои становились все напряженнее. Особенно тяжело было под Москвой в третьей декаде ноября. На северо-западе враг форсировал Истринское водохранилище. На юге его танковые соединения овладели Веневом, а затем охватили Тулу с востока и севера. 25 ноября фашисты подошли к южной окраине Каширы.

Газета «Правда», выражая мысли и чувства советских людей, в те дни писала: «Нельзя ни на шаг дальше подпускать врага к Москве! Пусть знает каждый боец, каждый командир и политработник: за его спиной город, дорогой всей нашей стране, сердце нашей Родины. Пусть знает: ему доверили свою жизнь, свободу, честь жители Москвы, отцы, матери и дети... Сильнее удар, и надломленный враг не выдержит... Наступил момент, когда можно остановить его, чтобы сломить».

Редакционную статью «Правды» коллективно читали на передовой во всех подразделениях. Мне довелось быть в 4-й роте 2-го батальона. Располагалась она в окопах, вблизи Бежецкого шоссе. После того как агитатор закончил чтение статьи «Правды»,

перед бойцами выступил командир роты коммунист Букшенко. Говорил он тихо, но так проникновенно, что каждое слово врезалось в память:

— Пройдет или не пройдет враг на Бежецкое шоссе, сумеют или не сумеют фашисты окружить Москву — это зависит не только от нашего высшего командования, но и от нас с вами... — Затем Букшенко достал из кармана аккуратно сложенный листок, развернул его.

— Здесь вот самое главное... Если я погибну, завещаю вам, мои боевые друзья-однополчане, не отступать ни на шаг. Ни один вражеский танк не должен выйти на Бежецкое шоссе.

Слова коммуниста отозвались в солдатских сердцах.

— Будьте уверены, товарищ командир, никто из нас не сделает ни шагу назад! — громко, будто за всех, произнес стоявший рядом со мной красноармеец Петр Зайцев.

* * *

Проявив железную стойкость и упорство, воины нашего полка не позволили гитлеровцам выйти на Бежецкое шоссе с Ново-Бежецкой улицы. Немецким танкам пришлось свернуть левее. Они устремились по Старо-Бежецкой улице. Стало ясно, что противник предпринял обходный маневр с целью вырваться на шоссе. Вражеские танки приближались к противотанковому опорному пункту, который возглавлял командир роты Максим Иванович Башкатов. Этого боевого офицера хорошо знали в полку. Перед войной он окончил Минское пехотное училище и пришел к нам командиром взвода. Вскоре его назначили заместителем командира роты, а потом ее командиром. Башкатов хорошо подготовил людей к встрече немецких танков. Они заминировали подступы к переднему краю. Роту поддерживали взвод 82-мм минометов, отделение противотанковых ружей, два 45-мм орудия. Когда танки стали подходить к переднему краю, башкатовцы (так называли себя воины роты) обрушили на них шквал огня. Два танка были подбиты. Враг отступил.

С 27 по 30 ноября — это, пожалуй, самые критические дни битвы под Москвой — войска Калининского фронта непрерывными контратаками сковывали немецкие дивизии, не допустили их переброски под Москву. Было приятно сознавать, что и наш 937-й стрелковый полк внес посильный вклад в решение этой задачи.

Москва непобедимая

В ночь на 3 декабря полк передал участок обороны частям 29-й армии и совершил марш в район восточнее Калинина. Подразделения разместились в пустующих бараках, предназначенных для сезонников торфоразработок. После нескольких месяцев жизни в окопах и блиндажах отдых в бараках был для нас блаженством.

Утром узнали, что рядом с нами в лесу сосредоточились другие части нашей дивизии и соседних дивизий. Стало ясно, что происходит перегруппировка войск. Солдатский телеграф заговорил о наступлении. И не зря. 4 декабря командование полка получило боевую задачу. Командир и комиссар полка вместе с комбатами направились к берегу Волги на рекогносцировку. Не теряя времени, мы, партийные работники, пошли в подразделения, чтобы побеседовать с бойцами, помочь командирам проверить состояние оружия, обеспеченность боеприпасами.

Немало встреч было у меня в этот день. С утра в полк приехали представители Калининского городского Совета депутатов трудящихся. Они посетили подразделения, знакомили личный состав с письмом жителей города к воинам фронта.

«Дорогие наши защитники! — говорилось в письме. — Гитлеровцы хотят сделать нас своими рабами, но этому никогда не бывать. Бейте и истребляйте фашистских захватчиков... Под Москвой должен начаться и начнется разгром гитлеровских банд грабителей и насильников. Вперед, любимые советские воины, за победу, за нашу Советскую Родину!»

Помню разговор между пожилым депутатом и лейтенантом Башкатовым.

— Как думаешь, сынок, почему мы так верим, что сейчас здесь должен произойти поворот в войне? — спросил депутат.

— А потому, что немыслимо допустить, что фашисты могут взять Москву, — горячо отозвался Башкатов. — На бывать этому! Не бывать!

В ночь на 5 декабря подразделения полка выдвинулись к Волге. Вместе с представителем политотдела дивизии старшим политруком Стычковым я находился в 3-м батальоне. Во всех ротах прошли митинги. На них зачитывалось обращение Военного совета 31-й армии. Оно заканчивалось словами:

«...Поклянемся же, товарищи бойцы, командиры и политработники, отстоять Москву и похоронить на подступах к столице фашистские дивизии. Крепче удар, сильнее натиск на

врага, и он побежит от Москвы так же, как он бежит от Ростова. Пусть героические успехи защитников Ростова вдохновят вас на священное сражение за Москву, за Родину. На подступах к Москве ринемся на полный разгром гитлеровских мерзавцев».

Выступали на митингах многие бойцы и командиры. Говорили по-разному, но суть была одна:

— Клянусь в предстоящих схватках с фашистами с честью выполнить боевую задачу.

Анализируя различные формы массовой политической агитации и пропаганды, я не раз убеждался в том, что во фронтовых условиях митинги имеют большое преимущество. Это преимущество заключалось прежде всего в том, что митинги в короткое время охватывали своим влиянием сразу большую массу людей. На них обычно принимались резолюции, носившие характер клятвенного обязательства, которое глубоко западало в душу. Вот почему мы тщательно готовили митинги.

После каждого митинга в партийное бюро полка поступали новые заявления с просьбой о приеме в партию. Мы старались своевременно рассматривать их, заботились о том, чтобы укреплять прежде всего те ротные партийные организации, где в ходе боев вышло из строя много коммунистов.

Политотдел дивизии, работники политотдела 31-й армии, в состав которой входило и наше соединение, регулярно информировали партполитаппарат полка о положении на Калининском фронте и других фронтах, сосредоточивали наше внимание на необходимости усиления партийной работы в ходе оборонительных и наступательных боев. Мы знали, что войска Калининского фронта готовятся к наступлению и что 31-й армии предстоит наносить удар по врагу юго-восточнее Калинина с целью охватить полукольцом вражескую группировку и разгромить ее. Вместе с командиром и комиссаром полка партийное бюро разработало и осуществило план практических мероприятий по мобилизации коммунистов и комсомольцев на выполнение задач предстоящего боя.

В середине дня 5 декабря началась артиллерийская подготовка. Длилась она 45 минут. Залп «катюш» возвестил о начале атаки. Все роты 3-го батальона нашего полка дружно поднялись, быстро достигли берега Волги и начали опускаться на лед. На правом берегу была оборона противника. Пулеметный и артиллерийский огонь оттуда вынудил бойцов залечь. Надвигались сумерки. Подул ветер. Двадцать градусов мороза. Время торопило. В обороне гитлеровцев надо было нащупать слабое место и возобновить атаку. На командном пункте остается комиссар батальона Максимов (комбат был болен), а мы со

старшим политруком Стычковым направляемся в роты. Может быть, нам следовало пойти в разные подразделения. Но когда кругом рвутся снаряды и сознание долга борется со страхом, особенно хочется чувствовать локоть товарища.

На войне главным оселком в отношениях между людьми становится искренняя готовность поддержать друг друга во время выполнения боевого задания. И мы с Володей Стычковым решили не расставаться, побывать во всех трех ротах. Ползем в 7-ю роту. На льду реки ее не оказалось. Она отошла от берега на несколько десятков метров. С трудом находим командира роты. Однако разговаривать с ним было невозможно. Его трясла лихорадка. Командование ротой принял на себя командир взвода лейтенант Наговицын. Он смело повел бойцов вперед, на врага. Гитлеровцы открыли заградительный огонь. Достаточных средств для подавления артиллерии противника в батальоне не оказалось. Пришлось закрепиться на занятом рубеже и готовить роты к ночной атаке. Но вскоре позвонил комиссар батальона Максимов. Он получил приказание командира полка майора Колкова отвести на ночь батальон от Волги и наступление возобновить утром. Нас сильно тревожило, что полк не выполнил задачу дня.

Между тем другие части дивизии и соседние соединения прорвали линию обороны врага и освободили несколько населенных пунктов. Ночью командир полка провел перегруппировку сил. В районе 3-го батальона теперь сосредоточился весь полк. Подошла и артиллерия. Командир дивизии усилил полк ротой разведчиков.

6 декабря в 10 часов артиллерийский дивизион капитана Федора Максимовича Харьковского открыл огонь по переднему краю противника на правом берегу Волги. Все три наших батальона снова спустились на лед. Свистел ветер, гоня поземку. Ноги скользили. Снаряды врага раскалывали ледяную поверхность. Строчили пулеметы... Командир полка Ефим Григорьевич Колков продолжал управлять боем с берега.

Любимец бойцов комиссар полка Сергей Изосимович Чекмарев повел 3-й батальон в атаку.

Если меня спросят, почему Чекмарева любили в полку, нелегко будет сразу ответить. Он не рисовался бесстрашием, не был с подчиненными запанибрата. Но было в нем то особое обаяние, которое источают люди несгибаемой воли, неистощимой духовной силы. С такими людьми, кажется, и на смерть пойдешь без колебаний.

Роты пробежали под огнем по льду и залегли в мертвом пространстве под крутым правым берегом. Гитлеровцы превратили его в мощную крепость. Еще осенью они провели

большие земляные работы. Скат к реке сделали почти отвесным. Зимой залили его водой. Вдоль берега отрыли траншеи, построили блиндажи и дзоты.

Однако не смогли эти укрепления задержать наших бойцов. Артиллерийский дивизион капитана Харьковского продолжал обрабатывать передний край врага с закрытых позиций, а батарея лейтенанта Бычкова вела огонь прямой наводкой. Первым выкатил свое орудие и ударил по огневым точкам врага старший сержант Леонов. За ним последовал командир орудия старший сержант Горшенин.

Саперы рубили топорами ступеньки. Артиллерия перенесла огонь в глубь обороны противника. В дело вступила пехота. На правом берегу Волги появились наши воины. Я видел, как лейтенант Башкатов во главе своей роты блокирует дзоты противника. Красноармеец Федор Бежев прыгает в траншею, бросает гранату, и вражеский пулемет замолкает.

Коротким рывком вырвалась вперед рота разведчиков и ударила по врагу с фланга. Фашисты дрогнули и начали отступать. Полк вышел на правый берег Волги.

На занятом рубеже не задерживались. Сразу же начали продвигаться вперед. Вслед за пехотой шла полковая батарея лейтенанта Бычкова. Пушки и снаряды артиллеристы тянули на санях.

Вскоре завязался бой за поселок совхоза «Власьево». Гитлеровцы обрушили на нас шквал артиллерийского и минометного огня, но удержать совхоз им не удалось. Первыми ворвались в поселок подразделения Зайченко и Соколова. Пятьдесят гитлеровцев сдались в плен. Вид у этих «завоевателей» был мерзкий. Они нанизали на себя все, что им попалось в гардеробах жителей Калинина. На головы, под пилотками, были надеты дамские рейтузы или повязаны платки. Из-под шинелей торчали юбки, шерстяные шали. На сапогах — соломенные чуни.

При отступлении гитлеровцы оставили в совхозе много оружия и военного снаряжения. Немецкие офицеры не успели захватить свои парадные мундиры с орденами и награбленные в Калинине вещи: отрезы мануфактуры, дамские пальто и белье.

Да, армия Гитлера была грабительской армией.

Я был в 3-м батальоне, когда позвонил Чекмарев и сообщил о начавшемся контрнаступлении войск Западного и Юго-Западного фронтов. Все мы, кто был на КП батальона, поспешили в роты, чтобы рассказать об этой новости. Радости не было конца. Воины обнимались, кричали «ура», бросали вверх шапки.

Наступление продолжалось. К вечеру подразделения полка вышли на шоссейную дорогу Москва — Калинин.

С началом наступления совпали перемены и в моей личной судьбе. Поздно вечером 6 декабря Чекмарев вызвал Левченко, Пивоварова и меня на КП полка, разместившегося в совхозе «Власьево» под сводами бывшей церкви. Комиссар выслушал наши сообщения о проделанной работе. А через час меня вызвали в политотдел дивизии. Ночью добрался до ее КП. Новый начальник политотдела Борис Яковлевич Колядинский объявил, что старших политруков Стебунова, Улухпаева и меня отзывают в распоряжение политотдела 31-й армии. Утром я вернулся в полк. Партийное хозяйство полковой организации передал члену бюро Степану Левченко. Простился с друзьями. Сердечно, с самыми добрыми чувствами расстались мы с Сергеем Изосимовичем Чекмаревым. Замечу, кстати, что вновь встретились мы с ним лишь через двадцать два года.

Нелегко было уезжать из дивизии, когда весь ее личный состав охвачен неудержимым наступательным порывом. Но приказ есть приказ.

В политотделе армии задержались ненадолго. После короткой беседы вместе с другими товарищами меня направили в распоряжение политического управления Калининского фронта.

Здесь, в отделе кадров, оказалось несколько десятков человек, вызванных из различных соединений. 9 декабря нас принял начальник политуправления фронта бригадный комиссар Михаил Федорович Дребеднев. От него узнали, что направляемся в Москву, в распоряжение Главного политического управления РККА. Затем нас построили и объявили приказ о присвоении очередных воинских званий. Я стал батальонным комиссаром.

В середине дня на машинах, покрытых брезентом, мы двинулись в путь. Первое время все молчали, занятые своими думами. Я мысленно еще раз прощался с боевыми друзьями. Вспоминалось пережитое: боевое крещение под Плоскошью, тяжелые дни отступления, упорные бои за высоту 251,5, уличные бои в Калинине, оборона на Бежецком шоссе и, наконец, первые дни зимнего наступления.

Еще и еще раз добрым словом вспоминал я Сергея Чекмарева, Михаила Хрюкина, Владимира Стычкова, Сергея Соснина, Николая Букшенко, Максима Башкатова, Владимира Леонова, Спиридона Гришина и многих других боевых товарищей из нашей полковой семьи.

Думал я о долге живых перед людьми, заплатившими своей жизнью за счастье народа. Сможем ли мы когда-либо рассказать о них по-настоящему? Рассказать не потому лишь, что ничто не должно быть забыто и никто не должен быть забыт. Нет, не потому лишь!.. Хорошо когда-то сказал С. Щипачев в

стихотворении «Потомкам»:

Был труден бой.
Казались нам не раз
Незащищенными столетий дали.
Когда враги гранатой били в нас,
То и до вас осколки долетали.

Обязанность перед прошлым неразрывно слита с ответственностью перед будущим. Думал ли я обо всем этом тогда, в 1941-м? В том тяжком, трагическом году, когда, самоотверженно сражаясь, погибая, советские воины своими подвигами закладывали фундамент будущих великих побед? Наверно, думалось по-другому, другими словами. Но суть в том, что героям того года, так же как героям сорок пятого, поднявшим наш флаг над рейхстагом, нынешнее поколение обязано тем, что мир не превратился в гигантский концлагерь и земля наша стала строительной площадкой созидания.

Суть в том, что, рассказывая о прошлом, мы отстаиваем будущее. Сыновьям и внукам живых, погибших или пропавших без вести героев дано спасти мир в нынешние тревожные годы, и могут они это сделать только храня в сердце память об отцах и дедах, равняясь на них, по ним сверяя свою любовь к отчизне.

Однако вернусь к повествованию.

Вечером 11 декабря мы прибыли в Москву.

«Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось». Эти слова великого поэта мне особенно дороги. Здесь, в Москве, я родился и вырос. Здесь прошла моя комсомольская юность. Горжусь тем, что с 1925 года мне довелось работать на заводе «Динамо», известном своими славными революционными традициями. И сейчас, думается, стоит вспомнить о них. В 1903 году тут возник первый социал-демократический кружок, положивший начало созданию заводской партийной организации.

Рабочие завода под руководством большевиков активно участвовали в Октябрьской революции, гражданской войне и восстановлении народного хозяйства. 7 ноября 1921 года на торжественном собрании рабочих выступил Владимир Ильич Ленин. Беседуя с людьми, Ильич подчеркивал важность быстрейшего восстановления промышленности, делился своими мыслями о плане ГОЭЛРО. Он рассматривал завод «Динамо» как одну из баз электрификации страны.

В коллективе «Динамо» я встретился и крепко подружился с замечательными ребятами. Вместе с ними участвовал в общественной работе, был юнкором молодежной газеты «Шевели

мозгами». Комсомольцы обмоточного цеха избрали меня секретарем своей ячейки. Я почувствовал себя в цеху как в родном доме, всем сердцем полюбил его тружеников. Пришлось много читать, пополнять знания. Не хотелось быть профаном. Понимал, что без политических знаний нельзя плодотворно вести воспитательную работу с молодежью.

В 1927 году я стал трансформаторщиком на электрозаводе. В этом же году стал членом большевистской партии. Мне доверили руководить заводским коллективом комсомола. Работать было трудно. Завод располагал небольшим костяком кадровых рабочих. Большинство парней пришло на производство из деревни. У некоторых из них еще сохранились собственнические инстинкты, невежество. Особенно дело страдало из-за прогульщиков.

Ростки нового в труде, в отношениях между людьми рождались и крепли в социалистическом соревновании. Застрельщиками соревнования были комсомольцы Володя Тимофеев, Лева Рыков, Коля Волков, Аня Шапиро, Борис Черноусов, Белла Вайнер, Вася Абрамов, Витя Серов...

Наступил 1929 год — время широкого размаха коллективизации сельского хозяйства. Меня послали на Рязанщину. Избрали там секретарем окружкома комсомола. Через несколько лет я снова вернулся в Москву. Работал в «Комсомольской правде», учился. А затем был избран секретарем Московского комитета ВЛКСМ.

Вспоминаю, что в Московском комитете и в райкомах комсомола работали удивительно способные и инициативные вожаки: Василий Чемоданов, Дмитрий Лукьянов, Иван Иванов, Иосиф Персиц, Григорий Эйдинов, Василий Дмитриев, Василий Горин, Илья Шоркин, Федор Нестеров, Софья Гальперина, Константин Воронов, Семен Рубинчик, Михаил Волков, Вениамин Ванников, Александр Шаширин и другие.

Особенно хочется сказать доброе слово о Василии Чемоданове. Из молодого, энергичного рабочего парня он вырос до руководителя Коммунистического Интернационала Молодежи.

Трудовую жизнь Василий начал в двенадцатилетнем возрасте на Телеграфном заводе. Потом его избрали секретарем комсомольской ячейки этого завода. Через некоторое время ему поручили руководить политпросветотделом Бауманского райкома ВЛКСМ. Отсюда его перевели в Орехово-Зуево. Здесь его избрали секретарем уездного комитета комсомола.

В 1924 году во время Ленинского призыва Чемоданов связал свою судьбу с Коммунистической партией, вступив в ее ряды. Три года он работал секретарем Московского комитета комсомола. В

тот период я входил в состав бюро МК и много раз встречался с Чемодановым. Организаторский талант, простота в обращении с товарищами, обаятельность, задушевность — эти характерные черты Василия Тарасовича особенно хорошо запомнились мне.

С 1931 по 1937 год Чемоданов был секретарем Исполкома Коммунистического Интернационала Молодежи. Товарищи, работавшие вместе с ним, отмечали его исключительную выдержку, бесстрашие, инициативность.

VI Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи, состоявшийся в Москве осенью 1935 года, выдвинул задачу — создать широкий единый антифашистский фронт молодого поколения.

После конгресса коммунистические союзы молодежи разных стран развернули массовое движение за мир, против фашизма. В это движение включились миллионы юношей и девушек.

Большая роль в разработке стратегии и тактики коммунистического молодежного движения принадлежала Ленинскому комсомолу. Выступая на VI конгрессе Коммунистического Интернационала Молодежи, Георгий Димитров в числе наиболее видных руководителей международного коммунистического движения молодежи назвал Александра Косарева и Василия Чемоданова.

Подлинный советский патриот, интернационалист, активный боец ленинской партии — таким в моей памяти остался Василий Тарасович Чемоданов. Пусть эти строки будут данью уважения ему.

Однако же воспоминания юности как полая вода. Они могут и захлестнуть. Оставлю их, чтобы вновь вернуться к военным будням.

Находясь в Москве, я глубоко чувствовал, что она жила напряженной прифронтовой жизнью. Многие заводы были эвакуированы в восточные районы страны. На оставшихся производственных площадях, как мне доверительно сообщили друзья, развернулось массовое производство вооружения и боеприпасов. На заводе «Серп и молот», например, ремонтировали танки. Автозаводцы и коллективы заводов имени Серго Орджоникидзе и «Динамо» производили пистолеты-пулеметы системы Г. С. Шпагина (ИНШ). Рабочие «Динамо» наладили и выпуск минометов. Другие предприятия производили ручные гранаты, винтовки, пулеметы, противотанковые мины. Железнодорожные мастерские готовили бронепоезда...

Все москвичи не жалели сил, чтобы оказывать фронту всемерную помощь. За станками и верстаками на предприятиях стояли многие женщины, даже подростки. «Каждый завод, каждая

фабрика Москвы должны стать кузницей оружия для фронта» — этот лозунг можно было прочитать во многих местах столицы.

Большое впечатление произвело на меня письмо молодым воинам — защитникам Москвы, подписанное 80 тысячами юношей и девушек столицы, опубликованное в газетах.

«Одни из нас работают на заводах, другие — на фабриках, третьи — на железной дороге, четвертые — в артелях, пятые — в магазинах, — говорилось в этом письме. — Все мы считаем себя бойцами. Все мы — на фронте. Воскресниками, выполнением двойных и тройных норм, участием в охране города мы помогаем фронту... Судьба столицы в наших руках!»

* * *

Настали дни, когда в сводках Совинформбюро все чаще и чаще звучали слова о том, что нарастают удары Красной Армии по немецко-фашистским войскам. Ее контрнаступление развивалось на огромном фронте — от Калинина до Ельца. 12 декабря был освобожден Солнечногорск. 15 декабря советские воины очистили от гитлеровцев Клин, Истру, Богородск. Через два дня в газетах под рубрикой «В последний час» сообщалось: «После ожесточенных боев войска Калининского фронта 16 декабря овладели городом Калинин. В боях в районе города Калинин наши войска нанесли поражение 9-й немецкой армии генерал-полковника Штрауса, разгромив 86, 110, 129, 161 и 251-ю пехотные дивизии, входившие в состав этой армии. Остатки разбитых дивизий противника отступают на запад. В боях за город Калинин отличились войска генерал-лейтенанта тов. Масленникова и генерал-майора тов. Юшкевича. Захвачены большие трофеи, которые подсчитываются. Наши войска преследуют и уничтожают отходящего противника».

Вскоре стали известны некоторые подробности боев под Калинином. Решающую роль в освобождении города сыграла 31-я армия, а наша 256-я стрелковая дивизия в числе первых вошла в него.

Военный совет Калининского фронта высоко оценил боевые действия нашей дивизии. Всему личному составу была объявлена благодарность, а 68 бойцов, командиров и политработников удостоены наград Родины. Радостно было сознавать, что в числе награжденных орденом Красного Знамена находился бывший командир нашего полка майор М. Т. Хрюкин, а орденом Красной Звезды — комиссар полка старший политрук С. И. Чекмарев.

Политработники в беседах с красноармейцами подчеркивали, что разгром немецкой группировки в районе Калинина и освобождение этого крупного административного и промышленного центра страны не только имели большое политическое значение, но и оказали влияние на улучшение оперативного положения советских войск на этом участке фронта.

В освобожденный город к своим землякам приехал М. И. Калинин. Он побывал на фабриках, заводах, в воинских соединениях, в том числе и в нашей 256-й стрелковой дивизии. Повсюду его встречали с большим радушием. Михаил Иванович выступил на собрании партийного актива города, рассказал о положении на фронтах, о самоотверженном труде нашего народа. Пророческими оказались его слова: «Происходящие сейчас события будут изучаться веками. Будущие поколения будут изумляться фактам героизма, проявления исключительного чувства самопожертвования, подчинения личного общественному целому современниками этих событий. Люди нашей страны поднялись на голову выше, чем были. И несомненно, наше время и его люди будут служить величайшим кладом для создания шедевров художественной литературы и искусства»[4].

* * *

Памятной датой для меня стало двадцать второе декабря 1941 года. В этот день я получил новое назначение. В качестве начальника политотдела 133-й отдельной стрелковой бригады мне предстояло выехать на Урал, где формировалось это соединение. Перед выездом со мной беседовал представитель Главного политического управления РККА бригадный комиссар А. Г. Котиков.

— На формирование новых соединений мы не зря посылаем политработников с боевым опытом, — говорил он. — Утверждают: люди учатся на ошибках, так помогите молодым воинам избежать тех ошибок, которые сами совершали, передайте им знания, которыми овладели в боях.

Вечером 22 декабря в общежитии Военно-политической академии имени В. И. Ленина меня разыскал старший батальонный комиссар. Познакомились. Это был комиссар 133-й бригады Михаил Иосифович Грановский. Условились на другой день выехать на Урал. Итак, я снова расставался с городом своей юности. Было грустно.

В пути следования хватило времени для многих бесед и

знакомств. Грановский рассказал о себе. Он — кадровый офицер, политработник. Был политруком роты, секретарем партбюро части. Войну начал комиссаром штаба дивизии, позже стал комиссаром стрелкового полка. В бою получил ранение. Говорил Михаил Иосифович просто, доверительно. Он сразу понравился мне. Забегая вперед, скажу, что в своих первых впечатлениях я не ошибся. Грановский оказался хорошим комиссаром бригады, замечательным товарищем.

* * *

Несколько месяцев на Урале формировалась и готовилась к боевым действиям 133-я отдельная стрелковая бригада. Настроение у всех воинов было приподнятое. Мы находились под впечатлением успеха зимнего наступления Красной Армии. Работники политотдела помогали организовывать в частях беседы, политинформации и сами выступали перед личным составом, рассказывая ему о положении на фронтах. В беседах подчеркивалось, что немецко-фашистские войска после крупного поражения под Москвой были отброшены с занимаемых рубежей на 100–250 километров, а на отдельных участках — на 350 километров.

Коммунисты и комсомольцы оперативно доносили до воинов сводки Совинформбюро, в которых сообщалось, что Красная Армия полностью очистила от врага Московскую и Рязанскую области, многие районы Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской, Курской, Харьковской и Донецкой областей, а также Керченский полуостров. В ходе боев более полумиллиона гитлеровцев было убито, умерло от ран или взято в плен. На поле боя захвачено 1300 танков, 2500 орудий, свыше 15 тысяч различных машин, много стрелкового оружия.

Мы, политработники, стремились довести до глубокого сознания каждого воина мысль о том, что победа нашей армии в великой битве за Москву означала начало коренного поворота не только в Великой Отечественной войне, но и во всей второй мировой войне. Разгром под Москвой развеял миф о непобедимости гитлеровской армии.

В пропаганде и агитации политработники, коммунисты и комсомольцы широко использовали примеры массового трудового героизма нашего народа. Они информировали красноармейцев о том, как тыл помогает фронту. На Урале, например, большого размаха достигло социалистическое

соревнование за досрочное выполнение заказов фронта. По почину фрезеровщика Дмитрия Босых, сталеваров-скоростников зародилась новая форма массового патриотического движения — создавались фронтовые бригады, бравшие на себя обязательства перевыполнять плановые задания не менее чем в два раза.

Фашистские пропагандисты лезли из кожи вон, чтобы как-то приуменьшить достижения Красной Армии и тружеников советского тыла. Геббельс и его сподручные распространяли слухи о том, что у русских, дескать, иссякают резервы, что наша армия не пополняется новым оружием.

Разоблачая геббельсовскую ложь и клевету, политработники, коммунисты и комсомольцы нашей бригады усилили пропаганду достижений рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции на трудовом фронте. Во многом нам помогали в этой работе патриотические письма. Прилив новой энергии у личного состава бригады вызвало, например, письмо воинам-фронтовикам от трудящихся Свердловской области. «Мы, — говорилось в письме, — даем и будем давать вам все больше и больше танков, самолетов, оружия, боеприпасов, продовольствия, одежды, всего, что необходимо для полного разгрома ненавистного врага.

У нас на Урале хватит металла и станков, хватит хлеба, хватит умелых рук, чтобы постоянно давать нашей армии пушки и снаряды, танки и минометы, самолеты, пулеметы и патроны».

Письмо заканчивалось словами:

«Пусть соревнование сталеваров, медеплавильщиков, рудокопов и всех мастеров грозного оружия, кующих победу в тылу, сольется с соревнованием танкистов, летчиков, пехотинцев, кавалеристов, уничтожающих фашистские банды на фронтах. Пусть и впредь растет и крепнет содружество бойцов тыла и фронта».

Тогда не публиковались данные, характеризующие уровень промышленного производства на Урале. Теперь мы знаем, что уже в четвертом квартале 1941 года Урал дал народному хозяйству 62 процента всего произведенного в Советском Союзе чугуна, около 50 процентов стали, более 50 процентов проката и меди, 100 процентов алюминия, магния, никеля, кобальта. Уральская промышленность производила до 40 процентов всей советской военной продукции. Каждый второй снаряд, выпущенный по врагу, отливали из уральской стали.

Уральцы по праву гордились своей весомой помощью фронту. В наших подразделениях можно было услышать популярную в то время песню:

В боях под Ростовом,
В боях под Орлом
Уральские танки
Пошли напролом.

В полях подмосковных,
В бою под Ельцом
Встретился немец
С уральским бойцом.

Крепкий советский тыл, и в частности трудовая доблесть уральцев, питал наших воинов патриотическими настроениями народа, готового во имя свободы Родины пойти на любые жертвы и лишения.

На земле новгородской

В конце апреля 1942 года был получен приказ двигаться на фронт. Наши эшелоны проехали станции Агрыз, Вятская Поляна, Арзамас, Муром. Короткая остановка в Москве, и мы снова в пути. Не задерживаясь, проследовали через разрушенный во время зимних боев Клин. 10 мая достигли железнодорожной станции Валдай. Волей судьбы я второй раз за время войны попадаю в знакомый край. В июле сорок первого наш полк разгрузился на станции Дворец.

К вечеру 11 мая бригада сосредоточилась в районе населенных пунктов Козяки, Кривицы, Бор. Нам стало известно, что она включена в состав Северо-Западного фронта. Об этом фронте мы имели некоторое представление. Знали, что он был создан на базе Прибалтийского Особого военного округа и с первых дней войны вел упорные бои с оккупантами. Осенью 1941 года его войска остановили фашистов, пытавшихся захватить Валдайскую возвышенность и прорваться к станции Бологое Октябрьской железной дороги — важному узлу коммуникаций, связывающему Москву с Ленинградом.

После посещения штаба и политуправления фронта мы уже более полно представляли положение в новом для нас районе военных действий. В невероятно трудных условиях лесисто-болотистой местности и бездорожья здесь войска фронта сумели впервые за время войны окружить крупную группировку вражеских войск. К сожалению, не удалось их уничтожить и отразить мощный контрудар. Противник пробил узкий коридор (его стали называть «рамушевский коридор») и соединился с окруженными войсками.

Командир бригады подполковник Павел Григорьевич Кохановский собрал командиров и комиссаров частей, познакомил их с боевой обстановкой.

Бригада сразу же начала получать материальную часть. Все вокруг выглядело примерно так же, как и в июле 1941 года. Порой казалось, что из этого леса наш 937-й полк никуда не уходил. Но была одна характерная особенность, которую нельзя не отметить. Почти год шла война, а новые резервные соединения, прибывавшие на фронт, были вооружены и подготовлены лучше, чем те, что формировались в начале войны.

Взять, к примеру, нашу 133-ю бригаду. Она состояла из четырех отдельных стрелковых батальонов, отдельных артиллерийского дивизиона 76-мм орудий, дивизиона 120-мм минометов, батальона 82-мм минометов, роты противотанковых

ружей, роты автоматчиков и спецподразделений. Свыше 40 процентов рядовых, большинство младших командиров и почти 50 процентов среднего комсостава составляли люди, прибывшие из кадровых частей, главным образом с Дальнего Востока. Многие имели боевой опыт. Почти каждый второй боец, командир и политработник нашей бригады до войны получил рабочую закалку на фабриках, заводах, шахтах. Большинство из них трудилось на Урале. Если говорить о партийно-комсомольской прослойке в бригаде, то мы считали ее солидной — каждый третий воин был коммунистом или комсомольцем.

Политотдел бригады, комиссары батальонов и дивизионов, политруки подразделений позаботились о том, чтобы правильно расставить коммунистов и комсомольцев, охватить их влиянием весь личный состав с тем, чтобы мобилизовать его на выполнение приказов командования.

Готовилась бригада к боям в лесу. Укрыв под своими могучими кронами все наши части, он стал для воинов как бы родным домом. Солдаты строили в лесу шалаши, обсыпали их землей. Такой шалаш был сооружен и для политотдельцев. Внутри скамейка, покрытая хвоей, посредине стол и железная печка. Рядом под сосной фургон. В нем все наше хозяйство: радиоприемник, документы по партийному учету, литература, газеты. Поздно вечером все политотдельцы собирались в шалаше. Докладывали о проделанной работе, а утром, переписав принятую ночью по радио сводку Совинформбюро, снова отправлялись в части.

Политотдел наш был невелик. Опирался я прежде всего на старшего инструктора по организационно-партийной работе старшего политрука Михаила Павловича Пепелева, старшего инструктора по пропаганде старшего политрука Георгия Ильича Лелявского. Моим помощником по комсомольской работе был старший политрук Макар Михайлович Белов. Партийную комиссию возглавлял старший политрук Василий Дмитриевич Леушин. Функции инструктора по информации исполнял лейтенант Борис Львович Айзен, инструктора по партийному учету — политрук Алексей Григорьевич Марьин, секретаря политотдела — младший политрук Афанасий Николаевич Зайцев. Все эти товарищи к порученному им делу относились с чувством большой партийной ответственности. Они были энергичными, инициативными, неустрашимыми в острых боевых ситуациях.

Через некоторое время Марьина и Зайцева мы направили в батальоны на укрепление политаппарата, а Белов был назначен в другое соединение. Вместо них в политотделе стали работать Василий Андреевич Букашкин и Василий Константинович

Мамонов, а моим помощником по комсомолу стал Николай Тимофеевич Сапотинский. С этим коллективом политотдельцев я прослужил до конца 1942 года.

* * *

14 мая командир бригады получил распоряжение штаба фронта: подготовиться к маршу. Предстояло пройти 130 км за шесть ночных переходов. В политотделе мы посоветовались, как лучше организовать в частях партполитработу в походных условиях, и разошлись по батальонам. Беседуя с людьми, особое внимание мы обращали на необходимость тщательной маскировки, высокой дисциплины на марше. Подчеркивали, что враг не должен знать о прибытии на фронт нашего соединения. На открытых собраниях первичных партийных организаций этот вопрос был поставлен со всей остротой.

Марш начался 15 мая в 22 часа. Идти было тяжело. Весенняя распутица превратила дороги в месиво.

На дневку остановились в лесу недалеко от населенных пунктов Немчинова Гора, Миронушки. Командир бригады подполковник Кохаковский провел с командирами частей разбор первого ночного перехода.

В общем-то шагали неплохо, отставших не было — такой вывод сделал комбриг. И в этом немалая заслуга политработников, партийных организаций.

Последующие переходы были не легче. Приходилось часто с дороги сторониться на обочины и пропускать автотранспорт. А поток машин все нарастал и нарастал. Железная дорога Бологое — Старая Русса была перехвачена врагом в районе станции Лычково. Поэтому подвоз боеприпасов, продовольствия и эвакуацию раненых из-под Старой Руссы осуществлял автотранспорт. Автоколонны обстреливала и бомбила вражеская авиация.

Немецкие летчики не щадили и мирное население. Нам пришлось проходить через деревню Зайцево, полностью сожженную и разрушенную фашистской авиацией. Люди, оставшиеся в живых, скрылись в лесу.

С каждым часом идти становилось все труднее. 21 мая всю ночь снова лил дождь. Автотранспорт застрял. Подвоз продуктов прекратился. Командир бригады разрешил расходовать неприкосновенный запас.

Эту ночь я был в 3-м батальоне. Энергии и выносливости

комбата Дмитрия Сергеевича Дубинина можно было позавидовать. Он шел во главе колонны, но успевал проверить замыкающих и снова появиться впереди. Комиссар батальона старший политрук Межуев все время шагал с бойцами. Переходя из одного подразделения в другое, он вдохновлял людей личным примером выносливости и страстным большевистским словом. При появлении комиссара бойцы оживлялись, веселели, словно сбрасывали с плеч усталость.

Старшему политруку Петру Лукичу Межуеву было на вид немногим больше двадцати, хоть и прожил он почти тридцать. Он отличался подтянутостью, стройностью, образцовым внешним видом. Я видел, как красноармейцы любовались звездочкой — эмблемой политработника — на правом рукаве его шинели.

Я заметил, что во время бесед с людьми комиссар многих уважительно называет по имени и отчеству. Отметил про себя еще одну черту Межуева. Он умел слушать красноармейцев, проникать в их сокровенные мысли, давать умные советы и наставления. Позже я узнал, что Петр Лукич обладает еще и такими достоинствами: хорошо играет на гармошке, отлично поет и рисует. Рядом с топографической картой в его планшете лежал блокнот с карандашными портретами солдат и офицеров.

До поступления в военное училище Межуев был скульптором-литейщиком.

Однажды я спросил его, почему он избрал профессию политработника.

— Виноват кинофильм «Чапаев», — ответил Петр Лукич. — Образ комиссара помог мне полюбить профессию политработника.

Думаю, что для Межуева, как и для Чекмарева, профессия политработника была органичной, неотделимой от всего его облика. Вероятно, бывают прирожденные комиссары, как и прирожденные ученые, врачи или учителя.

* * *

Завершив марш, 23 мая бригада сосредоточилась в лесу восточнее населенных пунктов Гонцы, Мухино и вошла в состав 11-й армии, действовавшей на правом фланге Северо-Западного фронта. Впрочем, вскоре правый фланг от реки Ловать в районе Рамушево и далее по восточному берегу озера Ильмень отошел к 27-й армии.

Недалеко от нас, за рекой Ловать, находилась

оккупированная врагом Старая Русса. Вспомнилось, что когда-то Русса была опорным пунктом киевских князей на древнем пути «из Руси на Руссу, в Новгород». И невольно передо мной как бы ожило далекое прошлое, раскрылись страницы живой, немеркнущей славы нашей Родины. С волнением читал я тогда в «Красной звезде»: «Два древних города, как два родных брата, стоят по обе стороны глубокого Ильмень-озера: Старая Русса и Новгород... Много повидала эта земля на своем многовековом историческом пути. Здесь истоки Русского государства, здесь шумела новгородская вольница, развевались знамена в кровавых битвах с захватчиками-иноземцами. Гул исторических схваток как бы гуляет еще среди этих полей. Древняя Россия. Великая, непобедимая, вечно молодая...»

В апреле 1942 года исполнялось 700 лет со дня разгрома немецких псов-рыцарей на Чудском озере. Естественно было использовать эту дату в агитации. Газета 11-й армии «Знамя Советов» посвятила юбилейной дате целую полосу. Она напомнила о блистательной победе Александра Невского.

События былых времен перекликались с новыми, относительно недавними. Недалеко от Чудского озера, на древней псковской земле, в февральские дни 1918 года зарождалась наша Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Здесь первые ее отряды вступили в бой с войсками кайзеровской Германии.

Связь времен! Семь веков спустя потомки рыцарей-крестоносцев, наследники тевтонских убийц — гитлеровские головорезы — снова вторглись на земли нашей Родины.

По материалам газеты «Знамя Советов» во всех подразделениях бригады мы провели беседы. И они, несомненно, сыграли свою роль.

24 мая я направился в политотдел 11-й армии, чтобы представиться начальству. К сожалению, начальника на месте не оказалось. Работники аппарата политотдела приняли меня очень тепло. Долго по-товарищески рассказывали о положении в 11-й армии. С ними я легко решил все вопросы, связанные с партийным учетом, обеспечением бригады газетами, литературой, кинофильмами.

На следующий день утром мне сообщил по телефону комиссар 3-го батальона Межуев о том, что у них находится начальник политотдела армии Шабанов. Вместе с комиссаром бригады Грановским мы направились в батальон. На опушке леса увидели невысокого человека. Это был бригадный комиссар. Он беседовал с людьми. Грановский и я представились ему. Из-под мохнатых бровей на нас смотрели его добрые глаза с веселыми

искорками.

Из 3-го батальона направляемся в другие подразделения. По дороге Василий Дмитриевич Шабанов расспрашивает нас о расстановке коммунистов по ротам и батареям, о командирах и политработниках. Как я понял, начпоарм хотел не только побольше узнать об офицерах нового соединения, но и проверить, достаточно ли хорошо мы с комиссаром изучили своих людей.

Потом Шабанов побывал у командира бригады, познакомился с политотдельцами. Перед отъездом он обратил наше внимание на необходимость специальной подготовки людей к боям в лесисто-болотистой местности. Настойчиво рекомендовал заняться подбором, воспитанием и обучением снайперов.

Мы знали, что командование нашей армии не намерено долго держать бригаду во втором эшелоне. Усилия командного состава, партполитаппарата, партийных и комсомольких организаций были направлены на обеспечение высокого качества подготовки красноармейцев и младших командиров к предстоящим боям. Занятия шли с утра до вечера, а часто и ночью. По тактике отрабатывали тему «Наступление подразделения в лесу». Принимали зачеты по стрелковой подготовке. Командир бригады подполковник Павел Григорьевич Кохановский провел с комбатами учение по теме «Управление боем в лесу».

Опыт комбриг имел большой. Из своих 37 лет Павел Григорьевич 15 прослужил в армии. Войну начал капитаном, помощником начальника штаба полка, а через несколько месяцев ему уже доверили командовать полком. Человек он был удивительного душевного обаяния. А главное — досконально знал нелегкое солдатское ремесло.

— Делай, как я, — любил повторять командир бригады.

* * *

Может быть, короткий период нашего пребывания во втором эшелоне откроется читателю полнее в моих записях тех лет.

Сошлюсь лишь на некоторые из них.

...27 мая. Целые сутки идет дождь. Наш политотдельский шалаш залило водой. Сушиться ушел во 2-й батальон. Слушал, как комиссар батальона Шайхулла Хабибуллович Чанбарисов беседует с командирами и политработниками по вопросам текущей политики. Убедился, что он человек эрудированный, свободно ориентируется в главных вопросах внутренней и

внешней политики нашей партии, умеет смело, прямо и в доходчивой форме ставить перед собеседниками острые вопросы, тесно увязывать их с конкретными задачами бойцов.

Вечером вместе с Чанбарисовым присутствуем на открытом комсомольском собрании. Обсуждается обращение известных в 11-й армии снайперов Федора Чегодаева из 188-й стрелковой дивизии, на боевом счету у которого 238 уничтоженных фашистов, и Черендыша Доржиева из 202-й стрелковой дивизии, истребившего 161 фашиста. Чегодаев и Доржиев призвали всех воинов 11-й армии последовать их примеру. Собрание приняло решение: активизировать работу по подготовке мастеров огня, открыть на каждого комсомольца личный счет истребленных гитлеровцев; просить командира батальона создать снайперскую команду из числа отличных стрелков; шире популяризировать опыт мастеров меткого огня.

Заночевал у Чанбарисова в блиндаже. Почти всю ночь проговорили. Рассказывал он мне о своем детстве в глухой татарской деревне Старый Буздяк, где родился, о том, как трудно ему давалась учеба... «Моя мечта, — сказал он, — одна: если останусь жив, то основательно возьмусь за изучение истории. Уж очень нравится мне эта наука». Вспоминал Чанбарисов и о жене — русской женщине Валентине, по которой на фронте сильно тосковал. Чувствовал я, что с этой ночи начинается наша с Чанбарисовым дружба навек.

28 мая. Обсудили в политотделе тематический план лекций и бесед. Особое внимание сосредоточиваем на разоблачении гнусных вражеских листовок, из которых, как шило из мешка, торчит антисоветское содержание.

Коллективно разрабатываем решительные меры по пресечению идеологических диверсий фашистов, сбрасывающих с самолетов антисоветские листовки. В числе намеченных политотделом мероприятий — беседы о нетерпимости пассивного отношения к вражеской пропаганде, о зверином облике гитлеровской армии, об унынии и упадке духа у немецких солдат.

На фашистскую ложь один ответ — истреблять фашистов! Таково главное направление бесед и лекций, которые проводились в наших подразделениях.

Усиливая наступательный характер нашей агитации и пропаганды, мы также использовали документы, письма, дневники немецких офицеров и солдат, захваченные нашими разведчиками в немецких штабах или отобранные у пленных гитлеровцев. Характерен такой пример. В руки разведчиков попал приказ командира эсэсовской роты. В нем содержится яркая характеристика грабительской сущности фашистской армии. Мы

рекомендовали агитаторам рассказать о приказе всем красноармейцам.

Вот текст этого приказа:

«2-я рота 1-го пехотного полка дивизии СС «Мертвая голова».

Командный пункт.

21.3.42 г.

Приказ по роте №11.

С тех пор как я принял роту, случаи воровства в такой мере участились, что я не узнаю моей старой 2-й роты. Мне почти кажется, что я командую сбродом преступников, а не ротой СС, которая как будто является отборной частью немецкого народа. Я не могу надеяться ни на одного из моих подчиненных или оказывать ему доверие, ибо бывает, что даже меня самого обкрадывают тем или иным образом. В ротной ячейке управления воруют много пайков.

Единственно, кому я еще доверяю и кто еще подает мне некоторые надежды. — это старослужащие 2-й роты, которых я знаю с того времени, как мы начали поход. К ним я обращаю свой призыв: позаботьтесь о том, чтобы это свинство в роте прекратилось! Обратите особое внимание на молодое пополнение, которое мы получили на протяжении восточного похода, и воспитывайте тех, которые не хотят идти по нашим следам. Все равно, идет ли речь о преступлении против святости собственности, или против правил товарищества, или о преступлении на посту, связанном с безопасностью всей роты. Задавайте этим бесхарактерным людям крепкую головомойку и воспитывайте их сами.

Для неисправных преступников я не знаю пощады и перевожу их в скопище «потерянных». Это — сводная группа, в которой состоят только преступники, дезертиры и т. д. В нее войдут и такие, которые осуждены военным судом, чья честь может быть восстановлена только милостивой пулей врага.

А за различные жульнические дела:

1. Передал в военный суд дело о воровстве на стрелка СС Эшмана из 2-го взвода. Одновременно ходатайствую о его переводе в скопище «потерянных».

2. Отменяю впредь поощрительные отпуска солдатам в обоз, ибо старшие стрелки СС Гартман (1-й взвод), Остар (2-й взвод), стрелок СС Холингер (3-й взвод), будучи в обозе, нашли нужным сразу же проявить свою признательность за гостеприимство тем, кто уворовал масло и колбасу.

Я не буду больше давать поощрений. Пусть даже полроты придется перевести в скопище «потерянных», скопище преступников. Лучше уж не командовать ротой, чем иметь дело с

такими людьми.

Настоящий приказ зачитать командирам взводов перед строем отделений.

Гауптштурмфюрер и командир роты Редер».

Это ли не красноречивое свидетельство того, с кем мы, советские воины, имеем дело!

* * *

29 мая. На совещании работников политотдела заслушали сообщения старшего инструктора по организационно-партийной работе М. П. Пепелева и моего помощника по комсомольской работе М. М. Белова о том, как коммунисты и комсомольцы участвуют в развитии снайперского движения, в работе по овладению смежной специальностью с целью обеспечения полной взаимозаменяемости в бою. Товарищи сообщили, что в бригаде уже добились полной взаимозаменяемости 51 расчет минометчиков, 31 расчет артиллеристов и 40 расчетов пулеметчиков. Команды снайперов пополнились десятками новых метких стрелков.

Вечером выступил перед агитаторами 1-го батальона с лекцией на тему «Что несет фашизм колхозному крестьянству». Комиссар бригады Грановский сделал доклад о международном положении.

Поинтересовался, как красноармейцы восприняли Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 мая 1942 года об учреждении ордена Отечественной войны, а также нагрудных знаков мастерам военного дела: «Снайпер», «Отличный пулеметчик», «Отличный минометчик», «Отличный артиллерист», «Отличный танкист»... Весь личный состав бригады с большим воодушевлением воспринял учреждение нового ордена и нагрудных знаков. Мы разъяснили бойцам, что Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно заботятся о поощрении и популяризации передовых воинов, о создании для них стимула в совершенствовании своего боевого мастерства.

30 мая. Бригаде приказано совершить ночной марш и сосредоточиться в лесу во втором эшелоне армейской ударной группы. Ей предстоит наступать в направлении деревня Плешаково, отметка 23,0, Старо-Рамушево. В первом эшелоне находились 127-я и 116-я стрелковые бригады. 127-й бригаде придается вся наша артиллерия.

1 июня. После затяжной, дождливой, холодной весны

наступил первый солнечный день. Кажется, нет на свете более чудесных по своей красоте уголков природы, чем те, что здесь, под Старой Руссой. Даже болота зазеленели. Меж лесов и лугов течет река Ловать. Вечерами небосклон словно сливается с рекой, и тогда кажется, что перед тобой море.

Лето вносит во фронтовой быт некоторое облегчение. Но благодушествовать не приходится. Не успела бригада сосредоточиться в новом районе, как противник открыл сильный артиллерийский огонь. Пришлось под огнем строить блиндажи.

Поздно вечером из частей возвратились политотдельцы. Накоротке обменялись мнениями о проделанной работе на марше. Условились при посещении частей обратить особое внимание командиров и политработников на необходимость повышения бдительности и улучшения маскировки.

3 июня. С утра над районом сосредоточения 3-го батальона появилась вражеская авиация и начался артиллерийский обстрел. Вместе с комиссаром бригады М. И. Грановским спешим в этот батальон. Дважды попадаем под бомбежку. Лошадь под комиссаром ранена. Идем пешком. Немецкий снаряд попал в артиллерийский склад. Грохочут взрывы: рвутся боеприпасы. Пламя горящего артоклада привлекло внимание вражеской авиации. Бомбежка усилилась. Нелегко было ее переносить, особенно тем, кто еще не обстрелян. Но никто не паниковал, не растерялся.

4 июня. По распоряжению штаба армии наша рота противотанковых ружей (ПТР) направлена на западный берег реки Ловать, в район деревни Гридино, в распоряжение командира 182-й стрелковой дивизии. Подполковник П. Г. Кохановский и все мы, политотдельцы, обеспокоены — ведь без ПТР бригаде в бою будет трудновато.

5 июня. Рано утром после артиллерийской подготовки части первого эшелона перешли в наступление. Вскоре штаб нашей бригады получил первую информацию о боевых действиях 127-й стрелковой бригады. Успешно действуют наши артиллеристы. Многие из них показали себя мужественными людьми. Об этом сообщили в политотдел старшие политруки М. М. Белов и Г. И. Лелявский, находившиеся на огневых позициях артдивизиона.

К вечеру отпечатали на машинке листовку «Итоги первого дня». В ней рассказали, как линейные надсмотрщики 1-й батареи Волков, Татарин и Копылов и бойцы 2-й батареи Титов, Фомичев и Гуляев под сильным огнем врага восстанавливали телефонную связь. Они тянули провод от командиров батарей, находившихся в боевых порядках пехоты, к огневым позициям. Это позволило вести эффективный огонь по гитлеровцам. Старшина 2-й батареи

Кривопатров, несмотря на сильный огонь противника, своевременно доставлял снаряды на огневые позиции.

В числе отличившихся в первом бою — командир взвода 1-й батареи Константин Дмитриевич Чигрик. Политотдел призвал воинов бригады брать пример с артиллеристов, быть такими же бесстрашными в бою, как они. Поздно вечером листовку доставили во все подразделения.

7 июня. От наступления перешли к обороне. Боевой задачи первый эшелон полностью не сумел выполнить. Своими основными силами наша бригада в бой пока не вступала. Однако люди все время находились под бомбежкой и артиллерийским обстрелом. Нашим же артиллеристам повезло — они приобрели первый боевой опыт, заслужили хорошую оценку своей боевой работы по обеспечению наступательных действий первого эшелона.

В острой ситуации побывала наша рота ПТР. Она занимала оборону на танкоопасном направлении в полосе 182-й стрелковой дивизии. Внезапно ее атаковали до пятидесяти гитлеровских автоматчиков. Петеэровцы отбили атаку врага, нанесли ему значительный урон. В ход были пущены гранаты и немецкие автоматы, захваченные в этом бою. Особенно отличились командир взвода Геннадий Александрович Сидоров, старшина Марк Спиридонович Садовой, красноармейцы Александр Климович Сорокин и Иван Дмитриевич Фурманов. Меткими выстрелами они насмерть разили гитлеровцев. Эти доблестные воины первыми в бригаде были удостоены правительственных наград.

Подполковник П. Г. Кохановский получил приказ отвести бригаду на восточный берег реки Пола, создать запасный оборонительный рубеж и быть в готовности действовать против возможного авиадесанта противника.

9 июня. Сегодня провели собрание партийного актива бригады. Предварительно вместе с секретарями партийных организаций подобрали хорошо прикрытую деревьями лесную прогалину, наметили пути подхода к ней. На случай налета вражеской авиации и артобстрела бойцы подготовили траншеи.

В 17 часов выставили охрану. А через час собрание актива открылось. На повестке дня два вопроса: задачи коммунистов бригады по повышению боеготовности (докладчик военком бригады Грановский); священный долг каждого коммуниста показать образцы доблести при создании оборонительного рубежа (докладчик командир бригады Кохановский). В прениях выступило 8 человек.

Собрание единодушно приняло решение: обязать всех

коммунистов личным примером и пламенным большевистским словом крепить боеготовность всех подразделений, шире развернуть социалистическое соревнование за досрочное окончание строительства оборонительного рубежа.

10 июня. Вместе с командиром бригады П. Г. Кохановским проверяли работы на строительстве оборонительного рубежа. Отличившимся воинам объявлена благодарность.

Мне нравится, как комбриг держится с подчиненными — ровно, спокойно. Всегда находит теплые слова, согревающие души людей.

Вечером я вручал партийные билеты принятым в партию воинам роты противотанковых ружей и артдивизиона, отличившимся во время боев в 127-й отдельной стрелковой бригаде и в 182-й стрелковой дивизии.

В расположении 2-го батальона, в кустах, обнаружили три трупа красноармейцев. Лица у них изуродованы до неузнаваемости. На спине у каждого вырезана звезда. Полагаем, что это разведчики, попавшие к гитлеровцам в плен во время зимних боев.

13 июня. Провели совещание секретарей комсомольских организаций. Обсудили вопрос о состоянии воспитательной работы среди молодых воинов.

Во всех подразделениях состоялись беседы на тему «Герои-партизаны Ленинградской области». Рассказали бойцам о народных мстителях, действующих недалеко от нас за линией фронта. Они еще осенью 1941 года изгнали гитлеровцев из многих районов и образовали партизанский край.

В беседах агитаторы сообщили красноармейцам, что более чем в четырехстах населенных пунктах области действуют Советы депутатов трудящихся, восстановлены колхозы, работают школы, больницы, выходят газеты. Жители партизанского края собрали для голодающих ленинградцев более трех с половиной тысяч пудов продуктов питания: хлеба, мяса, масла, крупяных изделий. Двести с лишним подвод партизаны переправили через линию фронта. Вместе с продовольствием ленинградцы получили письмо, подписанное тысячами партизан и колхозников.

«Дорогие товарищи ленинградцы! — говорилось в нем. — Немецкие разбойники хвастают, что они заняли наши районы, но в этих районах они стоят как в осажденной крепости, и земля горит у них под ногами. Партизаны и колхозники — советские люди, глубоко преданные матери-Родине, — вот настоящие полновластные хозяева наших районов. Ни карательные экспедиции, ни жестокие расправы с мирными жителями — ничто не сломило и не сломит нашей воли к победе».

Это письмо и дерзкий рейд красного партизанского обоза через линию фронта вызвали у всех нас чувство восхищения и гордости.

15 июня. Поздно вечером приехал из политотдела армии, сразу же направился к командиру и комиссару бригады. Доложил об указаниях, полученных от начпоарма Шабанова. После делового разговора ужинали. За чашкой чая Павел Григорьевич Кохановский рассказывал о родной Житомирщине, а потом пел украинские песни.

Во 2-м батальоне провожу семинар командиров рот и батарей. Сидим в полуразрушенной вражеской авиацией школе деревни Веретейка. Ни столов, ни парт в школе нет. Расположившись прямо на полу, обсуждаем вопрос о повышении роли командиров в воспитании рядового и сержантского состава.

В ходе обсуждения у кое-кого из молодых командиров проскользнула мысль: не наше, мол, дело заниматься воспитательной работой, пусть этим занимаются политработники, агитаторы. Пришлось поправить этих товарищей, напомнить им замечательные слова М. И. Калинина: «...в военной истории нет полководцев, создавших себе мировую славу, которые не были бы любимцами своего войска. Это значит, что всемирно известные полководцы не были только мастерами стратегии и тактики. Нет, они знали и дорогу к сердцу своих солдат, своей армии. Они были мастерами высокого духа войск, умели вселять в душу солдата прочное доверие к себе»[5].

В своих выступлениях командир 3-й роты Багоутдинов, командир взвода Анисимов и другие поделились опытом работы по воспитанию красноармейцев и сержантов, пожурили тех, кто только администрирует и накладывает дисциплинарные взыскания и не проводит с подчиненными беседы, политинформации.

В других батальонах семинары ротных и взводных провели командир, комиссар и начальник штаба бригады.

21 июня. Дождь. На переднем крае тишина. Канун годовщины начала войны, и вдруг тишина. Настораживаюсь. Всех политотдельцев направляю в батальоны и дивизионы. На КП бригады никто не спит.

Получаю информацию из подразделений. Там проходят беседы на темы: «Чему учат нас уроки первого года войны», «Враг не дремлет, утроим бдительность!».

В памяти невольно оживают события первых месяцев войны. Горечь отступления, плач и стон женщин, детей, стариков... Пылающие города и села. Сердце сжимается от щемящей боли, когда думаешь, что оккупанты еще топчут родную землю на

огромном пространстве. Каждый беспокоится о своих родных, близких. Мозг сверлит мысль, что и я потерял брата. С осени прошлого года не получил от него ни одной весточки. Не ответил на мои письма и командир его части, а воевали мы с братом, кажется, где-то совсем рядом.

22 июня. Ночь прошла спокойно. Дождь прекратился. Выглянуло солнце. Ручеек, протекавший около нашего блиндажа, превратился в речку. Окопы полны воды. Люди промокли до костей. Шинели, гимнастерки, портянки сушим на солнце.

Итак, год войны позади. Многому он научил нас. Закалились. Теперь мы не те, что были летом сорок первого. Возмужали, окрепли. Напряженные бои явились для советских воинов школой стойкости, героизма и ненависти к врагу. И наши командиры, политработники и красноармейцы стали опытнее, прозорливее, организованнее. Об этом мы рассказали личному составу бригады и одновременно призвали его не зазнаваться, а продолжать настойчиво овладевать новыми приемами боевых действий.

24 июня. Посетил 1-й батальон. Вместе с членами партбюро подразделения наметили меры по укреплению батальонной первичной организации.

Вечером провели семинар пропагандистов при политотделе. Обсудили лекцию старшего политрука Г. И. Лелявского: «Изучать и популяризировать боевой опыт, накопленный за год войны». С небольшими коррективами, дополнениями текст лекции одобрили. Затем заслушали политрука 2-й роты 3-го батальона Александра Ивановича Дорофеева об опыте агитационной работы. В этой роте хорошо работают агитаторы. Они имеются в каждом взводе. Политрук Дорофеев почти ежедневно беседует с ними. Раз в неделю собирает их на инструктаж. Порекомендовали политрукам всех подразделений взять на вооружение опыт агитаторов 2-й роты.

26 июня. Нахожусь во 2-м батальоне. Вместе с политруками и парторгами рот слушаем доклад старшего политрука Чанбарисова о ходе выполнения приказа Наркома обороны СССР № 130 от 1 мая 1942 года. В этом документе перед Советскими Вооруженными Силами поставлена задача: учиться военному делу, учиться настойчиво, изучать в совершенстве свое оружие, стать мастерами своего дела и научиться бить врага наверняка. Докладчик критикует некоторых политруков и парторгов за то, что они слабо занимаются военно-технической пропагандой, не акцентируют внимание красноармейцев на необходимости совершенствовать воинское мастерство.

Не могу не согласиться с комиссаром Чанбарисовым. Действительно, некоторые политруки ослабили военно-

техническую пропаганду.

Этот вывод я сделал прежде всего для себя. Рождается мысль: надо сосредоточить внимание политотдела, всего партполитаппарата бригады на овладении военным делом. Ведь без твердого знания техники, боевых свойств оружия политработники не смогут оказать командирам действенной помощи в организации боевой учебы личного состава.

27 июня. Пригласил в политотдел коммунистов, занимающихся в командах снайперов. Обмениваемся мнением о ходе учебы. В беседе приняли участие командир и комиссар бригады. Выяснилось, что не во всех батальонах занятия проходят на высоком уровне. Даже многие из присутствующих еще не стреляли из винтовки с оптическим прицелом.

После беседы пошли пострелять. Выполняли девятое упражнение для отличных стрелков. Результаты стрельб оказались далеко не блестящими. Командир бригады Кохановский проанализировал причины низкого уровня огневой подготовки бойцов, включенных в команды снайперов. Комбриг дал рекомендации по дальнейшему совершенствованию огневой подготовки. Штабу бригады он дал указание проверить организацию занятий со снайперами во всех батальонах, оказать комбатам всемерную помощь.

28 июня. Весь день провел в 1-м батальоне. Утром присутствовал на политинформации во 2-й роте. Читали публицистическую статью Михаила Шолохова «Наука ненависти», опубликованную в «Правде». У бойцов глаза темнели от гнева к гитлеровским убийцам, насильникам, грабителям. Да, Шолохов умеет читать души людей, помогает нам, политработникам, воспитывать у воинов чувство ненависти к врагу.

Связавшись по телефону с политотделом, порекомендовал позвонить комиссарам батальонов, дивизионов и посоветовать ознакомить со статьей Михаила Шолохова весь личный состав. Вечером выступил перед бойцами и командирами, ответил на вопросы, которые поступили ко мне. Больше всего вопросов такого характера: когда союзники откроют второй фронт, почему они медлят; долго ли бригада будет сидеть во втором эшелоне. Чувствовалось, что люди рвутся в бой.

Ночью на бомбежку переднего края врага летали наши легкие бомбардировщики У-2. Надо было видеть радостные лица людей, чтобы понять, как любят они свою авиацию. Мне рассказали, что вчера наши бойцы ночью сидели у костра и беседовали. Вдруг с неба раздался голос: «Что же вы, окаянные, демаскируете себя. Немедленно тушите костер». Люди в изумлении подняли головы и увидели бесшумно летевший над лесом У-2. Летчик включил

мотор, и самолет скрылся из виду. А мы сделали для себя выводы — улучшили маскировку.

29 июня. Лес. Под деревом землянка политотдела, столик. Вокруг на траве сидят политруки рот, батарей — участники постоянно действующего семинара политруков. С докладом «О разъяснении сообщения Совинформбюро о политических и военных итогах года Отечественной войны» выступил комиссар бригады Грановский. Надо ему отдать должное, умеет зажигать сердца людей пламенным большевистским словом. Его слушали с большим вниманием.

Иногда слова докладчика заглушали разрывы мин и снарядов — противник обстреливал подразделения бригады.

После доклада участники семинара обменялись опытом работы. Политотделу они высказали пожелание: чаще информировать их о положении на Северо-Западном фронте, других фронтах, о действиях партизанских отрядов, об успехах тружеников тыла.

Вечером в политотделе обсудили план партполитработы на первую декаду июля. Центральное место в нем отвели вопросам военно-технической пропаганды, повышения боеготовности личного состава.

1 июля. Нахожусь в 3-й батарее артдивизиона. Знакомлюсь с работой военкома батареи Долибеца, парторга Зыретова, агитатора Уточкина. Вместе с ними составили план работы на ближайшие десять дней.

Вечером беседовал с бойцами. Почувствовал, что люди рвутся в бой, что им надоело отсиживаться в обороне.

После ужина беседовал со старшиной батареи и поварами. Они жаловались, что за время пребывания на Северо-Западном фронте ни разу не получали овощей и картофеля. Однообразная пища — перловый суп, пшенная и изредка гречневая каша — изрядно надоела. Какие еще можно приготовить блюда из круп? Может быть, различные крупеники, запеканки? Повара обещали разнообразить завтраки, обеды и ужины.

3 июля. За два дня пребывания в 1-й батарее побеседовал почти со всеми офицерами и бойцами. Побывал на занятиях по боевой подготовке, на политинформации военкома батареи Василия Михайловича Гмирко. Присутствовал на беседе агитатора Якимчука по теме «Приказ командира — приказ Родины». Впечатление осталось хорошее.

Командир и комиссар батареи не ослабляют внимания к быту солдат. Построена баня. Своевременно меняется белье.

6 июля. На семинаре пропагандистов при политотделе выступил представитель политотдела армии старший политрук

Карпов. Рассказал о положении на Северо-Западном фронте, приковал внимание к вопросам повышения бдительности, укрепления боеготовности личного состава.

Участникам семинара мы подготовили и раздали материалы, разоблачающие зверства фашистов в Демянском и Старорусском районах. Пропагандистам было о чем подумать — материалы эти содержали живые свидетельства очевидцев о чудовищных злодеяниях оккупантов. Вот лишь некоторые примеры.

Четырнадцатилетний мальчик Пименов, житель Демянска, рассказал отцу, что видел, как немецкие солдаты раскапывали в огороде яму с картофелем, а потом погрузили и увезли картофель. Отец пожаловался немецкому офицеру. После этого офицер выстрелом в голову убил мальчика.

В селе Малый Заход колхозник Николай Кукушкин укрыл красноармейца, бежавшего из плена. Ночью нагрянули гитлеровцы. Утром Кукушкина повесили, красноармейца расстреляли.

Боясь внезапных нападений партизан, оккупанты минируют дороги в своем тылу. Однажды недалеко от деревни Тараканицы подорвалась машина с немецкими офицерами на своих же минах. Это послужило поводом для расправы с местным населением. Двадцать шесть мужчин были расстреляны, а деревня сожжена.

Через населенный пункт Шожево проходило семеро колхозников, направляясь в свои деревни. У одного из них не оказалось пропуска. Фашисты объявили их «русскими диверсантами» и расстреляли.

В деревне Кривая Часовня гестаповцы создали концлагерь для военнопленных. Тот, кто попадал в него, живым не выходил. Здесь пленных истязали, не кормили, они умирали голодной смертью.

Я посоветовал пропагандистам использовать эти факты в беседах с красноармейцами. Порекомендовал также использовать письма, которые получают бойцы от родных и в которых содержатся факты, показывающие, что фашисты разоряют оккупированные города и села, насилуют и истязают наших сестер и матерей.

7 июля. Меня постигло большое горе. Получил известие о том, что погиб на фронте мой близкий друг Степан Ефимович Крысов.

Я и теперь не могу спокойно читать письмо о павшем смертью храбрых Степане Крысове. Он был из тех, кто всегда помнил, что его место впереди и в мирное время, и в суровую годину фронтовых испытаний. Впервые мы с ним встретились в 1928 году в Москве на Электрозаводе. Он работал слесарем и

учился на вечернем отделении рабфака. В ту пору мы с ним и подружились.

Я уже говорил, что в 1929 году меня избрали секретарем Рязанского окружного комитета комсомола. Расставаться с электрозаводцами было тяжело, но ребята обещали не забывать, помогать в работе. И свое слово они сдержали. Во время коллективизации, в порядке шефства города над деревней, Электрозавод прислал в Рязанский округ бригаду комсомольцев. Возглавлял ее Степан Крысов. Личным примером трудовой доблести увлекал он юношей на большие дела во имя укрепления смычки города с деревней.

А весной 1933 года мы снова встретились со Степаном Ефимовичем. На сей раз в» Новодеревенской МТС. Сюда меня направил Центральный Комитет партии. Степан Ефимович был назначен директором Новодеревенской машинно-тракторной станции, а я — начальником политотдела.

В 1935 году вместе с большой группой партийных и хозяйственных работников нас с С. Е. Крысовым послали во вновь созданную Калининскую область. Вначале Степан работал в областном комитете ВКП(б), а затем его избрали секретарем Луковниковского райкома партии, а я в это время был секретарем Ржевского горкома партии. Совместная партийная работа еще больше укрепила нашу дружбу.

С калининцами, друзьями и товарищами по партийной работе, по злой воле клеветников мне пришлось расстаться в 1938 году. Наступило время испытания прочности и искренности дружбы с теми, с кем я работал. Степан Ефимович был среди тех, кто не отмежевался от меня, кто смело выступил против клеветников. Тогда, в тридцать восьмом, для этого надо было обладать кристальной партийной чистотой, принципиальностью и большим мужеством.

Осенью 1939 года мы вместе со Степаном поступили учиться в Промышленную академию. А 23 июня 1941 годи он провожал меня на фронт. Это была наша последняя встреча. Вскоре и Степан оказался на передовой линии огня. Он, как и я, был секретарем партбюро полка. Опыт партийной работы, накопленный в мирные дни, позволил нам с начала войны влиться в ряды политработников, найти свое место в общей борьбе с фашистами.

Со дня гибели Степана Ефимовича прошло более четырех десятилетий. Но он и сейчас перед моим мысленным взором как живой. Высокий, светловолосый, с немного скуластым лицом, смотрит в упор своими голубыми добрыми глазами. Память моего сердца навсегда запечатлела его образ...

* * *

9 июля вместе с командиром и комиссаром бригады мы выехали к командующему 11-й армии генерал-лейтенанту Василию Ивановичу Морозову. У него мы застали командиров, комиссаров и начальников политотделов всех соединений армии. Я увидел командарма впервые. Уже немолодой, но энергичный, подтянутый, лаконичный в разговора, он произвел на меня очень приятное впечатление.

Развернув топографическую карту, командарм ознакомил нас с замыслом предстоящей наступательной операции. Своими основными силами 11-я армия должна наносить удар по рамушевскому коридору с севера на юг, а 1-я ударная армия ударит по гитлеровцам с юга на север. Главная цель операции — разобщить демянскую группировку противника со старорусской группировкой.

Командующий строго предупредил о том, чтобы подготовка к наступлению держалась в секрете.

Нас всех тогда тревожила военная обстановка, сложившаяся на юге страны. Красная Армия, как и в 1941 году, одна несла всю тяжесть войны против гитлеровской Германии. Пользуясь тем, что второй фронт в Европе не открыт, немецко-фашистское командование сосредоточило против советских войск главные силы и наращивало удары на южном участке фронта.

В беседах с красноармейцами, сержантами и офицерами мы не раскрывали сроки и замыслы предстоящей наступательной операции 11-й армии, но призывали их быть готовыми оказать помощь войскам Красной Армии, сражающимся на юге страны. Воспитанию наступательного порыва у воинов мы подчинили политинформации, коллективные читки газетных материалов. Этому же вопросу были посвящены партийные и комсомольские собрания в подразделениях.

12 июля командир бригады получил боевое распоряжение: сменить 874-й полк 282-й стрелковой дивизии, занимавшей оборону на участке Никольское, Безымянный Ручей (в одном километре севернее Голубово). Это означало, что из второго эшелона бригада переключается в первый. Посоветовавшись в политотделе, мы решили во всех батальонах, дивизионах и спецподразделениях провести митинги. Командир и комиссар бригады одобрили наше предложение. Условились, что на митинг в 1-й батальон пойдет командир бригады, в 3-й батальон — комиссар, в 4-й — начальник штаба.

Во 2-й батальон пошел я. Вечером 12 июля на большой

лесной поляне выстроились все подразделения. Митинг открыл комбат капитан Михаил Тихонович Князев. Первое слово он предоставил комиссару батальона. Старший политрук Шайхулла Хабибуллович Чанбарисов взволнованно говорил о революционных и боевых традициях народов нашей страны, о древних новгородских землях, с которыми связаны истоки Русского государства, о ратных подвигах наших предков, которые под предводительством Александра Невского на Чудском озере наголову разбили немецких псов-рыцарей.

— Не посрамим же и мы земли русской, отомстим фашистам за все их злодеяния!

Эти слова комиссар произнес отрывисто, горячо, и он» прозвучали как пламенный призыв насмерть разбить гитлеровских захватчиков.

— История нашей Родины, история всех войн прошлого, — сказал Чанбарисов, — знает немало примеров героических подвигов солдат и офицеров. Но никогда еще героизм не был таким массовым явлением, каким он стал в Красной Армии в нынешнее тяжелое для нашего Отечества время. В огромном количестве ратных подвигов советских воинов воплотилась духовная мощь народов СССР, их морально-политическое единство. Будем же множить славные боевые подвиги многомиллионного и многонационального советского народа!

— У нас в бригаде служат воины различных национальностей — русские и украинцы, белорусы и татары, казахи и башкиры... Они по-братски относятся друг к другу, живут едиными помыслами — храбро сражаться за честь, свободу и независимость социалистической Отчизны, — заявил на митинге красноармеец Михаил Кожухов.

Яркими были также выступления лейтенанта А. И. Артюхова, сержанта И. Н. Потеряева и других воинов. Все они заверили Коммунистическую партию и Советское правительство, что не пожалеют своих сил, а если потребуется, то и жизни во имя победы над врагом.

После митингов части бригады вышли на марш. В ночь на 14 июля два наших батальона сменили 874-й полк 282-й стрелковой дивизии.

Перед бригадой находился противник, сильно укрепивший оборону в районе Туганово, Голубово, высота Огурец, которая господствовала над окружающей местностью.

Чтобы взломать эту оборону, требовалось прежде всего тщательно разведать силы противника, вскрыть его огневую систему. Но штаб 11-й армии предупреждал командование бригады: поисковых разведывательных групп не создавать,

разведку боем не вести. Больше того, нам не разрешили сменить боевое охранение 874-го полка. Все это мотивировалось необходимостью сохранить скрытность смены частей.

Штаб армии полагал, что передний край врага и его огневую систему комсостав бригады может изучать по фотосхеме, представленной разведотделом армии. Однако при сверке фотосхемы с местностью были установлены существенные дефекты. Некоторые участки обороны врага на фотосхеме не были указаны. Наблюдение за передним краем врага, установленное штабом бригады и командирами батальонов, не дало сколько-нибудь существенных данных. Особенно тревожило нас то, что наблюдением не удалось раскрыть систему огня противника.

16 июля бригада получила боевой приказ: овладеть узлом сопротивления Туганово, частью сил уничтожить противника в районе Большие Роги, а затем, развивая наступление, овладеть деревней Россино. Мы узнали, что справа от нас должна действовать 228-я, а слева — 370-я стрелковые дивизии.

В первый эшелон командир бригады подполковник Кохановский выделил 2-й и 3-й батальоны, усилив их танками. Во втором эшелоне, на рубеже реки Ларенка, находился 1-й батальон. Его задача — в ходе наступления развить успех левого фланга 3-го батальона. В третьем эшелоне находился 4-й батальон. Продолжая оборонять занимаемый район, он должен быть в готовности развить успех 1-го и 2-го батальонов и овладеть деревней Россино.

В своем резерве командир бригады оставил две роты — автоматчиков и разведчиков.

Бригада была усилена 482-м танковым батальоном, и ее поддерживали два артиллерийских полка. Исходные позиции танки заняли в лесу севернее Новой Деревни. Танки должны были содействовать 2-му батальону в овладении Туганово и в развитии успеха наступления.

Комиссарам батальонов и дивизионов, политработникам и парторгам рот, батарей политотдел рекомендовал провести в подразделениях партийные собрания с повесткой дня «Место коммуниста в предстоящем наступательном бою». В подготовке собраний участвовали и работники политотдела. Докладчики и участники прений на собраниях подчеркивали, что место коммуниста — на решающих участках, на передней линии огня. Коммунисты заявляли в своих выступлениях, что личным примером будут увлекать бойцов вперед, на штурм вражеских позиций.

Партийные собрания послужили мощным средством

мобилизации личного состава на выполнение боевой задачи. Перед наступлением около двухсот красноармейцев и командиров бригады подали заявления в партию.

«...Хочу идти в бой коммунистом, заверяю, что с честью оправдаю это высокое звание» — эти слова повторялись почти во всех заявлениях.

К началу наступления командиры и политработники подразделений успели вручить личному составу подарки, полученные от трудящихся города Златоуста Челябинской области. Вместе с подарками златоустовцы прислали теплые письма, в которых рассказали о своих трудовых успехах и выразили самые добрые пожелания воинам.

17 июля к 3 часам части бригады заняли исходное положение для наступления. Время начала наступления было установлено особым распоряжением командующего армией. О нем знали только командир, комиссар и начальник артиллерии бригады.

Командирам частей было объявлено, что залп дивизиона «катюш» явится сигналом для начала артиллерийской подготовки и атаки пехоты, которая должна устремиться вперед за огневым валом.

Прошло несколько часов, а сигнала все не было. Такая неопределенность создала нервное напряжение. Стали поговаривать о том, что, возможно, атака не состоится.

Только в 14.00 заговорили «катюши» и артиллерия, и тотчас же поднялась пехота. С наблюдательного пункта бригады мы хорошо видели, как 2-й и 3-й батальоны продвигались вперед. Через десять минут артиллеристы перенесли огонь в глубь обороны противника. Время артподготовки оказалось недостаточным для того, чтобы все подразделения смогли преодолеть расстояние от исходного положения к первой линии траншей гитлеровцев. К началу атаки не успели подойти приданные бригаде танки. Они следовали с исходных позиций к переднему краю в колонне по одному вдоль линии фронта. Случилось так, что первый танк подорвался на мине и остановил колонну. Тем временем противник подтянул противотанковые средства. Два наших танка были сожжены термитными снарядами.

Подразделения 2-го батальона, ориентированные на совместную с танками атаку, так и не дождались их.

По всему было видно, что артподготовка оказалась малоэффективной. Противник встретил наступающую пехоту огнем артиллерии и станковых пулеметов кинжального действия с высоты Огурец и северной окраины Туганово.

Вскоре над полем боя появилась вражеская авиация. Мы

насчитали 27 самолетов Ю-88. Летчики включили поющие сирены и, пикируя, наносили бомбовые удары по нашим боевым порядкам.

Вой сирен пикирующих бомбардировщиков и разрывы бомб, потрясающие вокруг тебя землю, очень тяжело перенести. Продвижение остановилось.

Как только улетели самолеты, начался артиллерийский обстрел. А лежать под обстрелом — неизбежные потери. Требовалось как можно быстрее преодолеть зону заградительного огня.

В 3-м батальоне в боевых порядках появились командир старший лейтенант Д. С. Дубинин, комиссар старший политрук П. А. Межуев, секретарь партбюро политрук В. Г. Саламатин, пропагандист политотдела старший политрук Г. И. Лелявский. Межуев первый поднял красноармейцев и сержантов в атаку. Раненный трижды, он продолжал бежать впереди до тех пор, пока мог. Упал комиссар тогда, когда иссякли последние силы. Его вынесли с поля боя мертвым. Смелый бросок позволил вывести людей из-под огня и сосредоточиться на более выгодном рубеже.

Одновременно с 3-м батальоном вплотную приблизилась к высоте Огурец одна рота 2-го батальона. Мой помощник по комсомольской работе старший политрук Белов, находившийся в этой роте, рассказал, что в атаку стремительно шли все подразделения батальона. Комбат капитан М. Т. Князев управлял боем с КП, а комиссар старший политрук Ш. Х. Чанбарисов находился в цепи наступающих. С призывами «Вперед, за мной!», «Проучим гитлеровских бандитов!» он поднимался в атаку, увлекая вперед бойцов. Энергичный, порывистый, бесстрашный комиссар появлялся там, где было особенно тяжело.

Когда гитлеровцы, подтянув свежие силы, начали контратаку и вынудили нашу роту залечь в мертвом пространстве перед высотой, командир бригады подполковник Кохановский решил ввести в бой находившийся в резерве 1-й батальон. Перед ним была поставлена задача овладеть Туганово и в дальнейшем наступать на Россино. Снова появились «юнкерсы». Батальон подвергся бомбежке и попал под сильный пулеметный и артиллерийский огонь. Пришлось залечь и окопаться.

Всю ночь бригада готовилась к возобновлению наступления. Многое надо было сделать.

Штаб бригады и командиры батальонов позаботились о том, чтобы тщательно разведать передний край обороны противника, установить расположение дзотов.

Разбираемся в причинах неудач. Много упреков выслушали артиллеристы: им не удалось подавить даже выявленные огневые

точки противника. Почему? Оказалось, что артиллеристы не выдвинули вперед наблюдательные пункты, но выслали в первые эшелоны пехоты корректировщиков.

Надо заметить, что многие артиллеристы тогда считали своей основной задачей лишь проведение артподготовки. Достаточного опыта артиллерийского наступления, сопровождения пехоты огнем и колесами они еще не имели.

Командование бригады указало артиллеристам на ошибки, поставило задачу подавить выявленные огневые точки противника и непосредственно на поле боя оказать помощь пехоте.

Начальник артиллерии бригады Михаил Михайлович Барташук, командир артдивизиона Константин Дмитриевич Грибановский, комиссар Макар Петрович Глазырин, командир отдельного противотанкового истребительного дивизиона Акакий Константинович Букин, комиссар этого дивизиона Федор Калинович Струц горячо взялись за дело. Некоторые батареи они ночью переместили на новые огневые позиции. Часть орудий поставили на прямую наводку. Выбрали новые наблюдательные пункты и подтянули к ним связь.

Поздно вечером на КП бригады собрались политотдельцы, возвратившиеся из частей. Их короткие доклады воссоздавали картину прошедшего боя. Даже при неудачах инициативные, мыслящие люди умели выходить из трудного положения.

Вот лишь некоторые примеры.

Командир отделения батальона связи сержант Георгий Филиппович Кивечкин попал под сильный огонь противника. Невозможно было поднять голову. И все же он не растерялся. Используя складки местности, Георгий ползком пробирался вперед. Ему удалось исправить 46 порывов телефонного провода. Обнаруживая телефонный кабель противника, сержант немедленно перерезал его. Несколько десятков метров провода он смотал на свою катушку. Вражеская пуля ранила отважного комсомольца, но он не покинул боя, пока не выполнил приказ командира.

Комсомолец Роман Иванович Третьяков один остался в живых у станкового пулемета и продолжал прикрывать огнем левый фланг 1-го батальона. Вскоре и он был ранен. Но поля боя не покинул. Лишь вечером, когда наступила тишина, санитары унесли его в батальонный пункт медицинской помощи.

В конце дня была прервана телефонная связь НП командира бригады с 3-м батальоном.

— Восстановить связь как можно быстрее! — такой приказ получил командир телефонно-кабельной роты батальона связи М.

Д. Поляков.

Взяв с собой красноармейца Д. М. Майкова, лейтенант устремился на линию. Огонь врага прижал их к земле.

— Есть ли у вас семья? — спросил Майкова лейтенант, укрывшись рядом с ним.

— Пока я не женат.

— А у меня есть жена и дочка. За их счастье, за любимую Родину мы и воюем с фашистами, — сказал Поляков.

Через несколько минут вражеская пуля оборвала жизнь лейтенанта. Красноармеец Майков восстановил линию связи, а затем бережно доставил тело своего командира в расположение батальона связи.

Храбро вел себя в бою красноармеец Иван Николаевич Горошко. В критическую минуту он прикрыл старшего лейтенанта С. В. Шипилова своим телом.

Хочется отметить смелые, инициативные действия в бою и наших снайперов. Они беспощадно истребляли фашистов. Например, снайпер Павел Иванович Букреев за один день боя уничтожил 13 гитлеровцев.

Много интересного можно рассказать о мужестве санинструкторов сержанта Михаила Семеновича Иванова и старшего сержанта Андрея Константиновича Миханошина. Под жесточайшим огнем они ползли к раненым, оказывали им первую медицинскую помощь, а затем, взвалив на спину, ползком доставляли их на ротный участок.

Военфельдшера Екатерину Харитоновну Васькину во 2-м батальоне ласково звали Катюшей. Отчаянная комсомолка в зеленом фронтовом платочке, словно заговоренная, ходила под пулями, выручая из беды раненых.

Выслушав сообщения политотдельцев об отличившихся в бою, я посоветовал им помочь командирам и политработникам подразделений оформить наградные листы на мастеров боя.

Поздно вечером работники политотдела вновь разошлись по батальонам и дивизионам.

Во 2-й батальон я шел вместе со своим помощником по комсомольской работе Макаром Беловым. За последние дни мы как-то не находили времени обстоятельно поговорить о текущих комсомольских делах, обменяться впечатлениями о встречах с людьми. И теперь всю дорогу разговаривали. Беседовать с Беловым всегда интересно. Он наблюдателен, обладает чувством юмора. Характеристики людям дает меткие. О себе же говорит мало. Я, конечно, знал, что он служил на Тихоокеанском флоте. После демобилизации работал секретарем райкома, а затем секретарем Смоленского обкома комсомола. Опыт работы с

молодежью позволил ему сравнительно быстро освоиться в новой фронтовой обстановке и стать боевым вожаком комсомольцев в нашей бригаде.

Неподалеку от переднего края мы заметили группу командиров и красноармейцев 1-го батальона, сидевших около блиндажа. Здесь заседала партийная комиссия политотдела бригады. Мы вошли в блиндаж. Секретарь партбюро батальона Борис Акимович Хайров зачитывал боевую характеристику на Леонтия Федоровича Новохатского. До войны Новохатский работал председателем сельсовета. Теперь санинструктор. В прошедшем бою вынес с поля боя 40 раненых с оружием.

— Будут ли возражения против приема товарища Новохатского кандидатом в члены ВКП(б)? — спросил секретарь партийной комиссии.

— Принять! — раздались голоса.

Проголосовали, приняли единогласно.

Рассматривается заявление комсомольца наводчика миномета Андрея Дорофеева. Его расчет за день боя истребил 12 гитлеровцев. Партийная комиссия также единогласно приняла его в ряды большевистской партии. На этом же заседании парткомиссии кандидатами в члены партии были приняты помощник политрука роты комсомолец Плотников, командир пулеметной роты Зауров и другие товарищи.

После заседания комиссии я разговорился с Дорофеевым. Поинтересовался, получает ли он письма от родных, близких.

— Не так часто, но получаю, — ответил младший сержант. За неделю до вступления бригады в бой младший сержант получил письмо от жены. Он ознакомил меня с ним. Жена писала:

«Дорогой Андрюша! Я в этом году научилась работать на тракторе. Не считаясь со временем и не жалея сил, работаю по-стахановски, чтобы своим трудом помочь вам, фронтовикам, разбить ненавистных фашистов. Норму на вспашке выполняю на 140 процентов. Сэкономила 100 кг горючего. За все это получила премию — 40 трудодней. Меня недавно приняли в комсомол. Посевную колхоз провел быстро и хорошо. Колхозники работали, как никогда, много и дружно. Сейчас готовимся к уборке урожая. Погода способствует созреванию богатого урожая. Огороды на славу. О нас, Андрюша, не беспокойся. Только бейте фашистских гадов до смерти, так чтобы им не захотелось лезть на нашу землю. Крепко целую, твоя Наташа».

Андрей не скрыл перед своими товарищами гордости за верную подругу жизни, рассказал о содержании ее письма. Комсомольцы решили сообщить его жене о хороших фронтовых делах Андрея.

«Наташа! Бойцы и командиры минометного расчета, где наводчиком Ваш муж, шлют Вам фронтовой привет, — написали комсомольцы. — Андрей лучший наводчик в нашем подразделении. Его расчет уже истребил 12 гитлеровцев. Мы рады были узнать, что Вы по-ударному работаете на тракторе. Спасибо Вам за добрые пожелания воинам-фронтовикам».

Попрощавшись с товарищами в 1-м батальоне, продолжаем путь во 2-й батальон. Макар Белов, делясь впечатлениями о людях, только что принятых в партию, не без гордости говорит:

— Сердце радуется, что в ряды нашей партии вливаются лучшие воспитанники Ленинского комсомола, закаленные в огне боев.

Верные слова! Да, вместе с бывалыми, опытными воинами наша партийная организация пополнялась молодыми бойцами-комсомольцами. И это придавало ей новые силы.

Когда мы пришли на КП 2-го батальона, там оказался лишь комиссар Чанбарисов. Командира срочно вызвали в штаб бригады. Комиссар доложил, что батальон готовится к новым атакам. Попросил прислать двух политруков рот, чтобы заменить выбывших из строя политработников. Просьбу эту я не мог удовлетворить — политотдел не располагал резервом. Поручили выполнение обязанностей политруков их заместителям. Затем мы с Чанбарисовым и Беловым пошли к солдатам в окопы.

Большинство людей отдыхало. Бодрствовали только дежурные подразделения. Противник был недалеко и все время освещал ракетами передний край.

Куда бы мы ни пришли, везде завязывалась беседа о прошедшем бое. Больше всего говорили о немецкой авиации, мешавшей наступать.

— А где же наши «ястребки»? — спрашивали красноармейцы.

Ответить было нелегко: «ястребков» на нашем участке фронта было пока маловато.

Когда расставались с Чанбарисовым, он сказал мне:

— Впервые в жизни весь день не ходил, а ползал по-пластунски: кругом свистели пули, рвались бомбы, снаряды. Не подаю людям вида, что устал. Ведь и они устали не меньше меня. Перед боем предоставим им отдых.

— И очень хорошо, — сказал я Чанбарисову. — Бой предстоит нелегкий.

18 июля в 7 часов артиллерия и минометы начали обрабатывать передний край противника. Когда пехота перешла в наступление, в небе снова закружили немецкие самолеты. После бомбежки гитлеровцы перешли в контратаку и потеснили 3-й батальон.

Я с удовольствием назову имя начальника политотдела 11-й армии бригадного комиссара В. Д. Шабанова, который прибыл к нам в самый тяжелый для бригады час. Василий Дмитриевич держался дружески, спокойно. В распоряжения командования бригады не вносил скороспелых корректив, не мешал управлять боем. Наоборот, его продуманные советы только помогали нам. Уверенность и спокойствие начпоарма незримо передавались бойцам, командирам, политработникам. Он быстро реагировал на изменявшуюся обстановку. Внимательно наблюдая за полем боя, Василий Дмитриевич сочувственно относился к просьбе командира бригады, комбатов. А просьба была одна: подбросить нам «катюш». Начпоарм позвонил командующему. Вскоре к нам прибыл дивизион реактивной артиллерии. Он сыграл немалую роль в обеспечении успеха бригады в наступлении. Используя перерывы между налетами немецкой авиации, наши батальоны усилили натиск на врага. По немецким дзотам прямой наводкой били 45-мм пушки отдельного истребительного противотанкового дивизиона. В батальоне, наступавшем на высоту Огурец, смело действовала 3-я батарея. Когда был убит командир батареи, комсомолец лейтенант Алексей Федотович Шевченко взял командование батареей на себя. Орудийные расчеты Батырева и Журавлева разрушили четыре немецких дзота, подбили противотанковое орудие и уничтожили несколько пулеметных гнезд. Это позволило двинуться вперед нашим двум танкам и подразделениям пехоты. Танкисты действовали решительно. Огнем и гусеницами уничтожали дзоты и живую силу врага.

Бойцы взводов лейтенанта М. С. Дробных и старшины Д. П. Хорошуна, а также батальонные разведчики во главе с политруком С. Г. Кожевниковым первыми ворвались в немецкие окопы. Завязалась рукопашная схватка. Дмитрий Хорошун одного фашиста застрелил и двух убил прикладом. Его взвод вместе с разведчиками захватил два дзота и уничтожил десять немецких солдат, находившихся в них. Сержант Михаил Мишетин уничтожил из автомата пятнадцать гитлеровцев.

Во второй половине дня 18 июля наши бойцы полностью очистили от фашистов высоту Огурец. 3-й батальон выполнил поставленную перед ним ближайшую задачу. Но противник не смирился с потерей высоты, господствующей над окружающей местностью. После массированного налета бомбардировщиков и мощной артподготовки он возобновил контратаку. Выстоять было тяжело. Немецкая пехота штурмовала высоту во взаимодействии с авиацией и артиллерией. Иногда казалось, что от роты лейтенанта Букарева, занимавшей оборону на высоте, ничего не осталось. Но как только улетали немецкие самолеты, уцелевшие

красноармейцы делали то, что казалось выше человеческих сил. Они откапывали бойцов, засыпанных землей во время бомбежки, и мужественно отражали контратаки.

Пропагандист политотдела старший политрук Георгий Ильич Лелявский, находившийся в это время в 3-м батальоне, рассказывал о силе личного примера агитатора подразделения сержанта Тимофея Петровича Михно. Этого 33-летнего сибиряка во время налета вражеской авиации контузило и завалило землей. Когда товарищи его откопали и привели в сознание, он снова взялся за винтовку.

Бой разгорался. 1-й и 2-й батальоны возобновили наступление на Тутаново. Гитлеровцы яростно сопротивлялись. Нашим подразделениям удалось продвинуться вперед лишь на несколько сот метров.

Ночью, когда мы анализировали прошедший бой, начпоарм Шабанов отметил некоторые наши ошибки. Я спросил Василия Дмитриевича:

— Почему же вы не сказали о них в ходе боя?

— Ошибки были частные и несущественные, — ответил Шабанов. — Ессли бы я стал вмешиваться, у вас появились бы и неуверенность, и нервозность, которые могли привести к гораздо более серьезным ошибкам. Все это мне известно по собственному опыту комиссара 26-й стрелковой дивизии. И воевать-то я начал в тех же местах в составе этой же одиннадцатой армии.

Во всем поведении Шабанова, в стиле работы чувствовалось, что мы имеем дело с человеком, обладающим большим опытом и хорошей военно-политической подготовкой. Позже я узнал, что Василий Дмитриевич окончил Комвуз и Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. В 1943 году генерал-майор В. Д. Шабанов был назначен членом Военного совета 37-й армии.

19 июля с разрешения командующего армией был введен в бой наш 4-й батальон. Перед ним поставили задачу — вместе с 1-м батальоном к исходу дня овладеть Туганово. Но, как и в минувшие два дня, с утра появились вражеские бомбардировщики и до позднего вечера, с небольшими перерывами, бомбили наши боевые порядки. Нам не удалось полностью подавить вражескую артиллерию. Она продолжала вести интенсивный огонь по нашим наступающим подразделениям. Лишь одна рота сумела выдвинуться на южные скаты высоты Огурец, оседлать дорогу Туганово — Наличи и выставить боевое охранение в направлении леса западнее Туганово. Две роты вынуждены были залечь и окопаться.

В тот же день наша разведка донесла, что противник намерен контратаковать высоту Огурец. Разведчики не ошиблись.

Появились немецкие самолеты. Они обстреляли наши боевые порядки. Под дымовой завесой гитлеровцы пошли в контратаку. Как потом подтвердили пленные, в ней участвовало до 1800 солдат и офицеров.

Однако успеха гитлеровцы не имели. Контратака была отбита.

На следующий день они пытались вернуть высоту Огурец. И снова потерпели неудачу.

21 июля 290-я немецкая пехотная дивизия прекратила контратаки. Пленные немецкие офицеры признали, что во время контратак погибло не менее 700 их солдат и офицеров.

Нам удалось захватить высоту Огурец и укрепить оборонительные рубежи.

Бойцы и командиры мужественно сражались с врагом, уничтожили более тысячи фашистов.

Военный совет армии высоко оценил боевые подвиги личного состава бригады, наградив 36 ее воинов орденами и медалями.

22 июля наша бригада сдала полосу обороны 201-й стрелковой дивизии и была выведена во второй эшелон.

Таких не сломить!

29 июля бригада получила приказ: совершить 25-километровый марш и сосредоточиться в районе Малые Дубовицы.

Вместе с новым комиссаром бригады Иосифом Михайловичем Куликовым мы шли в походной колонне 3-го батальона. Собственно, только во время марша нам удалось с ним по-настоящему познакомиться. Он прибыл вместе с новым командиром бригады подполковником Зиновием Саввичем Ревенко несколько дней назад. До назначения к нам Куликов возглавлял политотдел 126-й отдельной стрелковой бригады, находившейся в составе нашей же 11-й армии. Батальонный комиссар Куликов был человеком общительным и жизнерадостным. Доброжелательная дружеская улыбка не сходила с его лица.

Шли наши батальоны и дивизионы лесными дорогами, а затем через болото Сучан, которое в мирное время местные жители считали непроходимым. Но мало ли мы преодолели непроходимых болот на войне! Оружие, боеприпасы, продовольствие несли на себе. Кочкарник сменялся трясиной или ходуном — жижей, заросшей хилой травой. Нашим людям приходилось то прыгать с кочки на кочку, то вытаскивать друг друга из трясины, то собирать хворост и гатить болото.

У Александра Твардовского в поэме «Василий Теркин» есть строки, словно бы посвященные воинам нашей бригады:

Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь по грудь,
Где брели бойцы понуро,
И, скользнув с бревна в ночи,
Артиллерия тонула, Увязали тягачи...

Несмотря на трудности марша, пришли на место в установленный срок — к исходу 30 июля. Тут же последовал приказ: занять и прочно удерживать рубеж обороны на западной опушке леса восточнее Ново-Рамушево, имея левый фланг обороны у юго-западной части болота Сучан. Это на северном фасе рамушевского коридора.

Боевые действия совместно со 151-й стрелковой бригадой

начали в ту же ночь. Командир бригады подполковник З. С. Ревенко выдвинул вперед роту автоматчиков. Она должна была нанести первый удар. За ней следовали несколько стрелковых рот и взвод противотанковых ружей. Их задача — закрепить успех автоматчиков, блокировать огневые точки и удерживать захваченные рубежи.

Ночной удар оказался неожиданным для врага. Коммуникации 151-й стрелковой бригады, на которых закрепились гитлеровцы, были очищены. Фашисты потеряли в этом бою 130 человек убитыми.

Боевую задачу бригада выполнила и заняла указанный ей рубеж обороны. Но главные события были впереди.

Наша оборона состояла из отдельных узлов сопротивления, находившихся в лесу. На левом фланге она проходила по западной кромке болота Сучан. Не успели мы по-настоящему закрепиться, как противник перешел в наступление. Завязался тяжелый ближний бой. Используя численное превосходство в живой силе и артиллерии, гитлеровцы 4 августа обошли фланг наших батальонов.

Их замысел мы разгадали: опасаясь окружения, русские, дескать, начнут отступать. Однако у нас никто и не помышлял об отходе. Но командование ясно сознавало, что нависла угроза — гитлеровцы яростно рвутся к командному пункту и в тылы бригады. Работники штаба и политотдела вместе с комендантским взводом заняли оборону. Вскоре завязался бой. Он шел непрерывно — на переднем крае и в тылу.

В резерве командира бригады оставались лишь рота автоматчиков, рота разведчиков и два взвода 1-го батальона. На них и была возложена задача уничтожить противника, прорвавшегося в тылы стрелковых батальонов.

С автоматчиками пошел комиссар бригады. С разведчиками довелось быть мне. Как только начался бой, ушел на передовую и командир бригады.

Подполковник Зиновий Саввич Ревенко был человеком волевым, храбрым. Кадровый офицер, кавалерист, после окончания военной академии он служил в штабе 11-й армии в должности старшего помощника начальника разведотдела. Ему не раз приходилось самому вести разведку в тылу врага и вступать в бой с противником. Орден Красного Знамени украсил грудь Зиновия Саввича еще в тяжелейшем 1941 году. Не многие тогда были удостоены такой высокой награды. К нам в бригаду он пришел с должности помощника начальника оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта и вел себя так, словно вырвался на простор.

На войне зачастую люди познаются в первом же бою. Так было и с новым комбригом. Храбрость его доходила до щегольства — не кланялся пулям. Долго находиться на командном пункте даже во время боя не любил. Оставлял за себя начштаба подполковника В. С. Леонова, брал автомат или снайперскую винтовку и вместе с адъютантом отправлялся на передовую. Пристроившись где-нибудь за деревом, выслеживал фашистов. Когда удавалось уничтожить хотя бы одного гитлеровца, возвращался на КП возбужденный и веселый.

Правильно ли делал комбриг, покидая КП во время боя для того, чтобы самому пострелять в фашистов? Конечно же нет. Ну, да ведь у каждого характер свой. Безрассудства в поступках Ревенко не было. Леонову указания он оставлял твердые и разумные, на опыт начальника штаба полагаться мог. А без риска для него жизнь была как без воздуха...

Однако вернемся к наступлению. Бой начался рано утром. Разведка установила, что гитлеровцы перехватили все лесные дороги и тропы. Заминировали кочки и сухие места на болоте. В отдельных очагах они соединяли 5–6 мин проволокой: прикосновение к ней вызывало целую серию взрывов. Мины висели и на ветках кустарников. На деревьях сидели «кукушки». Теперь они действовали парами. Один с дерева вел огонь, второй снизу прикрывал его.

Учитывая тактику врага, командир бригады приказал вести наступление мелкими группами. Сухие заминированные места обходили по болоту, иногда по пояс в воде. Обнаруженных «кукушек» поливали огнем из пулеметов. Пользуясь тем, что в лесу видимость ограничена, группа разведчиков во главе с политруком Н. Т. Сапатинским обошла врага и нанесла внезапный удар с фланга.

В лесном бою особенно важны личная инициатива и смекалка каждого воина. Были у нас смельчаки, которые очень успешно действовали в одиночку. Например, красноармейцы Алексей Алешки и, Иван Волков и сержант Петр Малышев. Быстрые, зоркие, ловкие, они появлялись там, где их не ждали. Расстреливали немецкие пулеметные расчеты, сеяли панику в стане врага. Нашим снайперам потребовалось несколько дней, чтобы уничтожить всех солдат и офицеров противника, бродивших по лесу в тылах наших батальонов.

Вскоре положение в полосе обороны бригады вновь осложнилось: немецкое командование пополнило свои подразделения, активизировало действия снайперов.

С начальником штаба В. С. Леоновым мы пошли на передний край, чтобы проверить, как идет строительство оборонительных

сооружений. Сухие лесные поляны сменялись болотом, кустарником. На КП 1-го батальона, кроме охраны, все спали. Разбудили комбата Леонида Кузьмича Пашкова и пошли в роты. Вода выше колен. За голенища сапог ползет ил. Осматриваем рубеж обороны 1-й роты. Заместитель политрука Иван Никифорович Комолов предупреждает:

— Будьте осторожны, оживились немецкие снайперы.

Нас опередило несколько бойцов, в них никто не стрелял. За ними двинулись и мы. Идем сосновым лесом. Вдруг одиночные выстрелы. Бьет снайпер. Укрываемся за деревьями. Выстрелы следуют один за другим. Пуля ударяет в ствол сосны, за которой я скрываюсь. Шутки в сторону, надо ложиться. Погружаюсь в воду, скрываясь за деревом. Автоматчики, сопровождавшие нас, немного постреляли и куда-то отползли. Но вот заговорил наш пулемет. Под его прикрытием мы продвинулись дальше.

Во 2-м батальоне вместе с новым комбатом Федором Васильевичем Смекалиным и комиссаром Шайхуллой Хабибулловичем Чанбарисовым обошли роты. Везде люди работали. Из бревен укладывали на трясину треугольники, на них устанавливали пулеметы. На сухих местах рыли окопы, сооружали дзоты. Беседуя с парторгами, комсоргами, агитаторами подразделений, я посоветовал им выпустить боевые листки, провести беседы с красноармейцами об особенностях боя в лесисто-болотистой местности. Внимание коммунистов и комсомольцев батальона мы обратили на необходимость повышения бдительности.

К 14 часам 4 августа мы вернулись на НП бригады. Посушили портянки и собрались идти на командный пункт. Но из землянки нельзя было высунуть носа — кругом рвались снаряды.

В 17 часов огонь прекратился. Но не успели мы пройти и нескольких шагов, как снова — взрывы снарядов. Ложимся. Кругом свистят осколки. Подымаемся, бежим. Надо выскочить из зоны обстрела. На командный пункт приходим мокрые, теперь уже от пота. Нам сообщают, что час тому назад гитлеровцы прорвались на коммуникации, окружили 2-й, 3-й батальоны и батальон соседней 151-й бригады.

Как потом выяснилось, противник начал наступление на позиции бригады, чтобы сковать наши силы с фронта. До двух рот автоматчиков вышли на коммуникации батальонов через болото Сучан, и взвод автоматчиков прорвался на участке 151-й отдельной стрелковой бригады.

О сложившейся обстановке было немедленно доложено в штаб армии. Последовал приказ: батальонам, попавшим в окружение, оставаться на месте и продолжать бой, а наличными

силами бригады очистить от врага коммуникации и соединиться со 2-м и 3-м батальонами.

Командовать окруженными батальонами было приказано капитану Смекалину, а комиссаром группы был назначен Чанбарисов.

У нас еще не было опыта боев в окружении. И все же Смекалин и Чанбарисов блестяще справились с делом. Прежде всего они поговорили с командирами, политработниками, коммунистами, разъяснили обстановку, предупредили, что сейчас, как никогда, важно держать в поле зрения каждого бойца, поддерживать, ободрять людей. Командир и комиссар не скрывали трудностей. Боеприпасы на исходе. Плохо с продовольствием. Надо взять на учет все, что сохранилось.

Коммунисты первыми доставали из вещмешков скудные запасы еды. Их примеру последовали все. Кое-какие запасы оказались у ротных старшин. Подсчитали все, разделили на неделю. Получилось по сто граммов сухарей в день на человека. Хранение боеприпасов и продовольствия поручили красноармейцу Иллариону Алексеевичу Пересунько, человеку бережливому и непреклонному.

Мы на КП бригады с тревогой ожидали каждое донесение из окруженных батальонов, старались помочь советом. Созвонились со штабом и политотделом армии. Там обещали организовать снабжение окруженных по воздуху. Ночью над нашими позициями появились самолеты У-2. Смекалин ракетами показывает, куда сбрасывать груз. Но гитлеровцы тотчас стали дублировать его сигналы, запутывая летчиков. Часть грузов попала к врагу, часть — в непроходимое болото.

Командир бригады предпринимает все новые атаки, чтобы пробиться к окруженным подразделениям. Ничего не удается: слишком мало у нас сил.

9 августа Чанбарисов доложил, что наконец-то летчики сбросили груз более или менее удачно. Удалось подобрать три мешка сухарей. Через день получили два мешка сухарей, два ящика консервов и ящик патронов. Это очень мало. Продовольственную норму пришлось вновь сократить. Теперь на одного человека выдавалось 60 граммов сухарей и на 15 человек — банка консервов.

Каждую ночь с тревогой и надеждой все ждали наших самолетов. А когда они появлялись, следили за тем, куда сбрасывались грузы. Мы часами сидели у рации и ждали сообщений Чанбарисова. Нам пришлось оборудовать промежуточный узел связи. Дело в том, что имевшиеся в бригаде старые радиостанции «6-ПК» перекрывали микрофоном не более

3 км. Поддерживать связь с батальонами непосредственно с командного пункта не представлялось возможным.

Противник засек рацию и систематически обстреливал нас. Связистам было тяжело. Начальник рации А. С. Левкин, радисты В. И. Овсянников, К. М. Галимов все время находились под огнем врага. Однажды во время обстрела осколок снаряда срезал у рации антенну. При ее замене погиб Овсянников.

Надо сказать, что командир батальона военный инженер 3 ранга Николай Андреевич Курдюков, комиссар Ефим Григорьевич Окружко, их подчиненные оказались на высоте положения. Проволочная связь подвергалась частым порывам. Вражеские автоматчики вырезали на отдельных участках сотни метров кабеля. Линейным надсмотрщикам не раз приходилось вступать в бой с фашистами, находившимися в засадах. И несмотря на все это, связь восстанавливалась. Радиосвязь с окруженными батальонами поддерживалась бесперебойно.

Самолеты продолжали по ночам сбрасывать грузы. 12 августа было получено 8 мешков сухарей и 15 ящиков боеприпасов. 13 августа — тоже 8 мешков сухарей и несколько ящиков боеприпасов. В тот же день из штаба армии поступило приказание: подготовить части Смекалина к выходу из окружения. Но 14 августа это приказание было отменено.

Положение все более осложнялось. 14 августа 3-й батальон 151-й отдельной стрелковой бригады под нажимом противника оставил свой рубеж и присоединился к частям нашей бригады. Теперь капитану Смекалину были подчинены три батальона.

С продовольствием и боеприпасами становилось все хуже. 14 августа было сброшено два мешка сухарей, 15 августа — четыре ящика боеприпасов, 16 августа, последний раз, — четыре мешка сухарей, ящик консервов, табак и медикаменты.

Капитан Смекалин сообщил, что вместе с комиссаром Чанбарисовым он создал несколько групп для сбора оружия и боеприпасов. Группы возглавили коммунисты и комсомольцы. Позже мы узнали о работе этих групп. Им пришлось ползать по кустам, иногда под носом у врага, собирая патроны, гранаты, оружие. Смельчаки делали вылазки за боеприпасами в тыл врага. Не раз приносили из немецких тылов ящики с патронами и гранатами комсомольцы ефрейтор Алексей Карпович Мусатенко и красноармеец Михаил Георгиевич Кожухов. Дело это — очень сложное и опасное. Надо было перейти передний край — часто под огнем, — найти вражеские склады боеприпасов, обезоружить или уничтожить охрану и с тяжелым грузом снова проникнуть через передний край. Один неосторожный шаг мог привести к гибели. Поэтому, как наиболее опытных, в тыл врага за

боеприпасами мы направляли разведчиков.

Группа в составе Ахмедьянова, Смирнова и Поповкина несколько раз приносила оружие и боеприпасы, а ефрейтор Колесов и красноармеец Паневкин однажды притащили шесть немецких автоматов и привели четырех пленных.

Боеприпасы экономили как могли. Пересунько подползал к бойцам, давал по нескольку патронов и говорил:

— Вести только прицельный огонь!

Враг яростно наседал на наши части со всех сторон. Но сопротивление не удалось сломить ни на одном участке.

Командир и комиссар во всем дополняли друг друга. Федор Васильевич Смекалин был рассудителен и спокоен даже в самые тяжелые моменты боя. Чанбарисов — человек неиссякаемой энергии и инициативы — в бою был горяч и отчаянно храбр, мгновенно ориентировался в сложной обстановке. Был случай, когда во взводе станковых пулеметов вышли из строя все боевые расчеты. За пулеметы легли Чанбарисов и командир взвода сержант Потеряев. Они вели огонь до тех пор, пока не отбили атаку гитлеровцев. Приходилось Чанбарисову стрелять из противотанкового ружья, корректировать огонь артиллерии, водить бойцов в штыковые атаки. Он был истинным любимцем красноармейцев. За ним люди шли в огонь и воду без страха.

Начальником штаба у Смекалина был старший лейтенант Серафим Васильевич Шипилов. Ему сразу же пришлось взяться за налаживание связи с ротами. Без связи нельзя управлять боем. Шипилов подобрал нескольких связных из бойцов, имевших хорошую закалку, проверенных в Соях. Среди них — Алексей Мусатенко, Дмитрий Филатов и Михаил Кожухов. Им приходилось по нескольку раз в день бывать в ротах с приказаниями комбата. А путь себе они нередко прокладывали только автоматами и гранатами.

Разведка по документам и показаниям военнопленных установила, что противник продолжает подтягивать новые части. Только перед фронтом бригады кроме 123-й пехотной дивизии за последние дни появился 553-й пехотный полк 329-й пехотной дивизии и 56-й пехотный полк 5-й легкой пехотной дивизии. Численное превосходство противника в живой силе и огневой мощи росло.

В первые дни наша артиллерия, и особенно 120-мм минометы, оказывала большую помощь пехоте. Командиры батарей находились в боевых порядках и корректировали огонь, поддерживая связь по телефону с огневыми позициями. Но вот телефонная связь прервалась, и эффективность нашего огня резко снизилась. А между тем противник корректировал огонь своей

артиллерии при помощи «рамы» (так звали тогда немецкий самолет ФВ-189), висевшей над нами с утра до вечера.

Командир бригады принимал все меры, чтобы прорвать кольцо окружения и соединиться со 2-м и 3-м батальонами. Но сил явно не хватало. Стало ясно, что без активной помощи других частей мы этого сделать не сможем. В такой помощи бригаде было отказано. Правда, поступило некоторое количество нового пополнения и представилась возможность подкрепить резерв комбрига и 1-й батальон, находившийся в обороне, но этого было мало. 4-й батальон был расформирован после боев под Туганово.

Из коротких донесений, а потом уже из бесед с участниками боев стало известно о беспримерном подвиге наших людей, находившихся в окружении.

Вот через болото пробираются семь бойцов с двумя пулеметами. Впереди, по колено в воде, тянет «максим» сержант Иван Николаевич Потеряев. Остановился. Залег в болотную жижу у гнилого пня. Прищурив глаз, но торопясь, осмотрел вражеские дзоты. В одной амбразуре заметил два дула. Дал короткую очередь. Видно, попадание было точным: дзот не ответил на огонь. Но из других дзотов справа и слева засвистели пули.

Трижды Потеряев менял огневую позицию. Четыре других пулеметчика выбыли из строя, а он все стрелял, пока наши бойцы не забросали амбразуры дзотов гранатами.

Хорошо знали в бригаде сержанта Евдокима Удовиченко. В предшествующих боях под деревней Туганово взвод 82-мм минометов под его командованием вывел из строя две минометные батареи противника. Тогда все бойцы взвода были награждены нагрудным знаком «Отличный минометчик». Тогда же сам Евдоким Антонович был принят кандидатом в члены партии.

Известно, что установить миномет и вести огонь в болотистой местности чрезвычайно тяжело. Опорная плита при стрельбе дает большую осадку, и это отражается на точности поражения цели. Минометчики научились строить из жердей и хвороста прочные площадки и стреляли без промаха.

Когда кончились боеприпасы и минометы бездействовали, коммунист Удовиченко лег за пулемет и продолжал вести огонь. Сержант научил всех своих подчиненных владеть пулеметом. И это очень пригодилось в трудные моменты боев. Вскоре Удовиченко получил девять станковых и четыре ручных пулемета. Воевали минометчики-пулеметчики превосходно.

Я уже говорил о том, что в боевых порядках пехоты находилось несколько офицеров-артиллеристов. После того как связь с огневыми позициями нарушилась и отпала возможность

корректировать огонь, они приняли на себя командование стрелковыми подразделениями. Бывший командир батареи 76-мм пушек старший лейтенант Василий Степанович Кононенко ходил в разведку, вплотную подползал к вражеским укрытиям и засекал огневые точки. На одном из участков фашисты сумели близко подойти к нашему переднему краю. Завязался тяжелый бой. Кононенко был ранен. Его унесли. Казалось, что гитлеровцы сокрушат нашу оборону. Но вот Кононенко возвратился. Голова у него была забинтована.

— Ну как, товарищи, выстоим?! — крикнул он бойцам.

— Выстоим, товарищ старший лейтенант! Умрем, но враг здесь не пройдет!

Командир 1-й батареи 120-мм минометов В. И. Цибульский сформировал группу для блокирования немецких дзотов. Во время одной из атак он получил два ранения, но не ушел с поля боя до тех пор, пока не был захвачен дзот.

Настал день, когда радиосвязь штаба бригады со Смекалиным почти прекратилась. Все батареи в рациях сели, а заряжать их было негде. Рацию включали два-три раза в сутки, и то на несколько минут. На ведение кодированного разговора требовалось много времени. Открытым текстом говорить нельзя — подслушивает противник. Как быть?

— Найдите человека, который поймет мой родной язык, — подсказал по радио Чанбарисов.

Такого человека мы нашли. Это был Касиб Мухамедович Галимов, опытный связист комсомолец, призванный в армию из Башкирии, отличившийся в боях под Туганово.

В дальнейшем все, что касалось боевой обстановки, комиссар Чанбарисов докладывал на татарском языке. У рации, на наблюдательном пункте бригады, слушал и переводил с татарского на русский язык красноармеец Галимов.

Однажды на НП обрадованные связисты сообщили:

— Вызывает «Охват».

Я взял наушники и услышал:

— «Дятел», «Дятел», я — «Охват». Говорит Чанбарисов. Кто у аппарата? Прием.

Я ответил и задал несколько вопросов. Во время этого разговора по радио мне показалось, что в голосе Чанбарисова звучат какие-то незнакомые интонации — сомнение и вялость, что ли? У меня мелькнула мысль: не потерял ли он веру в себя и своих людей?

— Как чувствуешь себя? — спросил я.

И он, как бы угадав мою мысль, ответил:

— Чувствую себя комиссаром, коммунистом...

Мне стало совестно за то, что я, хоть и на мгновение, усомнился в стойкости Чанбарисова. А незнакомые интонации? Что ж, просто физическая усталость.

Чанбарисов прибыл в нашу бригаду в начале 1942 года. Невысокого роста, с черной копной волос, с открытым проницательным взглядом, он выглядел совсем еще юношей. Да ему и было всего 25 лет. Однако молодой комиссар батальона уже накопил опыт работы с людьми и сумел быстро установить душевные контакты с бойцами. В довоенные годы Чанбарисов работал секретарем комсомольской ячейки в деревне, потом инструктором сельского райкома ВЛКСМ. Затем учеба в институте, служба в армии, преподавательская работа и снова армия.

Политработу он полюбил всем сердцем. В его лице красноармейцы видели бесстрашного комиссара, отзывчивого товарища, отличного организатора. Бойцам и командирам нравилась его принципиальность, откровенность, боевитость, умение отстоять свою точку зрения в споре. Доверие и любовь воинов к нему еще более окрепли в боях под деревней Туганово. Здесь комиссар вместе со своими товарищами по оружию получил крещение огнем. Когда анализируешь истоки мужества и стойкости, проявленные нашими батальонами в окружении, о котором рассказано выше, то убеждаешься, что в этом ярко проявилась прежде всего гибкая и целеустремленная партийно-политическая работа комиссара и его верных помощников — парторгов, комсоргов, агитаторов подразделений. Бой в окружении носили исключительно ожесточенный характер. Обстановка в тех условиях изменялась ежечасно, а иногда ежеминутно. И политработники, партийные организации стремились быстро реагировать на изменявшиеся события.

И вот в этих острых ситуациях от комиссара батальона, его помощников, их личной храбрости и коллективной работы зависело очень многое. Находясь в окружении, Чанбарисов неизменно руководствовался испытанным жизнью правилом: чем сложнее на поле боя обстановка, тем сильнее, действеннее должно быть политическое влияние коммунистов на бойцов. В окружении Чанбарисов применял главную форму работы — живое общение с людьми, индивидуальные беседы с ними. Когда вокруг кипит бой, митинг или собрание не проведешь. Помнится, что еще до того, как наши батальоны попали в окружение, Чанбарисов, инструктируя парторгов и агитаторов, подчеркивал значение указания В. И. Ленина о большой роли личной агитации. Готовя рукопись этой книги, я обратился к ленинским произведениям, нашел его высказывание об исключительной

эффективности и действенности индивидуальной агитации. «Мало собраний и митингов, — говорил В. И. Ленин в 1919 году, — нужна личная агитация, надо обходить мобилизуемых, надо внушить каждому в отдельности, что от его храбрости, решительности и преданности зависит окончание войны»[6]. Комиссар Чанбарисов сам неуклонно выполнял это указание и требовал, чтобы этим указанием руководствовались политруки рот, их заместители, парторги, комсорги и агитаторы. Коммунисты и комсомольцы беседовали с бойцами на передовой линии, в окопах и траншеях.

И конечно же, они сочетали беседы с личным примером. Я уже говорил в начале книги и считаю, что нелишне повторить: в двух неотразимых словах «Коммунисты, вперед!» выражен глубокий смысл.

Политработники в бригаде обладали неодинаковыми личными качествами. Однако каждый из них стремился к тому, чтобы максимально приблизиться к бойцу, быть для него верным другом, чутко прислушиваться к его голосу, знать его настроение, делиться с ним своими размышлениями, радостями и горестями. Красноармейцы убеждались в этом на множестве примеров. Вот почему им хотелось находиться в бою рядом с комиссаром, политруком, парторгом или комсоргом. И хотя в каждом отдельном случае бойцы объясняли бы свою любовь, уважительность к политработнику его личными человеческими качествами, и сущности, во всем этом проявлялись любовь и доверие бойцов к партии Ленина, сила и мудрость которой как бы воплощались в комиссарах и политруках, в коллективной работе партийных организаций.

Выступая в июле 1942 года перед армейскими агитаторами, М. И. Калинин говорил: «Наши агитаторы, политработники, комиссары — это лицо партии в Красной Армии. Красноармейцы на фронте не могут изучать партийную программу, историю большевистской партии. Они познают большевистские традиции в действиях, в практической работе и в поведении комиссаров, политработников, агитаторов. Через этот канал преломляется понимание партии, познание партии широкой красноармейской массой»[7].

Политруки, к сожалению, часто выбывали из строя. Они первыми подымались в атаку, и в них нередко попадала первая пуля. Однако рота никогда не оставалась без политрука, а батальон без комиссара. На смену погибшему в бою становился его заместитель, готовый сделать все, что делал политрук, комиссар. Напомним, что еще в 1938 году Центральный Комитет партии принял решение — ввести в Красной Армии институт

заместителей и помощников политруков, который составлял бы резерв политработников. В состав заместителей и помощников политруков отбирались коммунисты и наиболее политически грамотные, активные в общественных и служебных делах, подготовленные для вступления в партию комсомольцы. Для них были установлены и воинские знаки различия: четыре треугольника на петлицах и, как у всех политработников, красная звезда на рукаве гимнастерки и шинели.

Рассказывая о неутомимых и мужественных комиссарах и политруках Ш. Х. Чанбарисове, Д. А. Кабанове, М. М. Акимове, мне хочется рядом с ними поставить заместителей политруков М. Е. Плашкина, Х. А. Закирова, М. М. Буканова и других, чьи имена покрыты славой доблести и геройства в боях.

Хорошими помощниками политруков являлись агитаторы подразделений. Бывало так, что обстановка не позволяла агитатору провести короткую беседу, рассказать о подвигах красноармейцев в бою. Тогда агитатор писал на четвертушке листка лаконичную записку, названную на фронте молнией, и пускал ее по цепи. Она, молния, передавалась из рук в руки. У меня сохранились выцветшие от времени листки-молнии, выпущенные во время боев. Вот один из таких листков:

«Прочти и передай товарищу!

Только что погиб наш боевой командир товарищ Луговой. Отомстим фашистам за убийство любимого командира. Смелее вперед! Смерть немецким оккупантам!»

Такие листки-молнии ненавистью к врагу зажигали сердца воинов.

Политическую работу мы стремились проводить с учетом конкретных условий, в которых находился личный состав подразделений. Мы учитывали и то обстоятельство, что в бригаде служили воины многих национальностей — русские, украинцы, белорусы, узбеки, казахи, башкиры, татары... Командный состав не знал узбекского, татарского, Казахского языков. Как же быть?! Политработники составили русско-узбекский и русско-казахский разговорники. Текст помогли нам отпечатать в типографии фронтовой газеты «За Родину». Мы пользовались ими успешно.

Мы, политотдельцы бригады, были едины во мнении, что на фронте ничего не должно делаться для галочки, ради формы. Действенность, результативность политработы — вот что было для нас высшим критерием.

Давая оценку роли политической работы в период гражданской войны, Михаил Васильевич Фрунзе писал: «Могут сказать: так было прежде, но будет ли так же и дальше? Сохранит ли в будущем политическая работа в армии то место, которое она

имела в минувшей гражданской войне?

Я отвечаю категорически: несомненно да.

...Политработа целиком сохранит свое место и значение. Она по-прежнему будет являться новым, добавочным родом оружия, страшным для всякого из наших врагов»[8].

На фронтах Великой Отечественной войны мы убедились, что политическая работа действительно явилась острейшим оружием в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Верные ленинскому учению, сплоченные единством взглядов, воли и действий, беззаветно преданные народу и неразрывно связанные с ним, политработники цементировали, крепили роты и батальоны, полки и бригады, дивизии, помогали командирам смело и решительно вести воинов по пути к победе.

Годы тяжелых испытаний обогатили содержание, формы и методы партийно-политической работы. Выросла и закалилась в боях новая плеяда командиров и политработников. Меня и сейчас охватывает чувство гордости за тех, кто активно участвовал в партийно-политической работе на фронте.

В ходе боев наши политработники, парторги не ослабляли, а, наоборот, усиливали внимание отбору передовых воинов в партию. Вспоминаю период боев на болоте Сучан. В самые трудные дни, когда враг сужал кольцо вокруг наших 2-го и 3-го батальонов, бойцы и командиры приходили к политрукам и парторгам с заявлениями о вступлении в партию. Например, в парторганизацию 2-го батальона поступило 15 заявлений. Секретарь парторганизации политрук Виктор Андреевич Панферов рассказывал, что заседания бюро для рассмотрения заявлений проводили ночью, в часы небольших пауз между боями. В числе подавших заявление был комсомолец командир взвода Петр Николаевич Степаненко. Взвод под его командованием смело контратаковал немецкую пехотную роту и уничтожил 24 фашиста. Лейтенант Степаненко захватил в плен немецкого унтер-офицера с рацией.

У многих кандидатов в члены партии в то время истек кандидатский стаж. Уместно напомнить, что в соответствии с постановлением Центрального Комитета ВКП(б) от 9 декабря 1941 года в члены ВКП(б) принимались те кандидаты с трехмесячным стажем, которые отличились в боях. Центральный Комитет исходил из того, что в боевой обстановке быстрее проверяются политические и личные качества вступающих в партию.

С 30 июля по 20 августа кандидатами в члены партии в нашей бригаде было принято 102 бойца и командира, а в члены партии 21 человек. Всего за 1942 год принято кандидатами в

члены партии 645 и в члены партии — 147 человек.

* * *

17 августа штаб 11-й армии разрешил вывести наши батальоны из окружения. На следующий день командир бригады по радио передал капитану Смекалину приказ: прикрывшись с фронта отдельными группами автоматчиков, нанести удар по противнику в северо-восточном направлении. Организуя бой, демонстрируйте ложный удар в противоположном направлении. Одновременно мы нанесем удар вдоль болота навстречу вам.

Мы знали, что выполнить этот приказ комбату Смекалину и комиссару Чанбарисову было нелегко. Люди истощились в окружении — на каждого здорового приходилось двое раненых. Боеприпасов не хватало. Разведка Смекалина установила, что на пути предполагаемого выхода действует шесть дзотов противника.

Смекалин создал группы прикрытия и несколько штурмовых групп для уничтожения немецких дзотов. Командир бригады сформировал сводную роту для нанесения удара с севера. Роту возглавил помощник начальника оперативного отделения штаба бригады Иван Павлович Коневец.

18 августа в 24.00 начались боевые действия. Но прекращались они и весь день 19 августа. Штурмовым группам капитана Смекалина удалось подавить три немецких дзота и продвинуться вперед примерно на триста метров.

Рота старшего лейтенанта Коневца, несмотря на сильное сопротивление врага, вклинилась в его оборону. Захватила два дзота и уничтожила несколько пулеметных точек. Большую помощь оказал роте дивизион 120-мм минометов, Командир дивизиона капитан Николай Иванович Коробов находился в боевых порядках пехоты и готовил каждой батарее данные для ведения огня.

Но продвинуться вглубь роте Коневца не удалось. Ночью 19 августа его бойцам пришлось залечь. Утром 20 августа гитлеровцы предприняли ожесточенную атаку. Появились немецкие танки и самоходные орудия. Они открыли огонь прямой наводкой. Отразить натиск врага, казалось, было уже невозможно. Боеприпасы подходили к концу.

И все же фашистам не удалось сломить сопротивление наших людей. Все их атаки были отбиты.

К вечеру бой затих. В наступившей тишине гитлеровцы

снова — в который раз! — кричали в громкоговорители:

— Русс, сдавайся в плен!..

Наши батальоны экономили боеприпасы, огонь по немецким громкоговорящим установкам не открывали. В то время, когда отвратительно звучал гнусавый голос фашистов, коверкавший русские слова, кто-то из красноармейцев вдруг запел: «Вставай, проклятьем заклейменный...» Песню подхватили по цепочке, и скоро по всей круговой обороне зазвучал могучий пролетарский гимн — «Интернационал».

«Это было поразительно и величественно! — вспоминал потом комиссар Чанбарисов. — Даже фашисты были потрясены. Все кругом затихло, будто вымерло. Только эхо далеко разносило волнующие душу слова:

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

20 августа вечером Смекалин с Чанбарисовым принимают решение выходить ночью, на широком фронте, мелкими группами просачиваясь сквозь оборону противника.

Всех людей разбили на три группы. Первую группу возглавил коммунист старший лейтенант И. А. Подурец, комиссаром в ней был старший политрук С. Н. Горбунов. Командиром второй группы являлся лейтенант Козлов, комиссаром — политрук Н. Б. Бондаренко. Третью группу возглавили капитан Ф. В. Смекалин и старший политрук Ш. Х. Чанбарисов.

Все легкораненые вошли в группы прорыва. Эвакуацию тяжелораненых обеспечивали команды носильщиков и подразделения прикрытия. Команды возглавили политрук Н. Я. Оськин и военфельдшер Г. П. Анфилов.

Ночью батальоны начали бой. Схватки носили ожесточенный, но скоротечный характер. Действовали главным образом штыками и гранатами. Прикрывались пулеметным огнем. Лейтенант Степаненко связками гранат заставил замолчать два немецких дзота. Пересунько штыком прикончил нескольких фашистов. Старший лейтенант Кононенко с группой бойцов внезапно ворвался в окопы врага, сея в них панику.

Прикрывая отход своей группы, Кононенко был тяжело ранен, но продолжал вести огонь. А когда кончились патроны и фашисты приблизились к нему, Кононенко предпочел смерть плену.

Все мы — командир, комиссар бригады, работники штаба и политотдела — были в эту ночь на передовой, готовые прийти на

помощь нашим людям, пробивающимся из окружения. Батальоны вырвались из кольца! Эта весть молнией облетела все наши подразделения.

В 2 часа 21 августа я встретил Смекалина и Чанбарисова, секретаря парткомиссии при политотделе Леушина и группу бойцов, мужественно сражавшихся в окружении. И теперь, много лет спустя, я как будто вижу перед собой их изможденные лица. Тогда они настолько ослабели, что многие без посторонней помощи уже не могли добраться до тылов бригады.

Еще несколько дней группами и одиночками выходили бойцы и офицеры из окружения.

Мы радовались каждому человеку и с щемящей болью в сердце вспоминали тех, кто не вернулся.

* * *

В лесу под кронами угрюмых елей собирались бойцы и командиры — герои только что закончившихся боев в условиях окружения.

Кто-то запел:

Бьется и тесной печурке огонь...

Песню, полюбившуюся воинам, сразу подхватили и тут же перефразировали:

Ты сейчас далеко-далеко,
Между нами болото Сучан.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.

Много теплых слов я услышал тогда о политработниках. С особой гордостью и любовью говорили бойцы о Чанбарисове, своем комиссаре.

Через несколько дней командир бригады Зиновий Саввич Ревенко и комиссар Иосиф Михайлович Куликов провели разбор двухнедельных боев.

— Командование 11-й армии, — сообщил Ревенко, — считает, что бригада выполнила поставленную перед ней боевую задачу.

Высокую оценку боевых действий бригады дал и представитель Генерального штаба Красной Армии,

находившийся у нас несколько дней. В Архиве Министерства обороны СССР сохранился подписанный этим представителем Генштаба беспристрастный документ. В нем, в частности, говорится: «133-я отдельная стрелковая бригада за период данной операции с 30 июля по 20 августа 1942 года поставленную перед ней боевую задачу выполнила.

Отсеченные батальоны в обороне, несмотря на тяжелые условия, в которых им приходилось вести бои, своей стойкостью и упорством, своими решительными действиями сковали до двух немецких пехотных дивизий. И это сделали они в наиболее ответственный момент, когда 11-я армия имела задачу своим центром уничтожить узлы сопротивления в районах Васильевщина, Туганово.

Выход стрелковых батальонов из окружения, учитывая все трудности создавшейся обстановки в отрезанных частях, считаю единственно правильным решением командира и комиссара бригады. Если бы батальоны продолжали вести оборонительные бои с противником в условиях повседневного сужения кольца окружения, отсутствия питания и боеприпасов, это могло бы привести к их уничтожению противником в ближайшие один-два дня. Управление частями бригады хорошо осуществлялось на протяжении всего периода боев»[9].

Целую полосу подвигам воинов нашей бригады посвятила фронтовая газета «За Родину».

Мы по праву гордились отвагой и стойкостью наших воинов, высокой оценкой их подвигов. Большая группа участников боев получила награды Родины. Орденом Красного Знамени были награждены Ф. В. Смекалин и Ш. Х. Чанбарисов.

У капитана Смекалина в те дни произошло еще одно радостное событие в жизни: он был принят в члены ВКП(б). Офицером стал Евдоким Антонович Удовиченко — ему присвоили звание младшего лейтенанта. К великому сожалению, этот замечательный человек и храбрый воин вскоре погиб. Мне принесли его партийный документ, пробитый пулей, и орден Красного Знамени, которым он был награжден. Вспоминая о гибели коммунистов на фронте, об их партбилетах, пробитых вражескими пулями, не могу не привести строки известного поэта Леонида Первомайского:

И долго я молчал над ним, пробитым
Горячей каплей вражьего свинца, —
Над этой книжкой, что в бою открытом
Лежала возле сердца у бойца.

Залитая кровью кандидатская карточка Евдокима Удовиченко навсегда запала в мою душу.

И все же нас сильно огорчали потери людей во время выхода из окружения. Что-то мы недоделали. Не оказало нам помощи и командование 11-й армии. Не радовало положение дел и на нашем Северо-Западном фронте. Летнее наступление желаемого успеха не принесло. Перерезать встречным ударом рамушевский коридор и ликвидировать демянскую группировку врага не удалось.

Конечно, в условиях болотисто-лесистой местности, при отсутствии хороших дорог, вести боевые действия было нелегко. И все же воины фронта не только защищали оборонительные рубежи, но и нередко сами переходили в наступление, сковывая силы противника, лишая его возможности перебрасывать свои дивизии в район Сталинграда и Северного Кавказа, где в то время развернулись бои огромного масштаба.

В зимних боях в составе 133-й бригады мне не пришлось участвовать. 13 декабря 1942 года она была выведена во второй эшелон. Предстояли организационные изменения. Боевой путь бригады на Северо-Западном фронте заканчивался.

Новое назначение, новые друзья

На исходе декабря 1942-го я был назначен начальником политотдела 55-й стрелковой дивизии, входившей в состав нашей 11-й армии. Новое назначение и радовало, и волновало, и тревожило...

В путь, к штабу дивизии, я тронулся в канун Нового года. Еду верхом на лошади со своим ординарцем Алексеем Мусатенко. Не торопим коней. Мысли еще позади, в 133-й бригаде. Вспоминаю тех, с кем жаль было расставаться. Свижусь ли я еще с боевыми друзьями, с которыми воевал?

Говорят: «С глаз долой — из сердца вон». Нет, несправедлива эта пословица, по крайней мере, для фронтовых побратимов. Вот и теперь, через сорок с лишним лет, живут в моем сердце чудесные люди, с которыми навсегда подружился в 133-й бригаде. С некоторыми из них вижусь на встречах ветеранов Северо-Западного фронта. Вместе мы поем песню Матвея Блантера и Михаила Матусовского:

Рощи, одетые в золото,
Реки, пройденные вброд,
Наша военная молодость —
Северо-Западный фронт.

Вместе поднимаем мы молча бокалы в память тех, кто погиб героем на пути в Берлин.

И поныне не выбыли из строя те, кого судьба сохранила от пули и смертельной болезни. Мой близкий друг, Шайхулла Хабибуллович Чанбарисов — доктор исторических наук, профессор, много лет был ректором Башкирского государственного университета. Теперь он на пенсии и увлекся изучением истории университетского образования в нашей стране. Иосиф Михайлович Куликов — генерал-майор запаса. Трудится в народном хозяйстве. Борис Львович Айзен — журналист.

Однако далеко же я забежал вперед. Вернусь в 1942-й. Кони протопали мимо хорошо знакомой нам, обильно политой кровью высоты Огурец. А вот и командный пункт 55-й стрелковой дивизии.

Представился командиру дивизии Герою Советского Союза полковнику Николаю Николаевичу Заиюльеву и его заместителю по политической части полковнику Никифору Викторовичу

Шведову.

Со Шведовым мы просидели весь вечер. Он рассказал о боевом пути дивизии, ее командирах и политработниках, рядовых коммунистах.

55-я родилась еще в гражданскую войну. Она имела славные традиции героических боев. Участвовала в освободительном походе в Западную Белоруссию в 1939 году. Затем дислоцировалась в Брестской крепости. Незадолго до войны была отведена в город Слуцк. Первый бой с фашистскими захватчиками дивизия приняла 24 июня сорок первого юго-западнее Барановичей, в районе населенного пункта Миловиды.

Несколько месяцев дивизия вела тяжелые оборонительные бои и понесла большие потери. В начале сорок второго дивизия сформировалась заново и прибыла на Северо-Западный фронт. Под Рыкалово, Большими Дубовицами и на болоте Сучан она нанесла огромный урон эсэсовской дивизии «Мертвая голова». В боевом пути дивизии, изданном политотделом, указывалось, что только за период с 28 ноября по 10 декабря 1942 года дивизия уничтожила 1395 гитлеровских солдат и офицеров, захватила 6 станковых и 16 ручных пулеметов, большое количество винтовок и других трофеев.

На следующий день я беседовал с политотдельцами, а потом направился в части. Начал со 111-го стрелкового полка. Командира на месте не оказалось. Познакомился с его заместителем по политической части майором Григорием Алексеевичем Прохоровым. Это кадровый офицер, подтянутый, немногословный, не дающий послаблений ни себе, ни другим. Ему в ту пору было 37 лет. Десять из них он прослужил в армии и прошел путь от рядового до военкома полка. Порядок в полку мне понравился. Бойцы обеспечены теплым обмундированием, чистые, здоровые.

В 107-й полк я пошел со своим заместителем майором Ефимом Марковичем Ровиным. Поговорил с командиром полка майором Е. К. Вербиным, встретился со снайперами. Полк славился многими мастерами меткого огня. И мне приятно было беседовать с ними.

Затем вместе с Ровиным мы направились во 2-й батальон. Признаться, командир батальона Поляков поначалу меня удивил. Перед нами предстал совсем юный капитан. На вид ему было едва ли не семнадцать лет. (Позже узнал, что ему уже исполнилось двадцать.) Казалось, как такого юнца будут уважать бойцы, многие из которых годились ему в отцы. Но оказалось, что к Борису Алексеевичу Полякову красноармейцы и командиры относились уважительно. Порядок в его батальоне образцовый.

Беседуя с красноармейцами, я почувствовал, что комбат хотя и молодой, но авторитетом пользуется большим.

У меня сразу же установился контакт с Борисом Поляковым. Капитан рассказал мне, что он из семьи потомственных железнодорожников. После окончания средней школы учился в Рязанском пехотном училище. Войну встретил лейтенантом — командиром мотострелковой роты. В 55-ю дивизию прибыл после ранения.

Во 2-м батальоне пробыл до вечера. Возвратившись в штаб дивизии, узнал, что получен приказ о передислокации дивизии в район деревни Горбы. Предстоит наступление в направлении населенных пунктов Левошкино, Федорово. Это северо-восточная часть рамушевского коридора.

Совершив ночной марш, дивизия вовремя прибыла к месту сосредоточения.

* * *

Недалеко от переднего края противника начинался лес. Командиры частей учитывали это при подготовке к наступлению. В стрелковых подразделениях создавались группы «карманной артиллерии». В них отбирали лучших гранатометчиков — людей смелых, которым предстояло штурмовать вражеские дзоты.

Политработники разошлись по ротам, чтобы ночью перед боем провести партийные собрания. Выступая на собраниях, коммунисты давали клятву беззаветно служить Родине, быть отважными и до конца верными долгу. Верность этой клятве предстояло подтвердить делом на поле боя, который начнется через несколько часов.

Утро 8 января сорок третьего выдалось солнечное и морозное. Еще до рассвета части дивизии заняли исходное положение для наступления. Боевой порядок комдив построил так: 111-й и 228-й полки — в первом эшелоне, 107-й полк — во втором.

На переднем крае зачитывалась листовка с обращением политического управления Северо-Западного фронта:

«Товарищи бойцы и командиры!

Мы в долгу перед Родиной. Родина ждет от нас разгрома и полного уничтожения врага перед нашим фронтом. Сейчас, больше чем когда-либо, мы имеем все необходимое для осуществления этой задачи...

Мы должны очистить советскую землю от гитлеровской

нечисти...»

В окопах появились боевые листки с призывом «Бить врага по-сталинградски».

В 9.00 артиллерийская подготовка возвестила о начале наступления. Дивизия вступила в бой...

В тот день успех обозначился с самого начала наступления.

Батальоны 228-го полка, которым командовал Иван Адольфович Череповецкий, офицер хладнокровный, рассудительный и опытный, двинулись вперед, прижимаясь к огневому валу. «Прижимаясь к огневому валу» — это значило следовать вплотную за разрывами снарядов собственной артиллерии, переносившей огонь все дальше в глубь обороны врага. Конечно, пехотинцы верили в точность артиллеристов и в собственную выучку. И все же подняться и преодолеть страх было совсем нелегко. Я знаю это по себе. Снаряды пролетают над головой и разрываются совсем рядом. Ты прекрасно видишь, что ложатся они не так уж кучно, как хотелось бы, и все время думаешь, а вдруг недолет...

Страх побеждается прежде всего и более всего сознанием долга. Чем выше это сознание, тем мужественнее человек. Значит, и здесь место коммуниста — впереди, его личный пример — большая вдохновляющая сила. В дивизии перед наступлением насчитывалось 589 коммунистов. Перед боем мы позаботились о том, чтобы правильно расставить их по ротам, батареям и батальонам.

В цепи за огневым валом вместе с солдатами шли командиры подразделений и политработники всех рангов, от замполитов рот до заместителя командира дивизии по политической части полковника Шведова.

Первыми ворвались в траншеи противника батальоны майора Шалвы Владимировича Челидзе, капитана Исая Терентьевича Добровольского, майора Василия Моисеевича Михайлова.

111-й полк втянулся в лесной бой. В просветах между деревьями пролетали снаряды «карманной артиллерии». Небольшие группы бойцов, по колено и по пояс в снегу, продирались сквозь чащу и выходили противнику в тыл.

Однако и солдаты противника дрались неплохо. Каждый шаг требовал от нас напряжения сил, воли, боевого упорства. И наши воины совершали подвиги один за другим.

Вспоминаю о поединке маленького удмурта Ф. Д. Стрелкова с немецкой самоходкой. Орудие все время меняло позиции, а боец со связкой гранат, глубоко зарываясь в снег, то полз за ним, то выжидал, как охотник крупного зверя. Выжидал, пока не оказался достаточно близко, чтобы бросить гранаты, уничтожившие весь

боевой расчет самоходки.

Никогда не забыть, как, оставшись один против четырех гитлеровцев, рядовой Николай Зарецкий с непостижимой быстротой произвел четыре выстрела, прежде чем фашисты успели опомниться.

Связист штабной батареи артиллерийского полка Чамкин под огнем врага десятый раз исправлял линию связи. Был ранен, но не покинул свой пост, пока не подошла замена.

Замполит лейтенант Ф. Быков и парторг роты Н. Репов увлекли за собой бойцов и первыми ворвались во вражескую траншею...

Противник нес большие потери. Появились пленные. Немецкий солдат 46-го полка 30-й пехотной дивизии заявил на допросе: «После вашей артиллерийской подготовки роты нашего полка сильно поредели».

Когда 228-му полку удалось прорвать линию обороны противника и продвинуться вперед на полтора километра, командир дивизии ввел в бой 107-й полк и приданный дивизии танковый батальон.

Командир 1-го батальона майор Василий Михайлов и его заместитель по политической части старший лейтенант Федор Новиков посадили на танки десант автоматчиков и двинулись вперед, в направлении деревни Левошкино.

Боевые машины на огромной скорости проскочили сквозь стену огня. Только клубы снежной пыли, комья мерзлой земли да глубокие воронки остались за ними. Гитлеровцы бежали из Левошкино, устилая трупами деревенскую улицу. Десятки гитлеровцев стояли у плетней, подняв руки.

Женщины и дети выбегали из хат, вылезали из погребов и бросались обнимать своих. Они и радовались встрече, и плакали, вспоминая о недавних муках, о тех, кто был убит и замучен фашистами.

Наступила ночь. Она не принесла отдыха ни командирам, ни политработникам, ни тыловикам. В кромешной тьме, по глубокому снегу, бойцы на самодельных санях доставляли боеприпасы. Маскировали в оврагах задымившиеся кухни. Медицинские работники продолжали борьбу за жизнь раненых. Во время боя санинструкторы Василий Тетеревков, Петр Шафоростав, Илья Салтысек вынесли десятки тяжелораненых бойцов и офицеров на ротные участки. Военфельдшеры — командиры медсанвзводов И. М. Еганов, Н. Т. Шахов, Д. И. Турчак — обеспечивали эвакуацию раненых с ротных участков в БМП (батальонные медицинские пункты). Тут же в шалашах и землянках проводили противоэпидемические мероприятия и

готовили раненых к отправке на ПМП (полковой медицинский пункт).

Эвакуация раненых проходила в трудных условиях. Под непрерывным обстрелом вражеской артиллерии находились все дороги. Днем самолеты противника гонялись за каждыми санями с ранеными. Примеры мужества и героизма показали старший врач 228-ю полка Нина Григорьевна Клыкова-Маякова, фельдшеры Иван Семенович Лосев и Василий Михайлович Чехондских. Им удалось днем эвакуировать раненых, которым требовалась неотложная хирургическая помощь.

В политотделе оставался в одиночестве не спавший несколько ночей инструктор по информации капитан Б. Л. Айзен. Он познакомил меня с политдонесениями, поступившими из частей, сообщениями работников политотдела, находившихся на передовой.

Теперь я знал не только то, что сам видел, но и то, что видели на поле боя политотдельцы, заместители командиров полков по политической части, секретари партийных организаций. Успехи первого дня наступления воодушевили людей. Об этом доносила из всех частей. Приводилось много примеров возросшего военного мастерства офицеров и солдат, их мужества и отваги, Сообщалось о большом количестве заявлений, поданных в партийные организации с просьбой о приеме в партию.

Парторганизация 111-го полка, например, получила 33 заявления. Секретарь партбюро Василий Степанович Бень доложил, что несколько заявлений уже разобрано. В партию приняты люди, отличившиеся в бою. В их числе рядовой Яков Ефимович Дорофеев. Он участвовал в атаке и даже после ранения оставался на передовой до конца дня.

Я получил донесения и о том, что в ходе боя были убиты и ранены политработники трех подразделений. Подготовил предложения об их замене, сообщил об этом в части и в политотдел армии.

Оставлять в политотделе одного капитана Айзена теперь было нельзя. Обстановка требовала безотлагательно решать многие вопросы. Я позвонил в 111-й полк и вызвал в политотдел своего заместителя майора Е. М. Ровина. Отличный организатор, Ефим Маркович держал в своих руках все нити информации, обобщал донесения, делал выводы, оперативно докладывал мне.

На пути в части я зашел в автофургон под фанерной крышей, где размещалась редакция и типография дивизионной газеты «Победа». Печатался свежий номер газеты. Все были в сборе: редактор капитан Николай Пономарев, сотрудники редакции

Юрий Васильев и Александр Карамышев. Здесь же находились наборщики — красноармейцы Илья Болгов и Василий Курбатов. Они вместе с шофером крутили печатную машину «Либерти», или, как ее обычно называли, «американку».

В дивизионной газете я прочитал письмо жителей деревни Левошкино к бойцам и командирам Красной Армии. Не могу не процитировать строки из этого письма:

«...Трудно и невозможно передать словами, что мы выстрадали, когда фашисты занимали нашу деревню. Грабежи и насилия, горе и смерть принесли проклятые супостаты. В первый же день они ограбили всех жителей, отобрали все вещи и продукты, разграбили наш колхоз. Они убили Марию Зуеву и двух ее малолетних детей, Никиту Таманыча, Марью Забавину и многих других... Большая семья была у Андрея Тимофеева. А теперь он одинокий. Жена умерла с голода, а сына Никиту и невестку Валю с детьми фашисты погнали в Германию.

Из деревни нам выходить никуда не разрешалось — грозила смерть. Даже малых голодных детей, ходивших собирать ягоды, расстреливали. Немцы убили мальчика Митю Андреева и искалечили Шуру Линькову.

Много людей умерло с голода. Приходилось часто питаться только травой. Всех стариков, женщин и детей, даже больных, фашисты выгоняли на тяжелые работы.

Мы ждали вас, дорогие товарищи бойцы и командиры, каждый день и каждый час. Вас ждут еще тысячи и тысячи советских людей, измученных и исстрадавшихся под фашистским ярмом. Помните об этом, наши спасители!..»

Я порекомендовал зачитать это письмо во всех подразделениях. Его читали в окопах, блиндажах. Многие воины, беседовавшие с жителями деревни Левошкино, приводили новые факты злодеяний, совершенных фашистами. В подразделениях начались митинги под девизом: «Отомстим фашистским извергам!» Воины клялись сильнее бить фашистов. К этому времени наши люди научились ненавидеть врага всеми силами души. Выдвинутый партией лозунг «Смерть немецким оккупантам!» выражал волю всего народа и его армии.

Бои разгорались. От нас ждали новых успехов. Продвинувшиеся вперед подразделения врезались клином во вражеское расположение. Но у нас не хватало людей, чтобы надежно прикрыть фланги. Командование армии, очевидно, должно было провести перегруппировку сил и направить в прорыв свежие части. Но это не было сделано. По каким причинам — нам тогда не было известно.

Противник разгадал нашу слабость, методично стал теснить

подразделения, отрезая дорогу за дорогой. В конце концов в наших руках остался только один грейдер. По нему под непрерывным обстрелом доставлялись боеприпасы, продовольствие и вывозились раненые.

11 января развернулись бои за эту последнюю дорогу. Для координации действий частей командир дивизии направил на танке в район боя начальника оперативного отделения штаба дивизии майора Л. И. Случанского.

Хорошо подготовленный и быстро ориентирующийся в обстановке офицер четко управлял боем. Танк вел непрерывный огонь по вражеской пехоте. Немецким артиллеристам удалось подбить танк. Но и после этого еще некоторое время из танка стреляли по врагу. Потом открылся верхний люк, из него показался человек в горящем обмундировании. Пехотинцы вытянули его наружу, погасили пламя, укрыли танкиста в воронке. Остальные члены экипажа танка и майор Л. И. Случанский погибли.

Противник отрезал последнюю дорогу. В нашем распоряжении было еще несколько танков. Комдив решил бросить их на прорыв. За танками должны были проскочить машины с продовольствием и боеприпасами.

Я направил к бойцам на исходные позиции инструктора политотдела старшего лейтенанта И. А. Иохима. Посоветовал ему побеседовать с людьми, рассказать им о трудностях предстоящего боя, мобилизовать их на преодоление трудностей. Иван Александрович, человек молодой, мягкий и обаятельный, умел говорить просто и задушевно, без трескучих фраз. И это нравилось бойцам. Они открывали ему свои сердца.

Иохим не вернулся в политотдел. Он остался с бойцами группы прорыва. Гитлеровцы встретили их яростным огнем, подбили один наш танк и заставили повернуть остальные. Положение становилось все более критическим. Иван Александрович, возглавив группу солдат, сумел удержать боевой рубеж, а затем пробиться вперед, к своим.

Прорывались к своим и другие группы наших бойцов. Они проходили по лесным тропам, выносили раненых, боеприпасы, медикаменты, продукты. Командир взвода санитаров-носильщиков санроты 228-го полка В. М. Чехондских с помощью разведчиков эвакуировал раненых на носилках. Секретарь комсомольского бюро А. М. Софиенко на руках вынес смертельно раненного секретаря партбюро 228-го полка И. И. Максюка.

Вскоре гитлеровцы оседлали и тропы, ведущие в Левошкино. Подразделения 107-го и 228-го полков оказались отрезанными от своих штабов.

Из штаба 11-й армии поступило приказание — захваченный рубеж во что бы то ни стало удержать, оставшимися силами пробиться под Левошкино и продолжать наступление. Однако сделать это было тяжело. Полки поредели, а противник перебросил на наш участок новые части — пехоту, танки, самоходную артиллерию. Все попытки пробиться к отрезанным полкам успеха не имели.

Стояли сильные морозы. Температура упала ниже двадцати по Цельсию. В подразделениях, прорвавшихся к деревне Левошкино, каждый снаряд, каждый патрон, каждый грамм хлеба были на счету. Ни оборонительных сооружений, ни укрытий... А у врага всего вдоволь — солдат и огня. Его танки и самоходки грозили отовсюду.

В сложившейся обстановке командиры батальонов приняли единственно правильное решение — вывести подразделения из Левошкино и занять оборону на более выгодном рубеже.

Подразделения 228-го полка были сведены в один батальон под командованием майора В. М. Михайлова. Они заняли оборону в лесу, метрах в семистах северо-восточнее деревни Левошкино. В один батальон были сведены и подразделения 107-го полка. Командовал ими капитан Б. А. Поляков. Он занял оборону севернее Левошкино.

В лесу, на высотке, бойцы и командиры, без различия званий, яростно долбили промерзшую, твердую как гранит землю. Долбили днем и ночью под артиллерийским и минометным огнем. И тем не менее лишь на небольших участках удалось вырыть окопы полного профиля. Инженер 228-го полка И. И. Морозов обеспечил сооружение снежного вала высотой до полутора метров. В нем сделали ячейки для стрельбы стоя, для ручных и станковых пулеметов, ниши для патронов. Вся эта снежная крепость заливалась водой и леденела.

Работы по укреплению оборонительных рубежей приходилось часто прекращать, отбивая очередные атаки, едва укрыв раненых, еще во похоронив убитых.

В штабе дивизии было тревожно. Телефонная связь с отрезанными частями прервалась. Радиостанций в батальонах не было. И вновь тайными лесными тронами сквозь лесную чащу стали пробираться люди.

Линейный надсмотрщик Петр Демин с карабином на плече и несколькими гранатами в кармане темной ночью два раза благополучно пробирался к окруженным подразделениям и приносил заряженные батареи для рации артиллеристам. Третий раз Демину вместе с напарником комсомольцем Крюковым пришлось пробиваться с боем.

Местный мальчонка провел ему одному известной тропой фельдшера Н. Т. Шахова. По другой тропе возвратился из-под Левошкино мой помощник по комсомольской работе Василий Степанов.

Комдив считал Степанова одним из лучших политработников дивизии, я относился к Василию, как к родному сыну. Вместе с командиром дивизии мы внимательно выслушали Степанова. Он рассказал о том, как пробирался ночью в лесу. Тогда и родилась мысль — по той же тропе, по которой прошел Степанов, отправить в батальоны две радиостанции с радистами. Выполнить эту задачу комдив приказал специально сформированному подразделению. Оно должно было захватить с собой также патроны, гранаты и продовольствие.

Возник вопрос: кому поручить командование отрядом. Так уж бывает на войне: теми, кого особенно любишь, кому особенно веришь, рискуешь чаще. Командиром отряда был назначен лейтенант Борис Николаев, его заместителем по политической части — Василий Степанов.

Отряду удалось пробиться и доставить рации, некоторое количество боеприпасов и продовольствия.

Вместе с этим отрядом прошел и штаб 107-го полка. Командир полка майор Е. К. Вербин выбрал место для КП в лесу и прикрыл его автоматчиками. Ему удалось быстро установить связь со своими подразделениями и передать по радио координаты в штаб дивизии.

Начальник штаба полка Н. С. Локтионов и командир артдивизиона А. Д. Новиков сразу же направились в подразделения и вместе с командиром батальона Б. А. Поляковым осмотрели оборону. Что она собой представляла? Позже майор Локтионов рассказывал:

— Это был лесной массив с довольно высокими деревьями и кустарником. Часто попадались низины, болотистые места. Перед фронтом находилась деревня Левошкино. Район обороны занимал по фронту два километра. Раненые бойцы и командиры находились тут же. Их размещали в специально оборудованных шалашах и блиндажах, где можно было хоть немного укрыться от холода, а ночью согреться у небольших костров. Оружие и боеприпасы никто из раненых не сдавал. Круговой обороны еще не было. Мы провели рекогносцировку и организовали круговую оборону. И не зря. На следующий день подразделения противника зашли с тыла и отрезали батальон от командного пункта полка. Получился «слоеный пирог» — второе кольцо окружения.

...Бой в окружении, когда с каждым днем все теснее сжимается вражеское кольцо, когда не хватает снарядов и

патронов, скудеет и так полуголодный паек, — такой бой требует двойного мужества. Солдаты и командиры отрезанных подразделений в те дни сражались героически. Листаю записи, выписываю эпизоды.

...Вечером немецкий снаряд разбил пулемет. Виталиев и Кобзев остались безоружные. И тот участок перед нашими окопами, который они прикрывали огнем, стал проходим для врага. Бойцы отчаянной храбрости, Виталиев и Кобзе» выпросили у старшины десяток гранат. Глубокой ночью они вдвоем поползли в расположение противника. От ели к ели, от сосны к сосне, вдавливая телом снег, проползли бойцы освещаемый ракетами передний край. Оба прыгнули в окоп, где находились вражеские пулеметчики, и прикончили их. Потом поползли с трофейным пулеметом и лентами вперед. Гитлеровцы заметили Виталиева и Кобзева. Их пытались захватить живыми, но они отбивались гранатами.

Задыхаясь от усталости, наши бойцы то бежали, то падали в снег, не выпуская из рук ни лент, ни пулемета. А на рассвете трофейный немецкий пулемет уже бил по наступавшим гитлеровцам. Рядом строчил другой пулемет, за которым лежал в красном снегу дважды раненный младший лейтенант Николай Поляков, так и не уступивший никому «максима», пока атака не была отбита.

Разведчик 2-го дивизиона сержант Котельников несколько раз ходил ночью в тыл врага. И каждый раз приносил в вещевом метке продукты и боеприпасы.

Внезапно, без артподготовки, двинулись на наши окопы танки и пехота врага. Командир батальона Борис Поляков приказал затаиться и лишь по команде открыть огонь. Танки подпустили к самой траншее, и тут взвод сержанта Куликова пустил в ход противотанковые гранаты. По солдатам, следовавшим за танками, открыли фланговый, косоприцельный пулеметный огонь.

Два танка противника получили повреждения и повернули назад. Через некоторое время немецкая пехота атаковала наши позиции в другом районе. Но здесь стоял хорошо замаскированный снегом и ветками деревьев танк. По команде лейтенанта Рытова два танкиста открыли пулеметный огонь (пушка на танке была повреждена). Атака была отбита.

К окопу старшего сержанта Никиты Павловича Адушева подошел немецкий броневик. Старший сержант подорвал его связкой противотанковых гранат.

Рядовой Ф. А. Костин с группой бойцов ночью внезапно ворвался в окопы противника и уничтожил до 20 фашистов.

Многие бойцы открыли боевые счета. Так, рядовой А. М. Иванов убил семь, а А. Н. Усачев пять фашистов.

Сколько было таких эпизодов! Сколько подвигов — теперь уже не счесть. Но вот о чем, по-моему, сказать необходимо: ныне мы часто рассказываем молодым бойцам, приходящим в армию по очередному призыву, о героической гибели героев. И это, конечно, важно. Что и говорить, имена Александра Матросова, Евгения Никонова, Зои Космодемьянской и многих других, отдавших жизнь за Родину, бессмертны. Однако не узок ли в наших беседах круг имен, не слишком ли часто сливаются воедино подвиг и гибель? Не внушаем ли мы молодежи неверную мысль, что героическое на войне ведет к неизбежной смерти? Ведь это не так! Как правило, счастье в боях сопутствует смелым. И летопись подвигов солдат и офицеров, сражавшихся под Левошкино, тоже свидетельствует об этом.

* * *

19 января противник подтянул пехоту, танки, артиллерию и перешел в наступление. Сводные батальоны майора Михайлова и капитана Полякова отбросили гитлеровцев, находившихся у них в тылу, и отошли на новый рубеж. В районе командного пункта 107-го полка батальоны соединились. Здесь была создана круговая оборона, и снова начались бои.

Было тяжело. Не хватало боеприпасов и продовольствия, К счастью, у майора Вербина, который теперь командовал всеми подразделениями, был энергичный, инициативный начальник штаба Н. С. Локтионов. Опираясь на коммунистов и комсомольцев, они мобилизовали личный состав на преодоление трудностей. Обливаясь потом, люди каждый день совершенствовали оборону, упорно защищали свои рубежи.

Надежным помощником майора Е. К. Вербина был его заместитель по политчасти майор А. А. Макаренко. По-новому раскрылись великолепные воинские и человеческие качества инструктора политотдела Ивана Александровича Иохима, заместителя командира батальона по политической части Вячеслава Александровича Мыца, секретаря партбюро 107-го полка Георгия Ивановича Кузнецова.

Кузнецов в часы затишья ничем не выделялся. Но во время боя как бы обретал себя. И чем труднее и опаснее становилось, тем нужнее был для всех Кузнецов. Не спеша, соблюдая все меры предосторожности, ходил он по передовой, когда враг вел огонь,

учил молодых солдат рыть окопы, ел с ними скудную пищу из одного котелка. Присутствие на передовой линии партийного вожака майора Кузнецова как бы напоминало каждому, что война — это повседневный труд, ратный и опасный труд, без которого победы не завоюешь. Если старший лейтенант Иван Иохим заражал бойцов готовностью к подвигу, то Георгий Кузнецов учил их уверенности и спокойствию.

Как-то ночью группа гитлеровцев в белых халатах вплотную подобралась к нашим окопам. Их не заметили вовремя. Они поднялись, чтобы совершить последний бросок. И вдруг из окопа выскочил с автоматом в руках секретарь партбюро полка Георгий Кузнецов, до того читавший заявления красноармейцев о приеме в партию. Фашисты и опомниться не успели, а Кузнецов уже ударил по ним из автомата... Длинная очередь уложила трех или четырех гитлеровцев, остальные опрометью бросились назад.

После этого Кузнецов пошел собирать людей на заседание партийного бюро. Рассмотреть шестьдесят два новых заявления от тех, кто хотел жить и умереть коммунистами, — не шутка! Потребовалось не одно заседание бюро.

Старший лейтенант Вячеслав Александрович Мыц в дивизии служил с начала ее формирования. Был политруком роты, заместителем командира батальона. Первый в атаках, несколько раз раненный и вновь возвращавшийся в строй.

Заместителем командира по политической части в 1-й роте 107-го полка был совсем еще юный лейтенант Иван Васильевич Бражник. Он прибыл в дивизию из госпиталя перед самым наступлением и вскоре прославился смелыми вылазками в тыл врага. Был у него особый талант: отбирал двух-трех солдат и скрывался с ними в ночи. А к утру возвращался с «языком». В окружении на лейтенанте резко сказались голодная норма довольствия и последствия тяжелого ранения, после которого Бражник еще по-настоящему не оправился. Ему стало тяжело ходить — попросту валился с ног. Однако замполит не только не жаловался на свою беду, а постарался скрыть ее.

Подобно Ивану Бражнику действовал заместитель командира роты по политической части лейтенант И. Е. Легеда. Словом, все политработники — замполиты, парторги, комсорги — постоянно находились в боевых порядках, воевали, учили, агитировали, вели за собой.

* * *

Поистине героическим был труд и медицинских работников. Эвакуировать даже тяжелораненых не было возможности.

На плечи военных фельдшеров Николая Шахова и Ивана Еганова — еще совсем молодых, им было чуть больше двадцати лет — легла ответственность за жизни многих людей. С надеждой смотрели на них раненые. Шахов и Еганов делали все, что могли, — гораздо больше, чем можно было предположить и предугадать. Прекрасными помощниками у них были старшина Заикин, санинструктор Илья Салтысек, санитар Петровичев. А в часы передышек между боями приходили в санчасть бойцы из окопов, ухаживали за ранеными, делились последним сухарем со своими товарищами.

* * *

На переднем крае с каждым днем становилось все хуже и хуже. Кончались боеприпасы, медикаменты, продукты. К счастью, на выручку прилетели самолеты 707-го полка ближних бомбардировщиков. Я хорошо запомнил, что первый полет совершили командир эскадрильи капитан Григорий Федорович Зинченко и штурман лейтенант Николай Иосифович Султанов. Потом летал старший лейтенант Дмитрий Владимирович Супонин, удостоенный звания Героя Советского Союза. Почти каждую ночь бесстрашные «кукурузники» кружились над лесом, чуть не касаясь верхушек елей. Немцы открывали огонь по самолетам. Наши старались подавить их огонь.

В ночных условиях под огнем точно сбросить груз (патроны, консервы, сухари, медикаменты) не всегда удавалось. Однажды три мешка, сброшенные с самолета, попали в нейтральную зону. За них развернулась борьба. Вытянуть груз с нейтральной полосы вызвался рядовой Абай Усумбалиев. Зарываясь в снегу, он полз к заветным мешкам. Обмотал их телефонным проводом. Один за другим тянул мешки под огнем. Только тогда, когда третий мешок был на месте, Усумбалиев признался, что он ранен.

Майор Вербин по радио сообщил нам: 19 января получено по воздуху 10 килограммов сухарей, 20 января — ничего. 21 января — 20 килограммов сухарей, 60 гранат, 10 тысяч патронов... Продуктов не хватало даже для раненых, боеприпасов — даже для схваток с врагом лицом к лицу.

22 января 1943 года штаб 11-й армии разрешил комдиву вывести полк майора Вербина, соединить его с основными силами дивизии.

В тот же день началась подготовка к прорыву линии обороны

противника. В ночь на 23 января на узком участке части дивизии с фронта, а подразделения, подчиненные Вербину, с тыла нанесли врагу одновременный удар. К счастью, гитлеровцы его не ожидали.

Я позволю себе процитировать здесь присланные мне по моей просьбе письма начальника штаба 107-го полка Николая Степановича Локтионова, инструктора политотдела Ивана Александровича Иохима и командира санитарного взвода 228-го полка фельдшера Ивана Михайловича Еганова, в которых воссоздается картина боя во время выхода из окружения.

«...22 января, — пишет Локтионов, — — по радио был получен от командира дивизии приказ на выход из окружения Майор Вербин создал группу прорыва, две боковые группы прикрытия справа и слева и группу прикрытия с тыла В середине всей выходящей группировки должны были находиться раненые — те, кто мог самостоятельно передвигаться и кого надо было выносить.

Майор Вербин шел с группой прорыва, а мне приказал, пока не пройдем внутренний обвод обороны противника, находиться в группе прикрытия с тыла, после чего присоединиться к нему.

23 января в 3 часа группа прорыва атаковала передний край врага. Штурмовые группы блокировали ранее засеченные точки. Группы бокового прикрытия открыли огонь по противнику с флангов.

Внутренний обвод обороны противника был взломан. Подразделения начали продвигаться вперед. В это время я присоединился к майору Вербину.

Темная ночь. Мутно белеет снег, освещаемый вспышками выстрелов, а иногда ярким светом осветительных ракет. Кусты и деревья, озаренные светом ракет, кажутся какими-то громадами. Люди падают в снег, ожидая сгорания ракеты. Вышли к небольшой поляне. Вербин послал меня с группой бойцов пересечь поляну и разведать опушку леса. На середине поляны нас обстрелял вражеский пулемет. Ползком возвратились к Вербину. По глубокому снегу продвигаться вперед было очень трудно. Ноги стали тяжелыми, непослушными. Между тем нужно было все время вести огонь по врагу.

Забрезжил рассвет. Далее в памяти словно туман... Вдруг все смолкло, кажется, куда-то стал падать, земля уходила из-под ног. Быть может, получил контузию. Вскоре увидел наших бойцов. Сел у дороги на снег. Кто-то спросил, хочу ли я есть. Дали мне хлеба. Но есть не хотелось. Всех нас отправили в медсанбат...»

Далее привожу отрывки из письма Ивана Иохима. Накануне выхода из окружения он был ранен.

«...О том, что ночью мы предпримем попытку прорыва, — пишет Иохим, — мне сообщил днем Степанов. А я лежу: от раны совсем обессилел. Прошу его, чтобы оставил мне пистолет, хотя бы с одним патроном, чтобы в случае чего — в висок... Степанов сказал: «Глупости. Ты обязан воевать. Что у тебя, воли нет?!» И ушел. Всех легко да и нелегко раненных ставили в строй. Только для тех, кто не мог двигаться, сделали носилки. Носильщиками назначили самых крепких солдат.

К вечеру я почувствовал себя немного лучше. Сказал заглянувшему на минутку в наш блиндаж Степанову: «Все в порядке».

Со мной в блиндаже оставался только пленный немец — «язык», захваченный прошлой ночью, — которого я допрашивал. Он сидел на нарах и что-то бормотал себе под нос. Я еще подумал: «Что с ним делать?» И неожиданно впал в забытье. Разбудил меня немец: «Ваши уходят!» И вдруг подошел ко мне, взял на руки и вынес из блиндажа.

В лесу между деревьями рвались снаряды и мины, строчили пулеметы. Наше «ура», хриплое и надрывное, катилось по снегу. Я тоже закричал.

Противник был ошеломлен нашим натиском. Фашисты бросали оружие и подымали руки. Помню, как я вскочил в воронку от бомбы, в которой находился вражеский пулеметный расчет. Немецкие солдаты стояли с поднятыми руками. Их мы взяли в плен.

Голос Вербина, его команды звучали отчетливо и громко. Удивительно, как он умело ориентировался в бою. Пожалуй, никогда и нигде я не наблюдал такой силы воздействия слова командира, как в этом бою. И вдруг голос Вербина оборвался. Командир был убит. Казалось, что теперь все силы иссякли и что нам уже не подняться со снега. Но тут я услышал призыв: «Товарищи! Пройти осталось двести метров. Впереди жизнь, здесь смерть. Вперед!» Снова неведомо откуда появились силы.

И вот я уже вижу перед собой нашу пушку, выкрашенную в белый цвет, слышу русские слова. Тут силы вяоаь меня покидают...»

Иван Михайлович Еганов вспоминает:

«...Накануне прорыва обороны противника меня вызвал командир батальона майор Михайлов и приказал подготовиться к выносу тяжелораненых. Подготовку проводили вместе с командиром медицинского взвода 107-го полка фельдшером Шаховым. Прежде всего занялись изготовлением носилок. В ход пошли вырубленные из ветвей палки и трофейный телефонный провод. Носильщиками выделили легкораненых. Двигались в

середине прорывающихся подразделений. Впереди бежал майор Михайлов, справа от нас старший лейтенант Вячеслав Мыц... Недалеко от него артиллеристы. Они и возглавили прорыв. Как сейчас, слышу чей-то голос: «Артиллеристы, вперед!» Некоторые раненые соскочили с носилок и, опираясь на винтовки или на своих товарищей, устремились в атаку...»

* * *

Дивизия наносила мощный удар, чтобы прорвать вражеское кольцо. И оно было прорвано, Усталые, еле-еле державшиеся на ногах, прошли герои, уцелевшие в боях: подполковник П. А. Любимов, майор П. М. Евстигнеев, капитаны И. И. Мухин, И. И. Белый, лейтенанты А. И. Артюхов и Николай Кузнецов, младший лейтенант И. Ф. Москалев и многие другие. Раненых несли на носилках. Но многих мы не дождались. Не вышли из окружения командир 107-го полка майор Вербин, агитатор политотдела Круглов...

Заботу о раненых, истощенных и ослабевших взяли на себя медсанроты полков и передовой отряд медсанбата дивизии.

«Нет слов, чтобы выразить благодарность старшему врачу Нине Григорьевне Клыковой-Маяковой, фельдшеру Галине Федько, сестрам и санитарам за внимание и заботу о нас», — писал впоследствии рядовой 228-го полка Сергей Петрович Орлов, вышедший из окружения.

О Нине Григорьевне Клыковой-Маяковой хочется рассказать подробнее. После окончания Ивановского медицинского института она лишь неделю проработала врачом на станции Барыш ныне Ульяновской области. В феврале 1942 года она вступила в ряды Красной Армии, прибыла в нашу дивизию. Через несколько месяцев Нину Григорьевну назначили старшим врачом 228-го полка. В первый день наступления я видел ее на поле боя. В шапке-ушанке, полушубке, валенках, раскрасневшаяся на морозе, девушка под артиллерийским огнем врага обеспечивала эвакуацию тяжелораненых с батальонных медицинских пунктов. Ни одну повозку и машину, подвозившие боеприпасы на огневые позиции, она не пропускала назад в тыл, не устроив на них тяжелораненых. Было в ее голосе и взгляде что-то такое, что заставляло подчиняться ей повозочных и шоферов с самыми трудными характерами. Она обладала сильной волей.

Передовой отряд медсанбата возглавлял опытный врач Артур Карлович Пуцен. С ним работали молодые хирурги Г. А. Газалов,

Н. М. Оцеп, Е. В. Алексеева, медицинские сестры Маша Абрамова, Люба Борбасова, Маша Кот, Аня Кушнерева и другие.

...Я стоял в углу операционной палатки. На сердце было тяжело. В горячке боя можно и нужно думать только о тех конкретных обстоятельствах, в которых ты находишься. Можно радоваться тому, что на поле боя остались тысячи уничтоженных фашистов, а наши люди сумели выйти из окружения. Но здесь, в медсанбате, среди раненых и умирающих, думалось о другом: как страшна война, как велико чудовищное преступление гитлеровцев, развязавших ее, как необходима всем людям полная победа над фашизмом.

* * *

Крепла мощь Красной Армии. Стратегическая инициатива была вырвана из рук врага. Война вступила в новый период, и это не могло не сказаться на настроении наших бойцов, командиров, политработников.

Усилия партполитаппарата мы направили на воспитание у личного состава еще более высокого наступательного порыва. Нам стало известно, что на нашем фронте готовится наступательная операция.

Однако вскоре штаб армии сообщил, что гитлеровское командование, почувствовав нависшую угрозу, начало поспешный вывод 16-й армии с демянского плацдарма. На пути отхода фашисты уничтожали населенные пункты, грабили и убивали мирных жителей.

Неотступно преследовали врага 34-я и 53-я армии Северо-Западного фронта.

17 февраля 1943 года наша дивизия получила приказ совершить марш в район населенного пункта Парфино. 22 февраля мы прибыли к месту назначения и вошли в состав 27-й армии. Сразу же последовал приказ сосредоточиться в полосе обороны 182-й стрелковой дивизии и быть готовыми к наступлению.

23 февраля началось наступление. Нашей дивизии было приказано выйти через реки Порусья и Полисть на колхоз «Красный Октябрь», что в четырех километрах северо-западнее Старой Руссы.

24 февраля 228-й полк, а затем и другие части дивизии вошли в прорыв на участке Чириково и овладели восточной окраиной села Глушцы.

28 февраля войска Красной Армии вышли на реку Ловать. Демянский плацдарм, который гитлеровцы упорно удерживали почти полтора года, перестал существовать. От немецко-фашистских захватчиков была очищена площадь в 2350 квадратных километров и освобождено 302 населенных пункта, в том числе город Демянск, районные центры Лычково, Залучье. Неприятельские войска понесли большие потери.

К середине марта войска Северо-Западного фронта ликвидировали плацдарм 16-й армии противника на восточном берегу реки Ловать и, продвинувшись на 20 километров, вышли на рубеж Большие Горбы, Новое Село, Вязки.

* * *

Блестящих военно-политических успехов добилась Красная Армия. Разгромив врага под Сталинградом, она отбросила его от Волги и Терека на сотни километров. Войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду Ленинграда. У нас эта победа вызвала особую радость. Северо-Западный фронт своими боевыми действиями все время помогал героической обороне города Великого Октября, города Ленина.

Содействовал он и войскам, сражавшимся на юге страны. Военные историки потом напишут: «Операции советских войск на западном и северо-западном направлениях, проведенные в начале 1943 г., тесно связаны со стратегическим наступлением на юге. Хотя они и не достигли поставленных целей, враг был лишен возможности усиливать свои группировки на южном крыле советско-германского фронта за счет групп армий «Центр» и «Север». Это значительно облегчило Советской Армии не только успешно осуществить операции под Сталинградом, на Верхнем Дону, харьковском и донбасском направлениях, но и отразить попытку контрнаступления врага. Ликвидация плацдармов в районе Ржева и Демянска практически сняла угрозу наступления противника на московском направлении. Создавались предпосылки для развертывания операций на псковском, витебском и смоленском направлениях»[10].

В ночь на 19 марта стало известно о том, что дивизия выводится из боя и поступает в резерв Ставки Верховного Главнокомандования.

Мне запомнился последний марш на Северо-Западном фронте. Десятки километров мы шли лесными дорогами, не встречая на своем пути ни одного населенного пункта. Но вот лес

кончился, и перед нами открылась типичная для Валдайской возвышенности картина — небольшие поля, перелески. Впереди показалась деревня. Когда походная колонна вошла в нее, солдаты и офицеры бросились к детям, вышедшим нам навстречу... Их брали на руки, ласкали. Тоску по семьям, всю накопившуюся за долгие месяцы разлуки ласку отдавали наши воины этим чужим, но бесконечно родным ребятам.

2 апреля части дивизии сосредоточились в районе железнодорожной станции Любница. Мы с полковником Шведовым побывали в политуправлении Северо-Западного фронта, которое размещалось в районе города Валдай.

Тепло, по-братски распрощались мы с начальником политуправления генерал-майором А. Д. Окороковым и его заместителем полковником В. Н. Глазуновым. Они пожелали нам счастливого пути и успехов на новом фронте.

Партии ленинской бойцы

Прощай, Северо-Западный фронт! Искры паровоза прошивают ночную мглу. Поезд проносится мимо лесов и болот. В товарном вагоне красновато светится «буржуйка», изобретение еще времен гражданской войны. Идет неторопливая беседа. На нарах уселись и разлеглись политотдельцы и политработники 107-го полка.

Говорим сегодня не только о войне, но и о прошлом и будущем, вспоминаем и мечтаем — то каждый о своем личном, то об одинаково важном для всех.

Мне тридцать пять лет. Жизнь сложилась так, что довелось уже немало увидеть и услышать. Был я делегатом XVII партсъезда — съезда победителей. И самому хочется вспомнить, и друзья рады услышать о днях нашего торжества, о Большом Кремлевском дворце, где 26 января 1934 года открылся съезд, где звучали живые голоса ближайших соратников В. И. Ленина, участников революционных битв, руководителей строек первой пятилетки.

Я задумываюсь, и у меня перед глазами встают картины незабываемых съездовских дней. Доклады И. В. Сталина, Я. Э. Рудзутака, Д. З. Мануильского, В. М. Молотова, В. В. Куйбышева, М. Ф. Владимирского мы слушали с большим вниманием.

Наша страна к тому времени добилась больших успехов. Из отсталой аграрной она превратилась в передовую индустриально-колхозную державу. Социалистический сектор в промышленности составил 95,5 процента. Посевные площади зерновых культур в колхозах и совхозах выросли до 84,5 процента. Капиталистические элементы были вытеснены из торговли.

На съезде было много выступлений, которые запомнились на всю жизнь.

...31 января. Павел Петрович Постышев, председательствовавший в этот день на съезде, предоставил слово Сергею Мироновичу Кирову. Делегаты встретили его овацией.

Открытое русское лицо, обаятельная улыбка, дар вдохновенного трибуна. Трудно передать волнение, охватившее тогда меня. Казалось, что электрические заряды пронизывают насквозь. Он говорил об исключительной роли рабочего класса, строящего под руководством партии социализм. Досталось от С. М. Кирова лидерам правой и троцкистской оппозиций. В решающие годы напряженной борьбы партии и рабочего класса за социализм эти лидеры, по образному выражению Сергея Мироновича, отсиживались в обозе.

И теперь я мысленно вижу Кирова на трибуне, вижу

наклонившихся к нему через стол членов президиума съезда и как бы слышу вдохновенные слова.

«Успехи действительно у нас громадны, — говорил Киров. — Черт его знает, если по-человечески сказать, — так хочется жить и жить».

Никогда, ни раньше, ни позднее, такого оратора я не слышал. Его речь меня, как и других делегатов, глубоко взволновала.

Страшно подумать, что не прошло и года, как злодейская пуля оборвала жизнь Сергея Мироновича — любимца партии и народа, несгибаемого ленинца.

Позже Д. З. Мануильский вспоминал: «На XVII съезде партии Киров спел нам свою чудесную песню великих побед... гимн освобожденного труда. Ее слышат, эту песню, во всех концах земного шара».

Я всегда восхищался глубиной мысли, знанием жизни и творческой инициативой Павла Петровича Постышева в партийной работе. Мне довелось встречаться и беседовать с ним в те годы. Он часто выступал перед комсомольцами, выступал умно, горячо, не шаблонно. Не раз после его выступлений приходилось слышать: надо работать на три «П», что означало, как Павел Петрович Постышев.

На съезде Постышев говорил о том, что партия подводит итоги не только за истекший от XVI съезда период, но и за все десятилетие борьбы за торжество ленинских идей после смерти В. И. Ленина.

Страстно, темпераментно, увлеченно говорил Серго Орджоникидзе об успехах промышленности: «Если взять наши автотракторные заводы — в Европе таких заводов нет. Если взять наш тракторный Челябинский завод, то такого огромнейшего и роскошнейшего завода нет не только в Европе, но, кажется, и в Америке».

Об опыте социалистического строительства, коммунистическом воспитании советских людей говорили в своих выступлениях М. И. Калинин, С. В. Косиор, В. Я. Чубарь, Н. К. Крупская, Г. М. Кржижановский, М. И. Ульянова...

Под бурные, продолжительные аплодисменты делегатов генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев сказал: «Ленинский комсомол прекрасно сознает свою роль ударной бригады, которая должна наиболее самоотверженно, наиболее героически драться на фронтах в будущей войне, которой нам грозят.

И смею нашу партию в лице ее съезда заверить в том, что эти миллионные пополнения будут являться самыми выдержанными, самыми смелыми бойцами».

На фронте комсомольцы действительно показали образцы выдержки, смелости, доблести и геройства.

Съезд победителей! Сколько раз я мысленно возвращался к его работе, принятым им решениям. Что стало бы с нами, с нашей страной в жестокой войне, если бы в свое время не победила генеральная линия партии, если бы не была создана мощная индустрия на востоке страны? Что стало бы, если бы не появились авиационная, тракторная, химическая и другие новые отрасли промышленности, а в сельском хозяйстве — колхозы и совхозы?

В 1940 году в нашей стране было выплавлено свыше 18 млн. тонн стали, добыто 31,1 млн. тонн нефти, 166 млн. тонн угля. Валовая продукция всей промышленности выросла по сравнению с 1913 годом в 8,5 раза, а производство средств производства — в 15,5 раза.

Наше счастье, что Советский Союз к моменту нападения фашистской Германии обладал достаточными экономическими возможностями для создания сложного военного хозяйства, неуклонного увеличения военного потенциала.

О величии дел партии, о преемственности коммунистических традиций рассказывал я своим боевым друзьям.

* * *

Эшелон разгрузился на станции Суковкино. Здесь нам сообщили, что дивизия включена в состав 53-й армии вновь созданного резервного Степного фронта.

20 апреля части дивизии сосредоточились в районе населенных пунктов Алексеево, Жирновец, Быково, Дарьевка, Бычек Курской области.

Через несколько дней в дивизию прибыло пополнение.

В воздухе пахло весной. Лопались почки, выбрасывая зеленые клинки листьев. Солнце нежило и ласкало солдат. Шинели — побоку. И на гимнастерке хочется расстегнуть хоть верхнюю пуговицу.

Бойцы пришли к нам в основном пожилые, только-только призванные из запаса. Они еще тосковали по оставленной работе, по привычным станкам, по земле, ждущей хозяина-хлебороба.

Такие люди втягиваются в армейскую службу труднее и медленнее, чем молодежь. Какой-нибудь полтавский парубок или заонежский отчаянный гармонист, надев военную форму, торопился то ли зеркало найти, то ли хоть в луже на свое

отражение полюбоваться, а в мыслях уже совершал дела необыкновенные и купался в славе. Пожилой солдат начинал с того, что записывал номер полевой почты и тут же садился за письмо домой, с товарищами заводил беседу о жене, о детях, колхозных или заводских делах.

Молодых привлекала даже внешняя сторона воинской службы — четкость команд, отточенность строевых приемов, могучая своей слитностью поступь марширующих колонн... Пожилой в службу включался медленно, без горячки, зная, что делает самое большое и важное дело на земле.

Встречали мы пополнение торжественно. Выстраивался весь личный состав. Выносилось Знамя части. Наши ветераны рассказывали о минувших боях.

По-разному слушали их бойцы из пополнения. Для одних традиции заиюльевцев сразу становились чем-то родным и близким. А другие слушали выступления ветеранов довольно рассеянно.

Не следует забывать, что многие люди из российской глубинки знали о войне и фашистах в основном только по газетным статьям. Ненависть к врагу еще не стала их личным чувством, личным делом. А боец без ненависти, без всепоглощающей жажды мести еще не настоящий боец.

Нужны были факты, живые свидетельства очевидцев, рассказанные убедительно и страстно, без стершихся слов, чтобы ненависть зажгла сердца даже самых равнодушных.

Был у нас в 228-м полку такой политработник, старший лейтенант Вячеслав Мыц, кировоградец, рабочий с завода «Красная Звезда», а на фронте политрук роты, затем комиссар батальона. Храбрейший человек, первый в атаках, трижды раненный и ни разу не эвакуировавшийся далее медсанбата. Разговаривал он обычно так тихо, что приходилось напрягать слух, чтобы разобрать все слова. Но в этой «тихости», в полном отсутствии всякой рисовки крылся секрет особой задушевности и искренности.

Бойцы слушали Мыца затаив дыхание. А он рисовал картину за картиной. Вот как бы вырастает из тумана высота Пунктирная, холм, покрытый ноздреватым и рыхлым после оттепели снегом. Затих бой. Умолкли орудия. Отстучали свое пулеметы. Среди наших потерь самая страшная — полковой медпункт. Гитлеровцы захватили в плен раненых бойцов, которые не в силах были передвигаться. В плен?.. Из траншей противника вылетают на снег связанные по рукам и ногам раненые солдаты. Грохот... Черный дым... Клочья тел. Неслыханное, невиданное черное дело: фашисты прикрепили к раненым противопехотные мины и

взорвали их...

...Деревенская изба, чистая, аккуратная... Четырнадцатилетняя девочка забилась в угол на русской печи. К ней тянет здоровенные ручищи дюжий эсэсовец. Отец девочки оттаскивает его. Приятели эсэсовца со смехом хватают хозяина избы, вяжут петлю из бельевой веревки, закидывают другой конец через потолочную балку. Девочка кричит, отчаянно, надрывно... Отец раскачивается в петле перед ее глазами...

Мыц читает письмо жителей деревни Левошкино, опубликованное в дивизионной газете. Он выделяет заключительные слова письма:

«Вас ждут еще тысячи и тысячи советских людей, измученных и исстрадавшихся под фашистским ярмом. Помните об этом, наши спасители!..»

Голос Мыца обрывается.

Дальше говорить он не может. Только шепчет:

— Мстить надо, мстить!

И это тихое «мстить» переросло в гром на импровизированном митинге. Бойцы, словно наэлектризованные, потрясали винтовками и автоматами:

— Мстить, мстить!

И уже сама собой зазвучала песня. Это запели в первом батальоне:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

И сразу же ее подхватили в других батальонах. Мощная, потрясающая души людей мелодия неслась над деревней:

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Слова песни звучали как клятва.

* * *

В составе 58-й армии мы находились недолго. Совершив 125-километровый марш, наши полки сосредоточились в районе

населенных пунктов Денисовка, Сидоровка, Плотско-Букреевка Щигровского района Курской области и поступили в распоряжение командующего Центральным фронтом.

Я был в 107-м полку, когда мне сообщили, что у комдива меня ждет представитель фронта. Вхожу в крестьянскую избу. Рядом с комдивом за столом сидит генерал, невысокий, смуглый, остриженный под машинку.

— Галаджев...

Сергея Федоровича Галаджева — начальника политуправления Центрального фронта — мы видели впервые. Однако держался он, как давний добрый знакомый.

Мы рассказали ему о боевом пути дивизии, о наших командирах и политработниках. Не скрыли тревоживших нас мыслей. Дивизия долго сражалась в лесах и болотах, где и танк увязнет, и бронетранспортер не пройдет. У наших солдат выработалась психология лесного боя, где все решают внезапность, находчивость, моральное превосходство над солдатом противника. А здесь равнина. Здесь простор для танковых масс, с которыми большинство наших людей еще не встречалось.

Весь день начальник политуправления провел с бойцами в наших подразделениях — беседовал, расспрашивал, рассказывал. К вечеру приказал собрать командиров и политработников дивизии. Сергей Федорович проинформировал о положении на фронте, о предстоящих боях. В зимнем наступлении советские войска в районе Курска продвинулись далеко вперед. Образовался огромный двухсоткилометровый выступ. Он имел для нас большое значение как плацдарм для дальнейшего наступления. Немецкое командование не могло смириться с существованием этого выступа и собиралось мощными ударами с двух сторон срезать его, окружив здесь наши войска.

Галаджев говорил обо всем открыто, ничего не скрывал. Говорил страстно, резко, вглядываясь в лица, словно стремясь разгадать, о чем думают его слушатели, что они за люди.

— Планы врага должны быть сорваны. И за это несет ответственность перед всем народом, перед всей страной и ваша дивизия, и каждый ее воин, — сказал Галаджев.

Его выступление было образцом партийной прямоты. Мы долго еще беседовали с начальником политуправления о боевой подготовке дивизии. Было определено решающее звено в работе: надо учить людей бороться с танками.

Гитлеровское командование делало большую ставку на новые типы тяжелых танков T-V, «пантера», и T-VI, «тигр», и на самоходку «фердинанд». Эти новые немецкие танки имели более

сильное бронирование и вооружение. Враг всячески рекламировал неуязвимость своих танков.

Почти месяц занималась дивизия боевой учебой. Занятия шли и днем и ночью. Раз за разом повторялась «танковая атака». Танки наползали на траншеи, в которых сидели бойцы. Осыпались комья глины. Но солдаты под танком были вне опасности. Машина проходила через окопы, бойцы поднимались, забрасывали ее учебными гранатами, встречали «огнем» наступавшую за ней пехоту.

Все командиры и политработники стрелковых частей прошли «танковую обкатку». И в этом случае нужно было агитировать личным примером.

Начальник артиллерии дивизии полковник Иван Семенович Зарецкий проводил боевые стрельбы по трофейным немецким танкам из пушек и противотанковых ружей.

По распоряжению Галаджева к нам направили из других частей бывалых солдат — участников Сталинградской битвы, они учили, как подбрасывать под танки мины и противотанковые гранаты, разрывавшие звенья гусениц и опорные катки.

Среди наших политработников было немало людей, не имевших специального военного образования. Сейчас, однако, потребовалось, чтобы и военные знания политсостава не уступали командирским.

Мы учились и сдавали зачеты по Боевому уставу пехоты 1942 года, обобщавшему опыт первого года войны. У меня поныне хранится выписка из приказа по войскам фронта за подписью Рокоссовского, Телегина и Галаджева о том, что я сдал зачет с оценкой «хорошо».

Но учеба учебой, а война войной. Фронт был близко, и все части дивизии находились в постоянной боевой готовности. Вражеская авиация совершала разведывательные полеты, бомбила наши подразделения.

Командир дивизии приказал подготовить стрелковое оружие для ведения огня по самолетам. Трудно сбить самолет даже зенитками, а стрельба из винтовок, казалось бы, — вовсе дело пустое. Однако у бойца другое самочувствие, когда он не беззащитен, когда знает, что стреляет по врагу. А однажды бойцы роты противотанковых ружей 107-го полка залповым огнем сбили немецкий бомбардировщик.

Все чаще в небе появлялись наши истребители. Был случай, когда они посадили вражеский бомбардировщик в районе расположения 111-го полка. А 2 июня мы с волнением наблюдали за воздушным сражением над Курском. В бою участвовало по нескольку сот самолетов с каждой стороны. Тогда за один день

наши истребители сбили 114 вражеских самолетов. Кроме того, огнем зенитной артиллерии было сбито 48 фашистских стервятников. Взято в плен 62 немецких летчика.

* * *

Совершив 130-километровый марш, мы 9 июня сосредоточились почти у самой вершины Курского выступа и вошли в состав 60-й армии. Командовал ею генерал-лейтенант Иван Данилович Черняховский, талантливый, образованный, глубоко мыслящий, решительный и смелый военачальник.

Он приехал в дивизию на следующий день после нашего прибытия. Задачи, поставленные им перед дивизией, были сформулированы с предельной ясностью и четкостью: немедленно приступить к сооружению второй полосы обороны по восточному берегу реки Свапа.

Во всех частях закипела работа. По указанию начальника инженерной службы армии бойцы рыли траншеи, ходы сообщения, убежища, строили блиндажи, дзоты. Оборудовались огневые позиции, командные и наблюдательные пункты, укрытия для боеприпасов, продовольствия и машин. Помогали нам транспортом и местные органы власти.

Мы всячески поддерживали социалистическое соревнование между подразделениями. Часто прерывали оборонительные работы внезапными учебно-боевыми тревогами. Это способствовало повышению боеготовности личного состава.

«Завтра битва, грозная, опасная» — об этом ежедневно напоминали красноармейцам в своих беседах политработники.

К 1 июля вторая полоса обороны армии была принята представителями штаба армии с хорошей оценкой. Несколько офицеров, сержантов и солдат, особо отличившихся на строительстве, награждены орденами и медалями.

* * *

...Многое менялось в армии в 1943 году.

Прибыла директива Главного политического управления РККА о реорганизации структуры армейских партийных и комсомольских организаций. Она основывалась на постановлении Центрального Комитета ВКП(б). Вопрос этот давно уже назрел.

В самом деле, в первичных организациях наших стрелковых полков насчитывалось больше двадцати пяти ротных и равных им парторганизаций. В боевой обстановке партбюро полка зачастую не могло по-настоящему руководить ими. Даже заявления о приеме в партию порой залеживались. Бывало, люди, подавшие их, после ранений отправлялись в тыловые госпитали, возвращались в другие части, так и не получив партбилетов. Обидно! Неправильно!

Теперь дело менялось. В полках создавались бюро с правами комитетов, а в батальонах — первичные партийные и комсомольские организации.

Вместо избираемых секретарей партийных и комсомольских организаций вводился институт назначаемых парторгов и комсоргов полков, батальонов и рот. Это тоже было продиктовано жизнью. В боях секретари партийных, комсомольских организаций и члены бюро часто выбывали из строя, а созыв собраний для избрания членов бюро и новых секретарей далеко не всегда был возможен. И получалось, что в самые жаркие, самые ответственные моменты многие партийные и комсомольские организации оказывались без руководителей.

Теперь в случае выхода руководителя из строя не нужно было дожидаться затишья, чтобы избрать членов бюро на партийном или комсомольском собрании. Подбор состава бюро возлагался на заместителя командира полка по политической части и парторга, утверждение — на политотдел дивизии. Отступление от демократии? Да, в известной степени это сужало внутрипартийную демократию. Но всем понятно, что такое решение ЦК партии было вызвано конкретными условиями военного времени. Однако и в этих условиях парторгами и комсоргами назначались, как правило, люди, которых избрали бы и сами коммунисты и комсомольцы.

Устанавливался и новый порядок прохождения дел о приеме в партию. Все заявления должны были, как правило, рассматриваться на собрании ротной партийной организации. Решение принимало бюро первичной организации, и утверждалось оно партийной комиссией при политотделе соединения, минуя общее собрание первичной партийной организации.

Выполняя директиву Главного политического управления, политотдел провел большую организационную работу. В батальонах, дивизионах, а также в отдельных ротах и батареях, непосредственно входивших в состав полков, были созданы 54 первичные партийные организации, в ротах и батареях — 61 партийная организация и 14 кандидатских групп.

Создание полнокровных партийных организаций во всех частях и подразделениях стало возможным благодаря росту рядов партии. Несмотря на значительные потери коммунистов во время последних боев на Северо-Западном фронте, в июле в дивизии насчитывалось 1080 членов и кандидатов партии.

Парторгами полков стали люди с большим опытом, испытанные и проверенные в боях: Иван Иванович Мухин, Илья Иванович Недотанов, Касым Адурхаевич Абайханов, Дмитрий Иванович Власов. Каждый из них по-своему запомнился мне. Энергичный, бесстрашный капитан Мухин начал службу в дивизии политруком роты, отличился в боях под Левошкино уже как заместитель командира батальона по политчасти, после ранения отказался уехать в госпиталь, лечился в медсанбате...

Старший лейтенант Недотанов из шахтерского племени — а это уже само по себе служило отличной рекомендацией, — отвагу свою показал в первых же боях.

Дмитрий Власов — сын старого рабочего-большевика. Еще подростком стал к станку. В тридцатом мы вместе с ним участвовали в работе по коллективизации деревни на Рязанщине. Тогда комсомольцы называли Власова: наш Митяй. Он был храбр и рассудителен. Уже тогда в нем созревали качества комсомольского вожака. Теперь он возмужал, стал увереннее, спокойнее, крепче. А добрую свою улыбку и юношеское обаяние сохранил. Неведомо как проникло в полк прозвище Митяй. Но одно то, что оно привилось, свидетельствовало о том, что новый парторг пришелся красноармейцам по сердцу.

Как и другие парторги, Власов уделял большое внимание воспитанию комсомольцев, всегда опирался на них. В дивизии увеличилось число первичных комсомольских организаций. Их структура совершенствовалась. Стало больше освобожденных комсоргов. Под руководством политотдела замполиты и парторги оказывали им помощь в усилении комсомольского влияния на молодых воинов.

Все дружнее и крепче становилась наша семья политработников. Жаль, что с ней расставался полковник Н. В. Шведов. Должности заместителя командира дивизии по политчасти и начальника политотдела объединились, и Никифора Викторовича, по его желанию, назначили на командную должность.

Мы прощались с ним в небольшом фруктовом саду, в деревне Хатуши. Стрельба вдали утихла. Откуда-то доносились песни под гармонь. Многое мы вспомнили, мечтали и о будущем. А потом, все-таки преодолев сентиментальное настроение, возвратились к делам сегодняшнего дня, обменялись мыслями об одном

неожиданном решении, которое беспокоило меня, да и не только меня. Речь идет об упразднении института заместителей командиров рот по политчасти.

— Трудно будет нам без этих политработников. Много, очень много сделали они для нашей армии, — сказал я Никифору Викторовичу и сослался на статью, опубликованную 22 марта 1942 года в «Правде». В этой статье есть такие строки: «В историю Великой Отечественной войны как одна из славных и почетных ее фигур войдет фигура политрука, с автоматом в руках, в маскировочном халате и каске, идущего впереди и увлекающего за собой бойцов к достижению возвышенной и благородной цели — разгрома германских фашистов и освобождения своего Отечества».

Кому-кому, а нам, работникам политотдела, было хорошо известно, что ротный политрук ближе всех находился к рядовым бойцам, всегда жил и сражался плечом к плечу с ними, был их душой, совестью и честью.

Выслушав меня, Никифор Викторович сказал:

— Хорошо понимаю тебя, Николай Борисович. Верно говоришь, действительно, политруки прославились как настоящие политические бойцы партии. Теперь место политрука займет парторг роты.

Конечно, Шведов был прав. Роль парторгов в ротах, батареях действительно возросла. И все же долго еще красноармейцы самым душевным словом вспоминали своих политруков.

Разговор переключился на другую тему. Никифора Викторовича выдвинули на командную должность, и ему хотелось поделиться со мной мыслями о своей будущей службе. Переход на командную работу он считал естественным стремлением многих бывших комиссаров. Находясь на равных правах с командирами, комиссары привыкли смело и квалифицированно решать и чисто военные вопросы.

Таким был и Н. В. Шведов. Родился он на Волге. Рано остался сиротой, батрачил у кулаков, работал на рыбных промыслах. Коммунист с двадцать восьмого, в армии с тридцать четвертого года. Прошел путь от политрука роты до комиссара дивизии. Повидал всякого. Крещение огнем получил в боях с белофиннами. На Отечественной войне с первых дней.

— Знаешь, горжусь тем, что партия выдвинула меня на политработу, — сказал Шведов, — но чувствую, что смогу быть полезным и на командном посту. И если партия доверяет мне этот пост, то и на нем я останусь ее политбойцом. Ведь такова природа нашей рабоче-крестьянской армии, что и командир и политработник в ней — единомышленники, люди, спаянные

единством воли и действий, единством коренных интересов партии и народа.

Мы говорили с Никифором Викторовичем почти всю ночь. Расстались на рассвете, когда запели курские соловьи, и расстались навсегда. Шведов учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе в Москве, потом успешно командовал полком в 27-й гвардейской стрелковой дивизии. Уже после войны я узнал от жены Шведова — Александры Федоровны о его письме, которое 20 апреля 1945 года он прислал своей семье. Вот строки из этого письма: «Жив и здоров, идут бои очень жаркие. Скоро начнем штурмовать Берлин. Будьте здоровы и счастливы. Остаюсь всегда ваш...»

23 апреля 1945 года Никифор Викторович Шведов погиб на берегах Шпре. Похоронен он в городе Зоннеберг.

Этот добрый и умный человек остался в моей памяти среди многих моих учителей жизни на войне. Он был из тех советских офицеров, в которых органически сочетались военные и политические качества, командирские и комиссарские навыки, из тех, кому в первую очередь посвящена эта книга.

Теперь многие буржуазные историки стремятся извратить существо и характер института военных комиссаров в Красной Армии. Они клевещут, будто его введение в начале Великой Отечественной войны являлось свидетельством недоверия к командному составу. Некий Панас Феденко, подвизавшийся в так называемом «Институте по изучению СССР» в ФРГ, объясняет введение института комиссаров тем, что «нужен был надзор партийных комиссаров над командирами Красной Армии».

Между тем нам хорошо известно, что введение в наиболее трудный первый период войны института военных комиссаров было продиктовано совершенно иными причинами. Положение о комиссарах ни в малейшей степени не умаляло роли и ответственности командиров. Оно от начала до конца пронизано мыслью о единстве военной и политической работы, неразрывности целей командира и комиссара в повышении боеспособности войск и укреплении воинской дисциплины. И от командиров, и от комиссаров, политработников партия в одинаковой мере требовала быть боевыми носителями духа Коммунистической партии, ее дисциплины, твердости, самоотверженности, мужества и непоколебимой воли к победе в борьбе с врагами социалистической Родины.

Комиссары на деле были полномочными представителями партии и Советского правительства. Они глубоко вникали в боевую обстановку, помогали командирам разрабатывать приказы, строго контролировали их выполнение, беспощадно

боролись с трусами, паникерами, нытиками, воспитывали воинов в духе храбрости и стойкости.

Один из старейших командиров Советской Армии, участник гражданской и Великой Отечественной войн, член партии с 1918 года генерал-майор Иван Федорович Куц, характеризуя комиссаров, писал: «Для меня это служило высшим эталоном определения человеческой личности. Такое мнение определилось у меня на основании личного опыта... Я хорошо понял, что такое комиссар. Если он старше меня — это отец, учитель, боевой товарищ. Бывали моложе меня партийным стажем — и это были настоящие друзья, верные соратники, на которых можно было опереться в самый трудный опасный момент. Все они были высокоидейные, беззаветно преданные делу партии, кристально чистые большевики»[11].

А. Х. Бабаджанян (позже Главный маршал бронетанковых войск) в 1941 году командовал на фронте полком. Вот что он пишет о комиссаре своего полка Н. И. Пивоварове: «Он мастер был понимать, я — нет. Но, наверное, потому именно он был комиссаром, а я строевым командиром. И учился у него постижению этой науки понимать, понимать человека. Без ложной скромности скажу, что, наверное, политработники потому и дружили со мной, что замечали мое прилежание в постижении этой науки». И далее: «Командир, — любил говорить Н. И. Пивоваров, — ты думай о том, как полку достигать победы в бою, остальное доверь мне — дисциплину, сознательность, снабжение... Не подведу»[12].

Он не подводил. Он был из славной когорты старых кадровых комиссаров Красной Армии. Это о таких, как он, наверное, впервые кто-то сказал: душа полка.

От себя добавим, что недаром бойцы пели на фронте:

Беззаветно сражаясь с врагами,
Истребляя фашистских змей,
Береги комиссара, как знамя,
Защищай его грудью своей.

В лице комиссаров фашисты видели самых опасных для них людей. Вот почему гитлеровцы питали к ним самую лютую ненависть. Характерен такой факт. Еще за три недели до начала вероломного нападения Германии на Советский Союз бригаденфюрер СС генерал-майор войск СС Глюке разослал войскам совершенно секретную директиву командования об обращении с политическими комиссарами Красной Армии. В ней, в частности, говорилось: «Политических комиссаров во вражеских

войсках можно опознать по особым знакам отличия — красной звезде с вытканными золотом серпом и молотом на рукаве. ...Эти комиссары не признаются в качестве солдат; на них не распространяется защита, предоставляемая военнопленным по международным правам. После отделения их следует уничтожать».

Главная ставка Гитлера в своем приказе наставляла солдат и офицеров: «Политические руководители в войсках (советских. — *Н. И.*) не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются»[13].

А вот еще одно признание. Бывший заместитель начальника оперативного отдела штаба ОКВ генерал Вальтер Варлимонт, допрошенный на предварительном следствии в связи с Нюрнбергским процессом, показал: «Незадолго до начала военных действий я присутствовал на собрании главнокомандующих вооруженными силами вместе с их начальниками штабов, командующими армейскими группами, армиями, а также командующими взаимодействующими армейскими группами авиации и военно-морского флота.

На этом собрании Гитлер заявил, что он предпринимает специальные меры против политработников и комиссаров Красной Армии. Война против СССР будет не обычной войной, это будет борьба противоположных идеологий. Поэтому нельзя рассматривать политработников и комиссаров Красной Армии как обычных военнопленных. Их нужно будет Передавать особым группам полиции безопасности и СД, которые последуют за немецкой армией в Россию».

На Нюрнбергском процессе советский обвинитель генерал Р. А. Руденко спросил Кейтеля: «Значит, вы не отрицаете, что еще в мае, более чем за месяц до войны, уже был запроектирован документ об уничтожении русских политических и военных работников? Вы не отрицаете этого?

Кейтель: Нет, я не отрицаю этого...»[14]

Гитлеровское командование даже установило систему специальных донесений о казненных политработниках Красной Армии.

Страшные приказы и донесения! И немецко-фашистские захватчики выполняли их неукоснительно.

По далеко не полным данным, офицеры 16-й немецкой армии только в первые пять месяцев войны зверски убили и замучили более 70 комиссаров и политработников Красной Армии[15]. Теперь уже нашим воинам известно, что гитлеровцы расстреляли героя обороны Брестской крепости полкового комиссара Е. М. Фомина, извлеченного из-под обломков взорванной стены.

Трагически погиб член Военного совета Юго-Западного фронта дивизионный комиссар Евгений Павлович Рыков. Несмотря на тяжелое ранение, фашисты подвергли его жестоким пыткам. Но сломить волю этого человека извергам не удалось.

Даже после войны битые гитлеровские генералы не могут скрыть своей звериной ненависти к политработникам. «С точки зрения международного права, — читаем в мемуарах Манштейна «Утерянные победы», — политические комиссары вряд ли могли пользоваться привилегиями, распространяющимися на военнослужащих. Они, конечно, не были солдатами»[16].

Не были солдатами? Это такая клевета, которая даже не требует опровержения. Политработники всех рангов были на самых опасных участках.

У Всеволода Вишневского в «Оптимистической трагедии» есть строки: «До последнего дыхания, до последней возможности двинуть рукой, хотя бы левой, боец-коммунист будет действовать... Гибнешь, топор падает на шею — и последнюю мысль отдай революции. Помни, что и смерть бывает партийной работой».

Именно «партийной работой» стала смерть многих комиссаров и политработников, которые в критические минуты боев во имя победы жертвовали самым дорогим — своей жизнью.

В тяжелые дни сорок первого политработники всех рангов были на самых опасных участках. Когда наши войска были окружены под Вязьмой, к члену Военного совета 20-й армии Федору Алексеевичу Семеновскому пришел летчик:

— Товарищ корпусной комиссар, за вами прислан самолет.

— Доложите, — ответил Федор Алексеевич, — что корпусной комиссар Семеновский оставление войск в трудную минуту рассматривает как предательство. В самолет возьмите раненых.

Окруженные подразделения шли на прорыв. Фашистская пуля сразила Семеновского, когда до своих оставалось 100–150 метров.

Отказался вылететь последним самолетом из Севастополя комиссар 3-й Особой авиагруппы полковой комиссар Борис Евгеньевич Михайлов. Он предпочел остаться со своими подчиненными и вместе с ними сражался до последнего вздоха.

Теперь мы знаем, что члены военных советов 6-й и 12-й армий депутаты Верховного Совета СССР, бригадные комиссары — бывший секретарь Донецкого обкома партии Петр Митрофанович Любавин и бывший секретарь Станиславского обкома Михаил Васильевич Груленко оказались в окружении. Они вместе пробивались к своим и, несмотря на полученные ранения, участвовали в боях.

Вражеские автоматчики плотно окружили их. Последовали

призывы сдаваться в плен. Груленко громко ответил:

— Комиссары не сдаются!

А когда в обоймах осталось по последнему патрону и положение стало безвыходным, бригадные комиссары обнялись и свои последние пули израсходовали на себя, предпочитая смерть фашистскому плену.

Политработники были самыми лучшими, самыми преданными Родине и самоотверженными солдатами. И это, хотя у Манштейнов короткая память, вынуждены были признавать они сами.

В захваченном немецком документе «Источники военной мощи Красной Армии» сказано так: «...Мы составляем о нем, солдате Красной Армии, представление благодаря тому, что хорошо познакомились с ним. Среди них прежде всего выделяются комиссары — политруки рот, комиссары батальонов, полков.

В одном из крупных сражений, когда русские были окружены и сопротивление их было ослаблено, я наблюдал комиссара, который вновь и вновь поднимал в бой части.

Мы подошли к ним вплотную, в рукопашном бою они были уничтожены один за другим. Последним остался комиссар батальона, он яростно отстреливался. Его окружили. Тогда он взял последнюю гранату, и, в то время, когда мы пытались скрытно приблизиться к нему, он поднес гранату к лицу, к краю каски. Раздался глухой взрыв, и тело комиссара поникло»[17].

Что ж, мы, политработники, принимаем к сведению вынужденные признания врагов, которым не под силу отрицать нашу доблесть.

А ложь о наших комиссарах, о недоверии, которое якобы большевики питали к командирам, потребовалась фальсификаторам истории Великой Отечественной войны для того, чтобы бросить тень на деятельность нашей партии, сумевшей в трудных условиях организовать решительный отпор немецко-фашистским захватчикам и обеспечить всемирно-историческую победу советского народа в войне против фашистской Германии и милитаристской Японии.

Вспоминая о комиссарах и политработниках Красной Армии периода Великой Отечественной войны, хочется особо подчеркнуть, что они не только продолжили, но и приумножили традиции легендарных комиссаров, политработников гражданской войны Дмитрия Фурманова, Николая Маркина, Антона Булина, Павла Батурина, Карла Данишевского, Георгия Пылаева, Михаила Янышева и многих других.

Это о них, комиссарах гражданской войны, Алексей Сурков

писал: «Большевистский комиссар! Какой светлой народной любовью окружено это рожденное революцией понятие!..

Все они были рыцарями без страха и упрека.

Что им давало высокое звание ленинских комиссаров, народных уполномоченных Октябрьской революции?

Право первыми броситься в гущу боя, не думая о своей жизни. Право на неограниченную ненависть и злобу врагов, которые вырезали на их телах звезды, мучили их и издевались над ними, раньше чем лишить жизни. Право пойти против течения, если стихия смуты разбушевалась и грозит опасностью революции. Высокое и радостное право нести в народные массы окрыляющие слова ленинской правды, словом и делом выковывать сильные и целеустремленные человеческие характеры.

Потому-то так высок был авторитет большевистского комиссара в красноармейской среде. Потому-то так ненавидели комиссаров враги революции. Потому-то партия в те трудные годы придавала такое огромное значение этому самой революционной действительностью рожденному институту».

Да, комиссары и политработники наши олицетворяли собой лучших бойцов ленинской партии. Вновь и вновь я вспоминаю своих товарищей по партийно-политической работе Сергея Чекмарева и Петра Межуева, Шайхуллу Чанбарисова и Михаила Грановского, Иосифа Куликова и Андрея Окорокова, Никифора Шведова и Вячеслава Мыца, Георгия Кузнецова и Сергея Галаджева, Александра Котикова и Василия Шабанова. Вспоминаю их и прихожу к глубокому убеждению, что в их неутомимой работе на фронтах четко просматривается связь времен и преемственность поколений революции. В их деятельности ярко проявились благородные черты политработников, ковавших победу в Великой Отечественной войне. Все они оставили в моем сердце частицу себя.

Думается, не только наши современники, но и те люди, что будут жить после нас, через толщу времени увидят деяния тех, чье слово и личный пример в тяжелые для Родины дни поднимали людей на ратные подвиги. И наверно, немало людей унаследуют от комиссаров их страстность, могучую силу их идейной убежденности, непоколебимую веру в торжество ленинского учения.

В стихотворении Григория Люшнина «Баллада о комиссарах» мне слышатся голоса людей молодого поколения:

Вы возьмите меня в строй свой, комиссары,
Ваше знамя еще выше подниму!

Уничтожаем фашистские «тигры»

Центром военных событий летом 1943 года стала Курская дуга. Немецко-фашистское командование сосредоточило здесь крупные силы пехоты, танков, артиллерии, авиации, чтобы нанести мощные удары по войскам Красной Армии. Но ему не удалось сохранить свои планы в тайне. Наше Верховное Главнокомандование разгадало замысел противника и направление намеченных им ударов. Это позволило провести необходимую подготовку, создать укрепленные оборонительные рубежи и подтянуть силы, способные не только остановить врага, но и сокрушить его.

В гигантском сражении, к которому готовилась Красная Армия, была предопределена пусть скромная, но далеко не третьестепенная роль и нашей дивизии.

2 июля штаб 60-й армии предупредил нас: 3–5 июля надо ждать наступления немецких войск. Предположение сбылось. 5 июля гитлеровские войска двинулись из районов Орла и Белгорода на Курск.

У нас все еще было тихо, словно мы находились на острове, выключенном из войны. А вдали от наших позиций в безоблачном, по-летнему синем небе кружились сотни самолетов, своих и чужих.

Мы ждали распоряжений из штаба 60-й армии.

Главный удар в полосе Центрального фронта противник сначала наносил в направлении на Ольховатку. Здесь гитлеровцы ввели в бой три пехотные и две танковые дивизии. На боевые позиции наших войск обрушились сотни танков, тысячи орудий, сотни самолетов. Десятки тысяч вражеских солдат, которым долго внушали, что русские сильны только зимой, что лето — время фюрера, яростно рвались вперед. Хотя фашисты потерпели тяжелейшее поражение под Москвой и Сталинградом, многие из них все еще верили в Гитлера и дрались с упорством фанатиков. Но как ни силен был удар врага, немецкое командование не достигло цели. В первый день наступления противник, понеся огромные потери, вклинился в нашу глубоко эшелонированную оборону всего на 5–8 километров. Этот частный успех был для фашистских захватчиков равнозначен первому поражению.

Гитлеровское командование было вынуждено перенести тяжесть главного удара в направлении станции Поныри.

6 июля мы получили приказ подготовить дивизию к переброске на автомашинах в район боевых действий. В наше распоряжение предоставили три автобатальона.

В своих воспоминаниях «Солдатский долг» Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, командовавший в то время Центральным фронтом, объясняет причину срочной переброски нашей дивизии. Ранее для усиления фронта Ставка Верховного Главнокомандования выделила из своего резерва 27-ю армию. Но в связи с угрожающим положением на обоянском направлении ее передали Воронежскому фронту. Пришлось перебросить войска на угрожаемый участок за счет ослабления армий, находившихся на вершине Курского выступа.

Совершив 105-километровый комбинированный марш, дивизия 8 июля в полном составе была сосредоточена в полосе 13-й армии, в районе Нижне-Смородное, Рваное, Орлянка (15 километров южнее Понырей), и включена в резерв командующего Центральным фронтом.

9 июля командир дивизии с обстановкой ознакомил командиров полков, а они в свою очередь — всех офицеров. Замполиты частей собрали парторгов, комсоргов, агитаторов и зачитали опубликованную в армейской газете статью о первом опыте борьбы с новыми танками противника.

Во всех подразделениях изучались памятки по борьбе с танками «тигр», выпущенные политуправлением Центрального фронта, а также схемы с указанием уязвимых мест этого танка.

В беседах с людьми мы прежде всего интересовались, хорошо ли они усвоили приемы борьбы с танками, спрашивали, сколько у каждого противотанковых гранат. Солдаты отвечали, что знают, как бить «тигра», и что гранат имеют достаточно.

— Когда в бой? Скорее бы! — эти слова мы слышали в каждом подразделении.

11 июля уже стало ясно: немецкие дивизии на нашем участке фронта выдохлись. Наступление прекратилось. Противнику удалось вклиниться в нашу оборону лишь от 6 до 12 километров.

Анализируя ход боевых действий Центрального фронта, Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский в своих воспоминаниях «Солдатский долг» писал: «...войска Центрального фронта выполнили задачу. Упорным сопротивлением они истощили силы врага и сорвали его наступление. Северной группе немецко-фашистских войск, наступавшей с Орловского выступа силами восьми пехотных, шести танковых и одной моторизованной дивизий при поддержке 3500 орудий и свыше 1000 самолетов, не удалось прорваться навстречу своей южной группе, пробивавшейся на южном фасе Курской дуги»[18].

К этому времени Воронежский фронт остановил врага, наступавшего из района Белгорода на Обоянь. Здесь противнику все же удалось вклиниться в нашу оборону на 35 километров.

13 июля дивизия получила боевую задачу. Вечером комдив полковник Н. Н. Заиюльев вызвал командиров частей, их заместителей по политической части. Вначале доложил обстановку:

— Наступление немцев остановлено. Теперь войска фронта готовятся к контрнаступлению.

Затем рассказал о боевой задаче:

— Из резерва Центрального фронта наша дивизия поступает в распоряжение командира 17-го гвардейского стрелкового корпуса 13-й армии. Ночью мы должны совершить марш в район станции Возы и быть готовыми уничтожить противника, вклинившегося в оборону наших войск в районе Поныри, Ржавец, Александровка, Озерки.

После совещания у комдива я застал всех политотдельцев у себя в землянке. Они ждали меня и, весело разговаривая, пили чай. Время уже сблизило меня с ними. Здесь были не просто подчиненные, а друзья. Я всматривался в их лица: открытое, доброе Иохима, подвижное Ровина, худое, небритое инструктора по информации Айзена... Каждый за шуткой скрывал волнение. И хотя Ровин рассказывал о необыкновенных зажигалках, которые ему удалось добыть (он их коллекционировал), а другие делали вид, что увлечены его рассказом, в сущности все думали о предстоящем наступлении. И все были рады перейти к делу. Быстро договорились, кто в какой полк идет. И вскоре разошлись.

На следующий день в политотделе остался только мой заместитель майор Ровин.

Ровин был у нас политотдельским «начальником штаба». Ефим Маркович любил держать в своих руках все нити информации, мгновенно и умно обобщал поступавшие из полков сведения, своевременно докладывал о них начальству. Ровин был хорошим оратором, но выступал излишне академически. Бывает так: человек читает блестящие лекции, а сказать короткое зажигающее слово, в котором так нуждаются бойцы перед боем, не всегда может. Но когда требовались высокая эрудиция, методичность, усидчивость, Ровин был незаменим.

Я провел ночь перед наступлением в 107-м полку. Вместе с замполитом полка майором Г. И. Кузнецовым мы пошли в 1-й батальон, которым временно командовал начальник штаба полка майор Николай Степанович Локтионов.

К этому времени батальон занял исходное положение для атаки. Командиры и политработники, как говорилось тогда, доводили боевую задачу до каждого воина. Есть в военном языке такие неизящные, но абсолютно точные выражения: «Доводить до каждого». Именно доводить, чтобы задача дошла до сознания

любого бойца, а не осталась лишь в документах на командном пункте. Мы рассказывали о провалившихся планах немецкого командования, о героизме наших солдат в боях под Понырями, о том, что настало время и нам сравняться с ними в мужестве.

— Наступать будет нелегко. Перед нами шестая пехотная дивизия немцев и до сотни танков... — начал я разговор в одной из рот.

— Так много? — прозвучал чей-то встревоженный голос. Но тут заговорили почти все сразу:

— Ничего, будем бить!.. Давно руки чешутся!..

Желание наступать было огромное, уверенность в своих силах — неодолимая, и это уже, по крайней мере, половина победы!

Ночью многие солдаты не спали. Трудно даже привычным ко всему людям заснуть перед боем! Хочется говорить о самом близком, дорогом, о том, за что завтра пойдешь хоть на смерть.

Родина? Конечно Родина! Но ведь она каждому видится по-своему — через свою любовь, свои березки...

В землянках и укрытиях фронтовые друзья открывали друг другу самые сокровенные мысли, писали письма, складывали треугольниками и отдавали старшине роты.

Кто-то рядом со мной вполголоса запел полюбившуюся фронтовикам песню:

...Ты меня ждешь
И у детской кроватки не спишь,
И поэтому, знаю,
Со мной ничего не случится...

Что ж, может быть, в этой вере в особую силу женской преданности и чистоты, способную охранять солдата от смерти, был свой глубокий смысл.

Подошел парторг батальона капитан Клименко, высокий, худощавый, с жестким обветренным лицом. Считался он человеком суховатым. На политработу был переведен с командной должности. Разговаривать много не любил. Сев рядом со мной, Клименко вынул из полевой сумки пачку бумаг и молча подал мне.

— Что это?

— Двадцать девять заявлений с просьбой принять в партию. Все они поданы сегодня... Вот так!

Было темно, и я не мог прочесть заявлений, но я перебирал их и, мне кажется, даже на ощупь угадывал биение сердец, которые отдавали себя партии до конца.

— Вот так!.. — повторил Клименко. Он не хотел выдавать волнение и закончил официально: — Разрешите идти. Надо подготовить и рано утром провести заседание партбюро.

— Иди, Василий Никитич!

Я отдал ему заявления, пожал руку.

15 июля на рассвете я возвратился на КП дивизии. В 5 часов 45 минут началась артиллерийская подготовка. В небе появилась наша авиация. Гул непрерывный, все нарастающий. Раздались тысячи взрывов. Слившись воедино, они как бы потрясли небо и землю.

На наблюдательном пункте дивизии находились командир 17-го гвардейского корпуса генерал-лейтенант А. Л. Бондарев и командиры приданных частей.

В 6 часов артиллерия перенесла огонь в глубь немецкой обороны и пехота поднялась в атаку.

Среди взрывов, сквозь пелену дыма было видно, что наши бойцы стремительно пошли вперед. Могучее «ура» донеслось до нас. И вот уже подразделения дивизии врываются в первую траншею противника. У меня от радости захватывает дух, учащенно бьется сердце. Вот он, долгожданный день! Многие месяцы мы его ждали, готовились к нему.

Но успех только-только обозначился. Оправившись от первого удара, фашисты стали оказывать ожесточенное сопротивление. На правом фланге дивизии 111-й полк задержался в первых траншеях противника.

— Почему полк не продвигается? Что там делает ваш командир полка? — резко спросил Бондарев. И не дождавшись ответа от комдива, обратился к начальнику политотдела корпуса и ко мне:

— Надо добраться до сто одиннадцатого полка, разобраться на месте...

Командный пункт полка мы нашли в небольшом кирпичном здании вблизи железной дороги. Противник вел усиленный огонь из дальнобойных орудий. Тревожно завывая, «юнкерсы» входили в крутое пике и бомбили.

Не успели пробраться в дом, как в него ударил тяжелый снаряд. Половины здания как не бывало. Спасла бетонная стена, перегораживавшая дом на две части. Когда рассеялись пыль и дым, мы увидели убитого Акчурина — агитатора полка и раненого инструктора политуправления фронта Алиева.

Командир полка Ш. В. Челидзе понял причину нашего прихода и, не дожидаясь вопросов, стал горячо объяснять:

— Задачу выполним. Люди готовы на все. Смотрите, какой сделали рывок. Скоро возобновим атаку. Только зачем напрасные

потери? Подбросьте огоньку. И пусть наша авиация отгонит небесных музыкантов (так называли наши солдаты пикирующие бомбардировщики противника Ю-87). Тогда мы себя покажем...

Я слушал Челидзе и чувствовал: он на ветер слов не бросает.

Подмога не заставила себя ждать. «Сыграли» гвардейские минометы, появились «яки» и «лавочкины».

Атака возобновилась. Вместе с политработниками полка мы поспешили на передний край. Призывный клич «Коммунисты и комсомольцы, вперед!» разносился во всех батальонах и ротах. Политработники полка — заместитель командира по политчасти майор Г. А. Прохоров, парторг старший лейтенант Д. И. Власов — в цепи наступающих, комсорг Николай Бобровский первым врывается в траншею противника...

Гитлеровцы применили свой излюбленный ход. На стыке частей они протолкнули группу автоматчиков, которые должны были посеять панику среди наступающих. Однако этот шаблонный прием не имел успеха. Высланный навстречу взвод младшего лейтенанта К. В. Евсеенко полностью уничтожил вражеских автоматчиков.

В районе Березового Лога произошла серьезная заминка. Гитлеровцы ураганным огнем прижали к земле нашу пехоту. Челидзе немедленно послал туда своего заместителя по строевой части майора Полякова.

Поляков был замечательным человеком. Порывистый, словно переполненный бьющей через край жизнерадостностью, веселой энергией, он умел вести за собой людей легко, без принуждения. Он сам верил в свою счастливую звезду, и другие всегда верили, что с ним не пропадешь. Поэтому, наверно, ему давалось то, что порой казалось невозможным.

Все эти замечательные качества Полякова раскрылись во время боев в окружении под Левошкино на Северо-Западном фронте. Как помнит читатель, Борис Алексеевич командовал тогда батальоном и первый в дивизии был награжден двумя орденами Красного Знамени. И хотя, конечно, отлично знал и грязь и труд войны, сохранил романтическое отношение к подвигам. Известная пушкинская строка «есть упоение в бою» могла бы выразить обычное душевное состояние Полякова. Недаром с этой строкой перекликалась песня о Полякове, сложенная его солдатами:

Два ордена Краснознаменных —
Его боевой аттестат.
Он битвою был упоенный,
Как истинный русский солдат.

Песня была не ахти какой грамотной, но пели ее долго и увлеченно.

В двадцать лет он уже в звании капитана командовал батальоном, затем стал майором и заместителем командира полка по строевой части.

Челидзе, как и все мы, безгранично доверял Полякову. Едва тот ушел, как командир полка сказал:

— Ну, теперь все будет в порядке...

Центром вражеской обороны, ее ключевым пунктом на участке, где продвижение задержалось, стал вкопанный в землю тяжелый танк. Он едва возвышался над полем боя и был плохой мишенью для нашей артиллерии. Мощная лобовая броня надежно охраняла его от осколков и выстрелов из ПТР. И орудие танка, оставаясь неуязвимым, било непрерывно и точно.

Поляков сразу нашел единственное верное решение: создать штурмовую группу. Эти штурмовые группы были удивительным тактическим нововведением, родившимся в ходе войны. Они создавались из самых смелых, находчивых и опытных солдат. Штурмовые группы неприметно обтекали неприступные доты, дзоты, вкопанные танки, забрасывали в амбразуры дотов гранаты, подкладывали взрывчатку под танки. Челидзе и я ждали сообщений от Полякова. Прошла минута... другая... пятая... И вот вдруг — взрыв. И уже вкопанный танк — не крепость, а могила. Наши бойцы во главе с Поляковым бегут, поднявшись в полный рост, и с разгона прыгают во вражескую траншею.

Вдруг 1-й батальон остановился — его прижал артогонь. Вперед пошел командир полка, сопровождал его солдат Юшков. Внезапный артиллерийский налет настиг Челидзе и Юшкова в пути. Челидзе бросился на землю, Юшков, вместо того чтобы залечь рядом, упал на командира — прикрыл его своим телом. И тут же новый разрыв. Осколок вражеского снаряда тяжело ранил солдата.

Жизнь любого человека дорога. Но в бою от командира зависят тысячи жизней. Я думаю, осознание этой истины — один из главных источников солдатской самоотверженности. Ведь так же, как Юшков спас Челидзе, в другом, 228-м, полку солдат Александр Алексеевич Карташев спас комбата Федора Максимовича Ерового... Каждый из воевавших вспомнит множество подобных солдатских подвигов...

После ранения Юшкова командир полка Челидзе при посещении подразделений в ходе боя не брал с собой сопровождающих. Мотивировал он это желанием не подвергать

их жизнь опасности. Такое решение нельзя было признать правильным. И мне пришлось поговорить с командиром полка. В дальнейшем Челидзе появлялся в подразделениях переднего края в сопровождении ординарца или связного.

Вой продолжался.

К исходу первого дня наступления 111-й полк выполнил поставленную перед ним задачу, овладев дорогой Поныри — Карпуньевка.

228-й полк в первый день наступления овладел северной окраиной Поныри-2.

* * *

До сих пор я рассказывал только о том, что видел в этом бою своими глазами (но поле зрения человеческого глаза ограниченно). Перебирая полуистлевшие рукописные бюллетени, выпускавшиеся в ходе сражения, вспоминая рассказы друзей, я хочу подробнее рассказать о подвигах наших бойцов, обессмертивших свои имена в наступлении на Курской дуге.

...Пулеметный огонь противника не давал возможности бойцам стрелкового взвода продвигаться вперед. Командир отделения Монаков по собственной инициативе, с тремя смельчаками, незаметно подполз к окопам врага и забросал пулемет гранатами. Взвод немедленно поднялся в атаку и захватил траншею противника. Несколько фашистов были уничтожены. Трех из них убил младший сержант Андрусенко. Сержант Шухлин и рядовой Сероштан взяли в плен двух немецких офицеров.

Командир 120-мм миномета старший сержант Николай Бычков со своим расчетом, отбивая вместе с пехотой контратаки врага, уничтожил десять фашистов.

У командира батареи Гаранина кончились снаряды. Между тем противник продолжал контратаковать наши подразделения. В момент, когда казалось, что чаша весов склонится в пользу врага, наши артиллеристы открыли огонь. Атака противника была отбита.

Откуда же вдруг у наших артиллеристов появились снаряды? Оказалось, что старшина батареи коммунист Школьный обнаружил в овраге боекомплекты, зарытые при отступлении частей Красной Армии в 1941 году.

В помощь 228-му полку, завязавшему бой за Поныри-2, командир дивизии бросил свой резерв — учебную роту. Ее

продвижение было остановлено огнем вражеского дзота. Командир роты капитан Иван Никанорович Сухобоков создал блокировочную группу для подавления огня противника. Во главе группы он поставил младшего лейтенанта Степана Акимовича Бондарева. Бойцы, передвигаясь по-пластунски, стали обтекать дзот. Минометчики прикрывали их своим огнем. Гитлеровцы обнаружили группу Бондарева, когда до дзота оставалось лишь несколько метров. Поздно! Красноармейцы успели забросать амбразуры гранатами.

Капитан Сухобоков немедленно воспользовался этим — поднял роту в атаку и ворвался в деревню.

В этом бою комсомолец Андрей Лещиков захватил вражеский пулемет, открыл из него огонь и уничтожил более десяти фашистов. Ночью он ходил в разведку и приволок «языка». А когда командир взвода вышел из строя, Лещиков взял на себя командование взводом.

Командир отделения Иван Надеин захватил у противника три рации и два ручных пулемета. Сержант Николай Романов уничтожил двух фашистов и одного взял в плен.

Враг не хотел примириться с потерей важного укрепленного пункта. Он бросил в контратаку танки. Прорвавшись через заградительный огонь артиллерии, танки приближались к траншеям нашей учебной роты.

Во что бы то ни стало надо было их остановить. Командир отделения младший сержант Иван Попович вооружился противотанковой гранатой.

— Ну что ж, была не была, схвачусь один на один, — сказал он.

— Я с вами, — хрипло вырвалось у бойца Родина.

— Всем оставаться в траншее, — приказал Попович.

Мелким кустарником полз Попович, держа в руке гранату, а танк шел ему навстречу. Гремели гусеницы, стреляли орудие и пулеметы. Бойцы не спускали глаз с Поповича.

Вот он приблизился к танку, встал во весь рост и бросил под гусеницу гранату. Через две-три секунды, которые казались вечностью бойцам, наблюдавшим за поединком танка и их командира, раздался взрыв. Гусеница сорвана. Машина остановилась. Из верхнего люка один за другим выпрыгнули все пять человек — экипаж танка. Но тут же были сражены нашими автоматчиками.

Сила взрыва была так велика, что Поповича, находившегося в нескольких метрах от танка, подбросило вверх.

Когда бойцы отделения подбежали к своему командиру, он был еще жив и приказал:

— Держитесь!

Через несколько минут он скончался. Поповичу было тогда 19 лет.

Попович первым подбил «тигра» противотанковой гранатой.

Об этом событии мы сообщили всем по «траншейному телеграфу». Потом о нем подробно рассказала наша дивизионная газета «Победа».

Первая охота на «тигра» с противотанковым ружьем была удачной у комсомольца-пулеметчика младшего сержанта Ивана Петровича Кукушкина. К нам в дивизию он прибыл незадолго до начала Курской битвы из Свердловска с командой курсантов Черкасского пехотного училища. До поступления в училище он работал в Москве на заводе имени Владимира Ильича. Бойцом оказался настоящим. Бой шел за господствующую высоту на подступах к населен кому пункту Поныри-2. Противник оказывал сильное огневое сопротивление. Тогда Кукушкин, а также бойцы Кулешов, Пилюгин и Недобитко скрытно поползли к окопам противника и забросали вражеские пулеметы гранатами.

Высота была захвачена без потерь.

Однако противник решил во что бы то ни стало вернуть высоту и перешел в контратаку. Вперед устремились танки, за ними — подразделения автоматчиков. Расчет противотанкового ружья был уничтожен снарядом врага. Кукушкин взялся за бронебойку. Выждал, когда танк подставил борт. Выстрел на пробу, второй, третий... И «тигр» уже дымится, полыхает огнем. Контратака врага отбита. Вслед за Кукушкиным из противотанкового ружья подбил немецкий танк комсомолец роты ПТР 228-го полка Николай Дмитриевич Головня.

Мы продолжали наступать, настойчиво продвигаясь вперед. Однако гитлеровцы еще не были сломлены. Они то и дело предпринимали бешеные контратаки.

16 июля, на второй день наступления, нам была придана танковая бригада. И сразу дела пошли веселее. Дивизия продвинулась вперед на 3,5 километра. 228-й полк вместе с учебной ротой овладели Понырями-2, 111-й полк занял Поныри-1. Вечером КП дивизии переместился в деревню Карпуньевка.

Успешно наступали и наши соседи — 4-я и 6-я гвардейские стрелковые дивизии.

Всю ночь на 17 июля велась разведка, а утром возобновились наступательные бои. Вскоре 107-й полк ворвался в Дружевецкий хутор, 111-й полк освободил деревню Ржавец. В тот же день 107-й полк и 1-й батальон 228-го полка завязали бой за деревню Александровка. Противник имел превосходство в силах.

Начальник штаба артиллерии дивизии подполковник Пимен Семенович Щербина подтянул на помощь пехоте 4-ю батарею 2-го дивизиона и две противотанковые батареи. Заместитель командира 2-го дивизиона Петр Николаевич Кудинов вспоминает:

«Из лощины выползли несколько «тигров». Они медленно шли на нас.

— Огонь! — скомандовал я.

Батарея открыла стрельбу. Резко щелкали выстрелы. Навстречу вражеским машинам устремились бронебойно-трассирующие снаряды. Некоторые не попадали в цель, ударялись о землю, подпрыгивали, взмывали вверх, оставляя красного цвета трассы. Снаряды, задевавшие броню «тигров» под острым углом, отлетали в стороны и вверх.

Но вот один танк остановился. Удобный момент. Расчет нашего правофлангового орудия перекатил пушку на новое место и открыл огонь. Первый снаряд не долетел до цели. Наводчик старший сержант Курило вытер со лба пот. Сейчас судьбу боя решали секунды. Если танк не подбить, он повернет хобот и первым же выстрелом подобьет пушку, уничтожит расчет.

— Наводить выше, подкалиберным! — приказывает командир орудия сержант Сергунин.

Разрыв снаряда заглушает его голос, но Курило слышит командира. Он тщательно наводит перекрестие в башню. Выстрел. Перелет. В это время немцы, видимо, заметили орудие и начали медленно поворачивать ствол. Поздно! Третий снаряд попал в бок танка. Расчет стал смелее.

Четвертый и пятый подкалиберные попали в моторную часть. «Тигр» задымил.

Солдаты перекатили орудие на новое место. Они понимали, что выдали свое местонахождение и, если не сменить позицию, их накроют минометным или артиллерийским огнем.

Сменил позицию и расчет второго орудия. Натянули маскировочную сеть. Передышка длилась недолго. Опять появилось несколько танков... Мы с флангов открыли огонь по ним. «Тигры» попали в огневую ловушку.

Еще удача! Загорелся второй «тигр». Он окутался черным дымом и замер на месте. Другие машины попятились и скрылись за холмом».

На прямую наводку выкатил свои орудия командир батареи Владимир Негров. С первого выстрела Василий Грабован подбил средний танк противника. К сожалению, в этот же день Василий был сражен осколком вражеского снаряда.

Командир 3-го батальона 107-го полка капитан Яков Востриков создал группу истребителей танков, снабдил их

противотанковыми гранатами. Сам он показал пример подчиненным, подбив немецкий танк. Мастером огня показал себя и командир 45-мм орудия старшина Павлов. Он подбил самоходное орудие «фердинанд» и три средних танка.

Агитатор 228-го полка капитан Борис Куксин ползком пробрался в 1-й батальон, который вел также бой под Александровной, чтобы передать его командиру приказ «Ни шагу назад!» и помочь довести это требование до сознания красноармейцев.

— Но первое, что я увидел в траншее, — рассказывал он потом, — был лозунг, написанный чернильным карандашом на крышке ящика: «Умрем, но не отступим!»

Батальон решительно отбивал контратаку. Об отходе никто и не помышлял. Мне ничего не оставалось делать, как взять автомат и вместе со всеми вести огонь по контратакующим гитлеровцам.

Потери врага были столь велики, что он прекратил контратаки и не сумел удержать Александровку.

В те дни газета «Победа» обратилась с призывом к бойцам:

«Воин-бронебойщик! Вспомни Сталинград — нашу гордость и славу, символ непоколебимого мужества и стойкости. В твоих руках замечательное оружие — противотанковое ружье. И если ты научишься владеть им, как Иван Кукушкин, — ты будешь грозой для фашистов. Кукушкин вел огонь по танку противника с расстояния, не превышающего 200 метров, соблюдая хладнокровие и выдержку, выбирая уязвимые места в фашистском танке.

Так дерись же с фашистами по-сталинградски. Уничтожай их танки бронебойкой, гранатой, зажигательной смесью. Артиллерия поможет тебе... Родина ждет от тебя подвигов!»

Иван Кукушкин и Николай Головня рассказали в под-: разделениях полка, как они из противотанковых ружей подбили вражеские танки.

Сержанты Сергунин и Курило побывали в других батареях своего дивизиона и поведали о том, как они уничтожали «тигров», куда наводили орудия, с какого расстояния открывали огонь.

Артиллерийский мастер сержант Сунько тщательно осмотрел подбитый «тигр» и подготовил наглядное пособие: на фанерном листе нарисовал танк, уязвимые места «тигра» закрасил черной краской. Этот «танк» обошел все батареи.

В 107-м полку выступил командир 45-мм орудия коммунист Владимир Павлов. «Я со своим орудием, — говорил он, — находился в боевых порядках пехоты. Достигнув окраины деревни

Александровка, мы окопались и замаскировались на опушке леса. Пехота противника при поддержке самоходного орудия «фердинанд» пошла в контратаку. Я решил не выдавать места своего расположения, не стрелять в лоб, а терпеливо ждать, когда самоходка поставит под наш выстрел свою наиболее уязвимую часть. Скоро такая возможность представилась, и я первым выстрелом поджег самоходку врага. После этого мы немедленно сменили огневую позицию и вновь тщательно замаскировались. В этот день мы таким же образом подбили три танка противника».

Я уже писал о том, что многие солдаты, сражавшиеся в лесах и болотах, психологически не были полностью готовы к отражению массированных танковых атак. И вот теперь произошел перелом. Танкобоязнь преодолена.

Конечно, оценивая поведение людей в бою, следует помнить о важности психологического фактора. Опыт показал, что резкой грани между морально-политической и психологической подготовкой людей к бою не было. Именно воспитание необходимых морально-политических качеств обеспечивает и выдержку и отвагу в бою. Тем не менее и чисто психологический эффект боевой удачи имеет немалое значение.

После овладения деревней Александровна нас повернули на северо-запад в направлении населенного пункта Новый Хутор. За ночь надо было подготовиться к возобновлению наступления.

Что стало самым главным и решающим для нашей дивизии в наступлении? Борьба с танками? Конечно и она. Но, может быть, еще более — траншейные бои, требующие особого личного мужества и мастерства.

Прыгнуть с разгона во вражескую траншею, свалиться в ход сообщения, оказаться на пороге блиндажа — это порой только полдела. Далеко не всегда враг растерян, испуган, помышляет о бегстве. Чаще и он ожесточен до крайности. В узкой (какие-нибудь полметра) канаве противники сталкиваются лицом к лицу. Рвутся гранаты, поражая осколками и своих и чужих, автоматы стреляют в упор, руки врага тянутся к горлу. Десятки, сотни схваток, которыми, кажется, не в силах управлять никакой начальник. Здесь каждый боец сам себе командир. И жизнь зависит от собственной смелости, смекалки, ловкости, силы.

В минувший день особо отличились парторги батальонов Клименко и Штейнгарт.

Клименко обладал редким хладнокровием, рассудительностью и отвагой. Вчера он появился в одной из рот перед атакой, когда артиллерия уже обрабатывала немецкие траншеи. Артподготовка еще не кончилась, а наша авиация уже нанесла бомбовый удар.

Расстояние между нами и гитлеровцами — всего несколько десятков метров. Бомбы рвались совсем рядом. И наши бойцы лежали, уткнувшись лицом в землю.

Была опасность, что они, оглушенные бомбежкой, прозевают тот единственный, лучший для атаки момент, когда огонь уже перенесли в глубину обороны противника, а враг на переднем крае еще не опомнился, не пришел в себя.

— Передайте по траншее: быть готовыми к атаке, — сказал Клименко командиру роты. — И пусть каждое отделение разобьется на группы по три-четыре человека. И чтоб они там, в траншеях, держались друг друга.

Еще не отзвучало эхо последнего взрыва бомбы, ударившей между нами и фашистами, а Клименко уже вскочил и крикнул:

— Вперед, друзья!

И никто не задержался, никто не замешкался. Рота свалилась на голову врага, почти не понеся потерь.

Да, во вражеской траншее трудно управлять взводом, даже отделением. Но и группы в три-четыре человека представляли организованные подразделения, со своими старшими. Они помнили советы Клименко: простреливали из автоматов прямой коридор траншеи, а прежде чем свернуть на ее изгибах, швыряли за угол гранаты и, прижавшись к стенке, ждали, пока они взорвутся.

Клименко доказал, что и траншейный бой можно вести с высокой степенью организованности, при относительно малых потерях.

Новое рождалось не только в атакующих подразделениях. Появилось оно и у тех, кто действовал не штыком и гранатой, а скальпелем и тампонами, кто не уничтожал, а спасал человеческие жизни, — у медицинских работников. Помню, вечером после боя я увидел метрах в трехстах от переднего края, в овраге, палатку полкового медицинского пункта, а рядом с ней раненых. Я спустился в овраг, заглянул в палатку — там шла операция, видно, далеко не первая сегодня. На полковом медпункте полагалось оказывать самую неотложную медицинскую помощь и отправлять раненых в медсанбат. И это было разумно. Невозможно было создать нормальные условия для хирургов в зоне минометного и пулеметного огня. Да и как оперировать, если за твоей спиной вот-вот вспыхнет рукопашная схватка.

Однако правила правилами, а необходимость необходимостью. Днем вынести раненых из оврага значило подставить их под пули. И вот командир санитарной роты Надежда Матвеевна Оцеп стала оперировать сама на месте. Я

дождался, пока операция закончилась.

— Ну что ж, раз оперируете на переднем крае, постарайтесь делать это не хуже, чем в медсанбате, — сказал я Надежде Матвеевне.

Не много знаю людей другой профессии, у которых было бы так высоко развито чувство долга, как у медиков. Даже в минуты, когда самые отважные бойцы не могли поднять головы под огнем, коренастый санинструктор сержант Илья Николаевич Салтысек выносил с поля боя раненых. Привычно он взваливал на спину обессилевшего от потери крови солдата, брал в руки его оружие и осторожно передвигался к медпункту. В дни Курской битвы Салтысек вынес с поля боя 85 тяжелораненых. Он по праву заслужил орден Ленина.

Редкий по своему драматизму эпизод произошел в медсанбате. Туда доставили раненого, которому в мышцы бедра врезалась неразорвавшаяся мина 50-мм миномета. Она вздрагивала при каждом движении, в любую секунду мог произойти взрыв. Раненого принес на руках его друг солдат и положил на операционный стол.

Главный хирург медсанбата Георгий Петрович Петров приказал всем из палатки уйти, кроме операционной сестры Марии Кот, девушки с простодушно-голубыми глазами и ямочками на щеках. Другие врачи и сестры на безопасном расстоянии могли наблюдать за операцией через откинутый полог палатки. Петров был сосредоточен, Мария улыбалась раненому. И солдат на операционном столе, превозмогая боль, пошутил:

— Операция по разминированию участка организма...

Минуты казались часами. Ножницы разрезали штанину, серое солдатское белье... Маленькая рука Марии придерживала мину. Скальпель хирурга вошел в тело...

И вот наконец Петров крикнул:

— Возьмите раненого!

Тут только прибежал сержант, вызванный из саперного подразделения, и забрал мину.

— В общем, операция-то была пустяковой! — заметил Петров. — Давайте следующего...

— Ну и натерпелась я страха, — призналась Мария...

* * *

О многом можно вспомнить в ночь затишья перед новым

боем. Но, как ни странно, скупее всего воспоминания о самых близких мне — работниках политотдела дивизии. Может быть потому, что их ратный труд растворен, как соль в морской воде, во всех делах и подвигах, совершенных другими. Может быть, и потому, что к самым близким относишься требовательнее, их подвиг приравниваешь к простому исполнению долга, малейшую слабость считаешь непростительной ошибкой.

Беседую с помощником по комсомольской работе Василием Степановым, но слышу рассказ не о его делах, а о том, как комсорг 107-го полка Евгений Третьяков возглавил атаку роты, комсорг Василий Градусов — атаку взвода, а комсорг батальона Семен Босалыга проводил в паузе между боями заседание бюро в траншее. И возникает перед моим мысленным взором приземистый лейтенант с широким лицом, спокойно и деловито обсуждающий под огнем достоинства и недостатки вступающих в комсомол солдат. И вижу отчаянного, веселого пулеметчика Евсея Горбунова и ворчливого, неутомимого связиста Михаила Гопоненко, которых более всего волнует, что скажет о них комсорг.

Разговариваю с инструктором по оргпартработе, могучим — косая сажень в плечах, — храбрейшим майором Василием Степановичем Бенем. Узнаю новое не о нем, а о командире взвода Сергее Низовце, отметившем вступление в партию внезапным, поразительным по смелости ударом по вражеским пехотинцам, следовавшим за танками. И, кажется, вижу, как переваливают «тигры» через наши траншеи, идут еще вперед и тут попадают под перекрестный огонь замаскированных орудий. А солдаты взвода Низовца, едва лишь гусеницы прогремели над их головами, вскакивают и бьют фашистских автоматчиков, оставшихся без прикрытия брони. И как-то не думается о том, что инструктор Бень был рядом с Низовцом.

Докладывает о пропаганде героизма на поле боя агитатор политотдела Николай Степанович Федулов, а я думаю о душевной силе агитатора подразделения 107-го полка, кандидата партии, командира отделения Петра Михайловича Панкратова, следовавшего за огневым валом артиллерии и первым ворвавшегося в Александровку. А, то, что Федулов находился в том же отделении и так же в числе первых ворвался в Александровку, подразумевалось само собой.

...Сидит передо мной редактор дивизионной газеты «Победа» Николай Степанович Пономарев. Его сотрудники и он сам провели весь день на переднем крае. Но не только их переживания интересуют меня. Интересуют прежде всего газетные полосы, где описаны подвиги других героев.

Позже я понял, что в чем-то, наверное, я виноват перед самыми близкими друзьями. Редко представлял их к наградам, часто ругал за недостатки.

Повторяю, может быть, я в чем-то виноват перед друзьями подчиненными. Но я любил их, они были как бы частью меня самого. Горжусь тем, что никто из них никогда не получал ни партийного, ни служебного выговора, ни один не ушел из дивизии с плохой характеристикой. Горжусь тем, что и теперь, через четыре с лишним десятка лет, между всеми нами, кто остался жив, не прервались нити дружеской связи.

* * *

Продолжая с боями продвигаться вперед, 228-й полк 18 июля овладел населенными пунктами Бутырки, Степная, Ясная Поляна; 111-й полк занял Подлесную, Озерки; 107-й полк — Новый Хутор. К исходу дня дивизия, как и другие соединения, вышла в район зимней обороны противника.

В этот день мы вместе с войсками фронта отмечали радостное событие — гитлеровские войска были отброшены на исходные рубежи, с которых они начали летнее наступление. Верховный Главнокомандующий объявил благодарность всем воинам Центрального фронта. Это вдохновило личный состав, еще более укрепило его веру в свои силы.

В тот же день нас переподчинили командиру 18-го гвардейского стрелкового корпуса. Вечером был получен боевой приказ. Предстояло наступать севернее населенных пунктов Озерки, Новый Хутор и прорвать сильно укрепленную оборону врага на правом берегу реки Ока. Как раз здесь ее истоки. Два небольших ручья Ока и Очка сливались, и начиналась река Ока. Она была узкая, с возвышенными берегами.

На помощь дивизии подошли артиллерийские части. Во всех стрелковых полках были созданы штурмовые группы.

19 июля после мощной тридцатиминутной артиллерийской подготовки началось наступление. Во второй половине дня дивизии удалось захватить плацдарм на северном берегу реки. Ночью наши саперы навели переправу через Оку. На плацдарм переправились танки. Однако дальше наступать на этом участке нам не довелось. 21 июля дивизию вывели во второй эшелон.

За пять дней боев наши части освободили 15 населенных пунктов, нанесли врагу большой урон в живой силе, уничтожили много боевой техники, в том числе 34 танка.

Таковы были первые итоги наступления дивизии.

Успехи окрыляют

На фронте шла перегруппировка войск. 22 июля дивизия получила приказ совершить переход в район населенных пунктов Чернь, Хитровка, Новый Свет. Это южное основание орловской группировки противника. 23 июля части дивизии сосредоточились в указанных им районах.

Бои подтвердили, что командиры и военачальники Красной Армии многому научились. Уже ушли в прошлое разговоры о тех горловых, о которых Александр Корнейчук писал в своей пьесе «Фронт». Каждая встреча с нашими военачальниками, такими, как Рокоссовский и Черняховский, убеждала: командуют нами люди талантливые, знающие дело, мыслящие ясно и глубоко. Перед дивизией ставились задачи сложные и трудные, но всегда выполнимые. А убежденность в том, что успех зависит от каждого воина, повышала ответственность и становилась основой его мужества. Стилю командующих фронтами и армиями подражали командиры дивизий, полков, батальонов. Никто уже не полагался на «авось». Все было подчинено твердому расчету.

Еще на марше нам стало известно, что дивизия переходит в состав 29-го стрелкового корпуса 70-й армии. Едва мы сосредоточились на новом рубеже, как началась подготовка к наступлению. Дивизии предстояло прорвать глубоко эшелонированную оборону противника, которую держали немецкие 102-я пехотная дивизия и отдельные части 7-й пехотной и 4-й танковой дивизий. После прорыва наша дивизия должна была продвигаться в направлении населенных пунктов Чернь, Жирятино, Чувардино.

Круглые сутки кипела напряженная работа в штабе. Штаб дивизии возглавлял энергичный, трудолюбивый, хорошо подготовленный подполковник Григорий Степанович Барон. У нас с ним установились деловые взаимоотношения. Штаб и политотдел работали дружно, в тесном контакте.

Подходили приданные нам части. Впервые за войну дивизию усиливали большим количеством артиллерии и танков. Достаточно сказать, что нам придали десять артиллерийских и минометных полков РВГК (резерва Верховного Главнокомандования), танковую бригаду, саперов...

Накануне наступления Военный совет Центрального фронта прислал нам обращение:

«Славные бойцы, командиры и политработники нашего фронта!

Мы первые летом этого года положили начало крупному

разгрому немцев... Теперь надо первыми же устроить немцам второй Сталинград под Орлом. Что нужно для этого?

...Смело просачивайтесь в стыки противника, выбрасывайте в его тыл группы отважных автоматчиков, пулеметчиков, минеров...»

Обращение Военного совета мы довели до всего личного состава. Командир дивизии, политотдел, партийные организации добивались того, чтобы повысить у каждого командира чувство ответственности за выработку самостоятельных решений, усилить в сердце каждого солдата веру в то, что он может полагаться на своих товарищей из других родов войск.

Прорыв вражеской обороны начался 25 июля. Перед совместным ударом артиллерийских, танковых и стрелковых частей гитлеровцы не смогли устоять. Наша пехота, сопровождаемая танками и орудиями, в первый же день освободила поселки Красное Знамя, Новый Свет, Красный Уголок. Но успешно начавшееся наступление стало ослабевать. Противник подтянул на машинах подкрепление и при поддержке танков перешел в контратаку. Завязались тяжелые бои.

29 июля перед дивизией была поставлена боевая задача занять сильно укрепленный опорный пункт врага — деревню Жирятино. Требовалось срочно разведать вражескую оборону. За это дело взялся уже известный читателю Борис Алексеевич Поляков. Тщательно подготовив поисковую группу, Борис сам повел ее через линию фронта. Ночью разведчики проползли в глубь вражеского расположения. Им повезло. На склоне оврага, неподалеку от переднего края, три гитлеровца спали глубоким сном. Разведчики чуть не наткнулись на них. Дальнейшее было относительно просто...

Группа благополучно возвратилась. Пленные не принадлежали к фанатичным приверженцам фюрера и рассказали все, что знали. Слабые места в обороне противника были определены.

Как весел, полон жизни и радости был вернувшийся из разведки Поляков. Кто мог подумать о том, что через несколько дней он нелепо погибнет, подорвавшись на мине, что орденом Ленина за бои на Курской дуге его наградят уже посмертно!

Главный удар должен был наносить 107-й полк. Поэтому на нем политотдел сосредоточил основное внимание. Мы уже пришли к выводу, что нецелесообразно перед боем распылять работников политотдела по всем частям: они должны находиться там, где всего труднее. В 107-й полк мы пришли группой и включились в подготовку к наступлению. Командир полка майор Ф. В. Смекалин поставил наиболее трудную задачу перед 2-м

батальоном. Ему надлежало выбить врага из рощи, расположенной на подступах к деревне Жирятино. Между тем гитлеровцы опоясали рощу несколькими траншеями, подтянули мощные огневые средства.

В этот батальон я и направился. Командовал им капитан Григорий Яковлевич Щербаков. Человек известный в дивизии. Подлинный командир-единоначальник. Он одинаково хорошо обучал и воспитывал подчиненных. Достойных рекомендовал в партию. Сам состоял в партии с 1931 года.

Вместе с комбатом мы обошли стрелковые роты. Беседовали с коммунистами, солдатами, командирами подразделений. Разъясняли боевую задачу. Долго говорили с командиром 2-й роты лейтенантом Макаром Степановичем Наумовым. Он начал воевать в нашей дивизии рядовым связистом, потом его назначили командиром взвода, а сейчас он командует ротой. Хотелось убедиться, насколько правильно он понимает боевую задачу, как подготовил к бою своих людей. Потом поговорили с бойцами. Впечатление осталось хорошее.

Вечером в батальоне прошло партийное собрание. Обсудили задачи коммунистов в предстоящем бою.

Старший инструктор политотдела майор В. С. Бень и агитатор политотдела майор Н. И. Пруцкий побывали в других батальонах, помогли командирам и политработникам подготовить людей к предстоящему наступлению.

Здесь же в полку заседала парткомиссия. Принимали в партию людей, отличившихся в недавних боях. Всю ночь в землянке при свете фронтовой лампы-коптилки, сделанной из снарядной гильзы, работники политотдела Андрей Петрович Козаев и Петя Курской заполняли партийные документы.

Еще до войны, когда я работал секретарем райкома, мне часто приходилось выдавать партийные билеты молодым коммунистам. Всегда это было радостным событием. Но никогда я не испытывал такого душевного подъема и волнения, как здесь, на фронте, где партбилет давал единственную привилегию — право идти первым в огонь. Много лет прошло с тех пор, а забыть этого волнения не могу. В годы гражданской войны в членских карточках партийцев, отправлявшихся на фронт, имелась памятка со следующими словами: «Товарищ Коммунист, знаешь ли ты, для чего наша Коммунистическая партия посылает тебя на фронт? Для того, чтобы обеспечить для нашей армии победу. Завоюй внимание и уважение к себе не должностью, которую занимаешь, а своей работой. Ты должен в бой вступать первым, а выходить из боя последним»[19].

В партийных билетах, выдаваемых во время Великой

Отечественной войны, подобных памяток не было. Но коммунисты, как и во время гражданской войны, всегда вступали в бой первыми и дрались мужественно, самоотверженно. Преемственность поколений коммунистов — борцов за дело Великого Октября сохранилась.

Началось наступление на Жирятано. Накал боя нарастал с каждым часом. Несколько раз фашисты бросались в контратаку, но каждый раз отступали с большими потерями. Вскоре появились «юнкерсы». После яростной бомбежки снова двинулись на нас густые цепи гитлеровцев... Едва была отбита эта контратака, все присутствующие на НП командира дивизии с облегчением вздохнули. Но тут на пригорке показались немецкие танки.

...Три... пять... десять... четырнадцать... И вот уже не сосчитать. Я впервые вижу такое большое количество танков. Начальник артиллерии дивизии полковник Иван Семенович Зарецкий дает команду открыть подвижный заградительный огонь. Еще несколько минут — и на пути танков встает заслон разрывов. Часть танков останавливается. Другие отделяются и, обтекая рубеж заградительного огня, ползут к окопам. Артиллеристы переносят огневую завесу к самым окопам. Все полковые орудия ведут огонь прямой наводкой.

Облака дыма и пыли заволокли все. Время будто остановилось. Каждая секунда кажется вечностью. Но вот дым развеялся, и уже ясно: одни танки горят на поле боя, другие повернули восвояси. С НП комдива видно, что наши соседи справа и слева также ведут напряженные бои. Всюду пылают факелами вражеские танки...

И в небе кипит бой. Стремительные «яки» атакуют тяжеловесных «юнкерсов», отгоняют «мессеров». Один за другим валятся вниз немецкие самолеты, оставляя черные хвосты дыма.

Бой не утихал ни на минуту. Не считаясь с огромными потерями, противник продолжал вводить новые резервы.

Этот день можно смело назвать днем величайшего напряжения духовных и физических сил для всех бойцов и командиров дивизии. Наши ряды поредели, но не дрогнули ни разу.

В 1-м батальоне 111-го полка в одной из рот выбыли из строя все офицеры. И тут же, не допустив замешательства, командование взял на себя рядовой боец Василий Константинович Конев. В 107-м полку взял на себя командование ротой рядовой коммунист Чиликов.

...Вновь вспоминаю людей, которым выдал партбилеты в то июльское утро 1943 года. Прошло только несколько часов, и они

ушли в бой. Михаил Тимофеевич Пивнев — так звали пулеметчика из роты М. С. Наумова. Еще шла артподготовка, еще в тревожном оцепенении ждали сигнала атаки в траншеях наши бойцы, а Пивнев пополз вперед со своим пулеметом через ничейную полосу. С какой-нибудь полусотни метров он открыл огонь по амбразурам немецких дзотов.

Я перебираю сейчас полуистлевшие тетрадные листки, прошедшие через много рук. На этих листках тогда, в только что захваченной вражеской траншее, агитатор полка Петр Алексеевич Серебряков кратко описал подвиги молодых коммунистов. Листки назывались письмами-летучками.

Серебряков был немного медлительным, сутуловатым, худым. Мало походил на военного. Но его любили как боевого политработника и храброго солдата. Серебряков ходил в атаку, как ходят теперь на службу, привычно и буднично. Подбадривая оробевших, спрашивал удивленно:

— Ну, чего замешкался?.. Ничего ведь особенного... Война как война.

Пожалуй, ни один подвиг не оставался им незамеченным. А о замеченном он всегда находил и время и место сообщить всем.

В ночь на 1 августа дивизия форсировала реку Нежинку. Взводы старшего сержанта Притчина, старшины Файзулина и сержанта Вишнякова овладели первой траншеей на берегу реки. В цепи наступающих находились командир батальона С. Я. Павлов, его заместитель по политчасти И. Т. Заливко, комсорг батальона В. Н. Черный, парторг полка И. И. Недотанов, агитатор политотдела Н. И. Пруцкий.

Прекрасно действовал в этом бою рядовой Исаченко. Огнем своего станкового пулемета он прокладывал путь наступающим. Ему удалось подавить огонь неприятельского дзота.

В дивизии широко использовались противотанковые ружья для подавления огневых точек противника. Многие петеэровцы метко стреляли по амбразурам вражеских дзотов. К их числу принадлежал сержант Степан Мельников. В этом бою он заставил замолчать два немецких дзота.

Первыми овладели западной окраиной жирятинской рощи солдаты под командованием лейтенанта Макара Степановича Наумова из 2-й роты 2-го батальона 107-го полка.

В час ночи 1 августа опорный пункт противника — Жирятино — пал. Путь для дальнейшего наступления был открыт.

Наступила ночь, но отдыхать не пришлось. Среди многих неотложных дел особенно беспокоило положение с боеприпасами. Если их не подвезут ночью, завтра воевать нечем. Заместитель

командира дивизии по тылу и начальник боепитания где-то застряли, и тут уж не до разграничения функций и служебных обязанностей. Пришлось этим делом заняться мне.

В тылы армии ехать было далеко. Да и не был я уверен, что сумею быстро договориться с тамошними интендантами. Для них начподив — не начальство. Вот я и поехал искать командарма и Военный совет.

Навстречу мне, к переднему краю, тянулись кухни, повозки с продовольствием. Свежие части шли на смену обескровленным. Куда-то передвигались артиллерия, танки. На сотнях машин с потушенными фарами везли боеприпасы, продовольствие, почту. Тягачи, громко урча, буксировали подбитые танки. Небольшими группами возвращались люди из госпиталей в части переднего края.

Природа не поскупилась, избороздив здешние поля балками. В них на различных расстояниях от передовой размещались штабы, медсанбаты, склады боеприпасов и горючего, мастерские...

В одной из таких балок, поросшей кустарником, я с трудом нашел командный пункт 70-й армии. Несмотря на поздний час, здесь никто не спал. Я вошел в блиндаж, освещенный электричеством. Навстречу мне поднялся коренастый генерал с открытым русским лицом, член Военного совета армии Н. П. Савков. Я доложил о цели приезда, о положении дел в дивизии.

— По таким вопросам ко мне редко обращаются начподивы, — сказал он, усмехнувшись, — но что ж... одобряю... правильно, что приехал... Боеприпасы к утру подвезем на армейском транспорте, — заверил он меня.

В последние месяцы я уже привык к тому, что у военачальников слово с делом не расходится. Сразу стало легче на душе.

— Зайди к начальнику политотдела армии, — сказал, прощаясь со мной, генерал.

В блиндаже начпоарма Я. Е. Масловского сидело несколько человек, только что вернувшихся с переднего края. Шел оживленный разговор о пережитом дне, о завтрашних планах. Я оказался к месту. Масловский стал подробно расспрашивать меня о дивизии, о политработниках, о настроениях личного состава. Он у нас еще не успел побывать.

В дивизию я вернулся утром. Автоколонна с боеприпасами пришла раньше меня.

Начало августа ознаменовалось неслыханной жарой.

Белье прилипало к телу, гимнастерки побелели. Пыль забивала нос, уши, горло, нечем было дышать.

Мы вели бой за деревню Гранкино. Здесь 7-я батарея артиллерийского полка, возглавляемая капитаном А. И. Воскобойниковым, вписала одну из славных страниц в историю нашей дивизии. Эта батарея была отрезана от своих. Один за другим на нее спикировали девять «юнкерсов». Еще не успел развеяться дым, еще не сосчитали люди ран и смертей, как полдесятка «тигров» и орудие «фердинанд» двинулись на батарею. И тут выяснилось, что осталась в строю только одна пушка, а ее командир старшина Иван Иванович Новиков ранен.

Казалось, есть только два выхода: бежать или умереть. Расстояние между немецким головным танком и орудием Новикова сокращалось. И тут Новиков скомандовал четко, как на учении:

— Расчет, к бою! По головному танку бронебойным, прицел двенадцать, наводить на башню... Огонь!

У наводчика Владимира Михайловича Смагина еще дрожали руки, подводили нервы, он слишком торопился: первый выстрел — промах! Второй выстрел — и головной танк подбит. Взрыв произошел у самого орудия. Выбыл из строя солдат Хисматулин, стоявший рядом со Смагиным, тяжело ранен и Смагин. Но с редкой точностью он все же подбивает второй танк. Новиков, выплюнув сгусток крови, занимает место Смагина. Четвертый выстрел — и третий танк горит.

Этим и кончилась неравная дуэль. Наши части уже врывались в населенный пункт Гранкино. Два уцелевших танка и «фердинанд» на полной скорости мчались назад.

...Неподалеку от Гранкино есть густой лес, чудом не тронутый войной. На опушке этого леса мы обнаружили тела разведчиков офицеров Н. И. Затюпы и В. С. Симонова. Их едва можно было узнать — головы без ушей, изуродованные ножами лица, оба без глаз...

Многое мы перевидали. Многое фашистам не могли простить. И это чудовищное преступление фашистов до сих пор жжет душу.

* * *

Наступление войск Красной Армии успешно развивалось. 5 августа очищены от врага Орел и Белгород. Освободителям этих городов вечером 5 августа, салютовала Москва. Это был первый в истории Великой Отечественной войны артиллерийский салют столицы нашей Родины.

Дивизия шла вперед. У политотдела появились новые заботы: мы помогали восстанавливать в освобожденных селах органы Советской власти. Жители освобожденных районов, долгое время отрезанные от своей страны и армии, жаждали знать правду обо всем. Нам в дни наступления приходилось оставлять, и порой надолго, агитаторов-политотдельцев в деревнях. Наша кинопередвижка моталась по селам с кинофильмом «Радуга», снятым по мотивам повести Ванды Василевской.

Сложными, а порой и противоречивыми были наши чувства, когда мы проходили через освобожденные деревни, поселки, города. Не так-то просто было видеть вместо домов пепелища, одиноко скрипящие на ветру калитки, за которыми — ни кола ни двора; горько было слушать рассказы о людях, расстрелянных фашистами ни за что ни про что, о женщинах, угнанных в рабство, о детях, умерших от голода, еще горше узнавать о предателях (были и такие)... И все-таки боль и горечь отступали перед огромной радостью возвращения, перед счастьем приносить свободу и жизнь советским людям. И они, эти люди, «познавшие жизнь через смерть», забывали о своих бедах и печалях, когда обнимали нас. Как всматривались выплаканные глаза седых, морщинистых матерей в солдатские лица! Как ласково гладили пальцы женщин ткань пропотевших красноармейских гимнастерок! Они дождались нас.

Мы идем вперед, на запад. Идем победителями! И в конце концов, именно это самое главное! Об этом хочется говорить людям, делиться мыслями, чувствами, радостью.

Продвигаясь все время вперед, дивизия с 25 июля по 15 августа 1943 года прошла с боями 47 километров, освободила 30 населенных пунктов, в том числе Жирятино, Ново-Гнездилово, Толмачево, Чувардино, Волобуево, Ясную Поляну, Дерюгино, Мирную Долину и другие.

18 августа войска Центрального фронта во взаимодействии с Брянским фронтом изгнали врага со всего орловского выступа. Это резко меняло обстановку в центре советско-германского фронта.

Конечно, тогда мы еще не могли в полной мере оценить значения победы на Курской дуге. Позже стало известно, что «советские войска в ходе этой битвы разгромили 30 дивизий, вермахт потерял около 500 тыс. солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков, 3 тыс. орудий и более 3,7 тыс. самолетов... Из 20 танковых и моторизованных дивизий, принимавших участие в битве под Курском, 7 оказались разгромленными, а остальные понесли значительные потери»[20]. От таких потерь гитлеровская армия уже оправиться не могла.

18 августа дивизия вела бои в районе города Дмитриев, а затем поступила в резерв командующего Центральным фронтом. Подразделения ее сильно поредели. Бойцы выглядели далеко не парадно: прохудились сапоги, обтрепались гимнастерки, в пропотевшем белье завелись «автоматчики» — вши, распроклятое порождение грязи. В мирные дни одно насекомое, обнаруженное в казарме, — чрезвычайное происшествие, поднимающее на ноги нашу медицину, командиров. Но война есть война, она не предоставляет ни еженедельной бани, ни чистого постельного белья.

На отдыхе чистились, проходили санобработку, меняли обмундирование.

Стало поступать пополнение: и опытные воины из госпиталей, и молодежь, еще не нюхавшая пороха. Предстояло много дел.

Политотдел дивизии понес в этих боях тяжелую потерю. Погиб секретарь партийной комиссии Константин Миронович Антонов — человек большой души, прекрасный товарищ. На его место прибыл Михаил Васильевич Поляков, с которым я крепко подружился.

В спокойной обстановке впервые появилась возможность собрать партактив дивизии. Это было событием.

...В летних сумерках чуть белела Меловая гора. Ее склоны густо заросли колючим кустарником. Тишина была неправдоподобной и непривычной. Мы встречали здесь участников партактива. Загоревшие до черноты, исхудавшие до невозможности, но с глазами, искрящимися радостью, шли люди — друзья-товарищи, подбивавшие танки, забрасывавшие гранатами амбразуры дзотов, герои траншейных боев. Многие хорошо знали друг друга, иные только понаслышке, знакомились тут же. Усаживались, закуривали, вели беседы.

Вижу, вместе сидят еще не полностью оправившийся от контузии командир 3-го батальона 228-го полка капитан Ф. М. Еровой и заместитель командира 3-го дивизиона артполка по политической части старый коммунист И. А. Крейн. Им есть о чем поговорить. 3-й дивизион помогал батальону Ерового отражать яростные танковые контратаки врага. И они не раз встречались во время боев.

А рядом с ними, растянувшись на траве, о чем-то ведут оживленную беседу почерневший от пыли и загара и без того смуглый парторг батальона капитан К. Х. Садыков и парторг роты снайпер В. С. Ранчугов.

Доклад об итогах боевых действий делал командир дивизии. Цифры были красноречивее слов. 62 километра прошла дивизия с

боями и освободила 45 населенных пунктов. За это время было выведено из строя 60 вражеских танков и 6 самоходных орудий, а уничтоженных гитлеровцев — не сосчитать. За каждой цифрой — героизм наших командиров и солдат, вдохновляющее слово и дела коммунистов.

Было основание сказать на собрании партийного актива, что успех боев во многом обеспечила целеустремленная деятельность политработников, парторгов и членов партийных бюро полков и батальонов, ротных и батарейных парторгов, комсоргов, агитаторов.

Все политотдельцы, замполиты полков и подразделений, коммунисты были единодушны в том, что практика подтвердила жизненность и целесообразность новой структуры армейских партийных организаций. Теперь стало возможным более оперативно решать вопросы политической работы в ходе выполнения боевых задач. В результате намного повысилась боевитость партийных организаций, усилилось партийное влияние на личный состав.

Только в июле 1943 года партийная комиссия дивизии приняла 198 бойцов и командиров кандидатами в члены и 94 — в члены Коммунистической партии. В том же месяце 270 красноармейцев вступили в комсомол. Ни за один месяц в течение всей войны не принималось в дивизии столько людей в партию и комсомол. Это ли не свидетельство духовного роста наших воинов?

Наша ленинская партия стала подлинно сражающейся партией. Теперь известно, что в период войны были приняты кандидатами в члены партии более 5 миллионов человек, членами партии — более 3,6 миллиона человек.

Практика отвергла так называемые рекомендации, гладкие на бумаге, которые кое-кто давал политработникам. Например, советовали нам организовать работу парторгов и комсоргов так, чтобы днем они оформляли дела по приему в партию и комсомол, а ночью, в часы затишья, проводили заседания бюро. Но днем парторги и комсорги батальонов сражались, и некогда было оформлять документы. К тому же среди коммунистов стрелковых рот в ожесточенных боях росли потери. Выбывали из строя и парторги. Резерва же парторгов рот политотдел еще тогда не успел создать. А должности заместителей командиров рот и батарей по политической части были упразднены. И политработникам батальонного звена приходилось заменять их в ротах. Нечего и думать было днем о бумажных делах, хотя бы и самых значительных.

Оформлять документы по приему в партию и комсомол,

проводить заседания бюро, докладывать на парткомиссии — для всего этого была лишь короткая летняя ночь, ночь почти без отдыха. Иногда казалось, силы исчерпаны, карандаш выпадает из рук... Но воля преодолевала усталость. И после бессонной ночи парторги и комсорги батальонов снова шли в боевые порядки — воевали, учили, агитировали, вели за собой людей. Бойцы не задумывались об их званиях и служебных должностях и по старой доброй привычке называли парторгов политруками. Это слово утвердилось так же прочно, как слово «комиссар» в гражданскую войну. Оно произносилось с такой же любовью. И поныне в памяти людей политрук — обобщенное звание армейского политработника, смелого, кристально чистого, преданного идеалам коммунизма.

Таким он после войны вошел и в литературу.

С удовольствием читал я в книге Георгия Березко «Сильнее атома»:

> И это он — тысячу раз воскресший, неуязвимый, бессмертный, победоносный — опять сегодня в ленинской комнате роты читает «Правду» новобранцам, наклонившим к нему свои головы.

Не раз я повторял про себя строки из баллады Константина Симонова «Наш политрук», строки о его нынешней судьбе:

> Говорят — секретарь райкома,
> Говорят — бригадир в колхозе,
> Говорят — дипломат на Кубе,
> Говорят — в жилотдел послали,
> Чтоб на совесть все, без обмана...
> Говорят — в Партийном контроле,
> Восстанавливая справедливость,
> День и ночь сидел над делами,
> Что касались живых и мертвых...

Конечно, тогда, когда шел фронтовой партактив, этих стихов еще не было и быть не могло. Но и в тот час мы говорили о политруках как о чести, совести, душе дивизии.

...С партийного актива расходились поздней ночью, гордые и счастливые, полные веры в победу, ощущая себя частицей великой Коммунистической партии.

Участники войны хорошо знают, что успехи, завоеванные в боях, умножают силы рот, батальонов, полков и дивизий. Курская битва, не имеющая себе равных по размаху, напряженности и

упорству, увенчалась грандиозной победой советских войск. Эта битва и выход советских войск к Днепру завершили коренной перелом не только в ходе Великой Отечественной войны, но и в ходе всей второй мировой войны. Битва под Курском продемонстрировала великую силу Советского государства, его доблестных Вооруженных Сил, мудрую политику Коммунистической партии.

На родине Щорса

Наступление Центрального фронта, в том числе и нашей дивизии, продолжалось. Шли мы ночами, в направлении к Десне. Ночи были то темные, то звездные. Машины не зажигали фар. Запрещалось курить. О скрытности передвижения заботились все — комдив, штаб, политотдел, командиры частей и подразделений, парторги, комсорги, агитаторы. Офицеры и бойцы научились ценить тактическую внезапность, понимая, сколько она в бою может сберечь жизней. Днем люди отдыхали в рощах, садах, балках, заросших кустарником.

15 сентября части дивизии сосредоточились на левом берегу Десны, западнее деревни Чаплеевка Сумской области. Теперь мы вошли в состав 61-й армии.

Перед нами открылась освещенная солнцем бабьего лета пойма реки, изрезанная протоками и озерами. Ширина Десны здесь не превышала 170 метров, а глубина ее, по рассказам местных жителей, составляла 2–3 метра. Западный гористый берег, где укрепился противник, возвышался над уровнем реки на 70–100 метров.

Вскоре в наших подразделениях закипела работа. В ближайших деревнях собирали доски, бревна, снимали ворота с сараев. Связывали бочки и строили плоты. Нашлось и несколько лодок. Но всего этого было явно недостаточно для переправы, и многие солдаты камышом набивали плащ-палатки, чтобы плыть на них.

16 сентября, когда сгустились сумерки, группа смельчанов из 1-го батальона 228-го полка, возглавляемая заместителем комбата по политической части Вячеславом Мыцем, подошла к Десне. Бойцы и командиры закрепили на спинах автоматы, тихо вошли в реку и поплыли.

Едва пловцы выбрались на берег, фашисты открыли огонь. Теперь все зависело от стремительности наших воинов. Одним броском, на одном дыхании наши люди преодолели береговую крутизну, забросали первую траншею противника гранатами, захватили ее. В течение ночи гитлеровцы пять раз предпринимали контратаки, но успеха не добились.

Время торопило. На плотах, лодках, плащ-палатках, набитых камышом, просто на бревнах быстро переправлялись подразделения 1-го батальона. Группа бойцов во главе с Мыцем, прикрывавшая переправу, сыграла большую роль.

Противник подтянул танки и бронемашины. Переправившиеся наши петеэровцы встретили их метким огнем.

Высадившись на западном берегу, 228-й полк начал наступление, овладел деревнями Руженки и Вишенки. 107-й и 111-й полки освободили деревни Радичев, Криски, Великий Лес. В общем-то части дивизии сравнительно легко форсировали Десну.

Гитлеровцы не сумели удержаться на выгодном, заранее подготовленном рубеже и начали отступать. Небо озарилось пожарами. Оккупанты увозили зерно и угоняли скот. А то, что не могли увезти — села, поселки, местечки, необмолоченные хлеба на полях, — сжигали. Взрывали мосты и заводы. Превращали землю в пустыню. Если успевали, угоняли с собой, под угрозой расстрела, людей. Злодеяния фашистов были преднамеренными, заранее запланированными. И теперь в этом признаются, не стесняясь, битые гитлеровские генералы. Например, Манштейн в книге «Утерянные победы» пишет, что отступавшая к Днепру немецкая армия все разрушала и уничтожала. Давая указания войскам СС и полиции на Украине, Гиммлер требовал: при отходе из районов Украины не оставлять ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного пуда зерна, ни одного железнодорожного рельса, разрушать все шахты, дома, отравлять все колодцы...

И все же тактика «выжженной земли» не помогла гитлеровскому командованию — стремительное наступление Красной Армии продолжалось.

Наш комдив Н. Н. Заиюльев требовал от командиров полков с ходу сбивать заслоны, которые оставляли гитлеровцы на промежуточных рубежах, наносить удары с флангов, смело прорываться в тыл отступающему противнику. Так и действовали. Инициативу, решительность, самостоятельность проявляли командиры всех подразделений. Особенно отличались разведчики. В дивизионную разведку мы отбирали наиболее смелых и сильных духом людей. Однажды с пополнением к нам прибыла группа моряков-тихоокеанцев. Все они просили направить их в разведподразделения. Мы удовлетворили их просьбу. Душой роты разведчиков был парторг старшина тихоокеанец Петр Кочетков — один из самых храбрых воинов. Вылазки в тыл врага не обходились без его участия. Кочетков заслужил четыре ордена.

Не раз отличалась и группа разведчиков во главе с В. Е. Матюшкиным. Вспоминается такой случай. В сентябре эта группа проникла в деревню Грязна, чтобы выявить огневые точки в обороне гитлеровцев. Разведчики установили, что в деревне силы противника незначительны. Матюшкин принял решение: атаковать. Захваченные врасплох гитлеровцы бежали в одном белье, теряя оружие. Возвращаясь из вражеского тыла, разведчики неожиданно натолкнулись на группу гитлеровцев, вступили в бой

и уничтожили ее. В следующую ночь группа Матюшкина снова проникла в тыл противника, напала на штаб немецкого батальона, разгромила его, захватила документы и знамя. Подвиг Василия Ефимовича Матюшкина был высоко оценен — ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Вместе с ротой разведчиков смело действовало отделение инженерной разведки из саперного батальона. Командовал отделением сержант В. М. Романов — человек необыкновенной храбрости и богатырской силы. За короткое время он со своими бойцами обезвредил и снял свыше 500 мин противника и проделал 30 проходов в минных полях и проволочных заграждениях. Взаимодействуя с разведчиками, саперы просачивались в тыл врага, ставили мины на его коммуникациях.

Были дни, когда наши части проходили с боями по 18–20 километров, не давая врагу опомниться. Население пряталось от фашистов в лесах и оврагах. Угнать его гитлеровцам не удавалось. Частенько после их ухода люди успевали вернуться и затушить пожары.

В ходе наступательных боев нашим воинам встречались большие трудности. Армейские тыловые части не успевали доставлять горючее. Тылы дивизии, 84-й артполк, 129-й отдельный истребительный противотанковый дивизион и другие подразделения, находившиеся на автотяге, стали на прикол за Десной. Лишь лошади в какой-то степени выручали нас. Они тянули полковые пушки. На них, хотя бы понемногу, подвозили боеприпасы и продовольствие.

18 сентября к исходу дня 107-й полк овладел населенными пунктами Авдеевка, Шеболтасовка, Райментаровка. 111-й полк очистил от гитлеровцев деревню Хлопяники, а 228-й полк — деревню Верба. Все полки вышли на берег реки Убедь. На этом рубеже противник пытался задержать наши части. Но это ему не удалось. Преодолев водный рубеж, дивизия устремилась вперед.

Вечером 19 сентября несколько подразделений подошли к крупному районному центру Карюковка и завязали бой. Гитлеровцы начали поджигать дома. В этот населенный пункт, охваченный огнем, ворвались 1-й батальон 228-го полка под командованием В. Ф. Кузнецова и 3-й батальон 111-го полка под командованием С. Я. Павлова. Затем вошли и другие подразделения. 20 сентября 1943 года в 13 часов Карюковка была полностью освобождена от немецких оккупантов.

За время войны мне пришлось много видеть следов злодеяний фашистов. Но то, что мы узнали в Карюковке, особенно потрясло. Весной 1943 года гитлеровцы оценили Карюковку и учинили дикую расправу над ее жителями. Врываясь

в дома, они расстреливали всех, кого заставали на месте, не щадя ни женщин, ни детей. А потом дома поджигали. Тех же, кто успел бежать из горящих домов, ловили, сгоняли на центральную площадь и расстреливали из пулеметов и автоматов.

Нам рассказали и о таком факте. В местном ресторане шла попойка. Одуревшие от спирта эсэсовцы-садисты потребовали развлечений. Им приводили женщин. Тут же их насиловали и убивали. Покинув ресторан, эсэсовцы обливали бензином живых и мертвых людей и поджигали. В одну ночь было убито и сожжено несколько тысяч человек.

Карюковка! В моем сознании она воскрешает зверства немецких фашистов в белорусской Хатыни, чехословацкой Лидице, французском Орадуре, а в более позднее время — преступление американских войск в южновьетнамской деревне Сонгми, злодеяния фашистской хунты в Чили, кровавую расправу сионистской военщины Израиля с палестинцами Сабры и Шатилы.

В наших подразделениях проходили митинги, на которых воины клялись мстить фашистам за чудовищные злодеяния — за выжженную землю, за уничтоженные города и села, за расстрелы невинных советских людей в Карюковке и других населенных пунктах. Наши люди научились ненавидеть врага всеми силами души.

«Смерть фашистам!» — так начинались и заканчивались все беседы, доклады и выступления на фронте. Иначе нельзя было победить. Истинный гуманизм требовал уничтожения злобного врага, его армии. Но и тогда мы подчеркивали, что Красная Армия не ставит своей целью истребить немецкий народ, не отождествляет гитлеровских извергов с подлинными немецкими патриотами и интернационалистами.

Мне кажется, что опыт работы по воспитанию священной ненависти к врагам Советской Родины, приобретенный во время Великой Отечественной войны, сохраняет значение и в наши дни. Молодежь должна знать, что такое фашизм, помнить о его зверином лике в прошлой войне. Это нужно для того, чтобы лучше понимать лик нынешних врагов — империалистов и их пособников.

* * *

Прямо с митингов воины дивизии шли в бой. Наступление продолжалось под лозунгом «Даешь Днепр!». В полдень 20

сентября дивизия стремительной атакой сломила сопротивление врага и овладела населенными пунктами Шкрабы, Галлы, Жуковичи, Шишки, Буда-Товстолесово, очистила от фашистов совхоз «Гигант». В тот же день поздно вечером наши части захватили рубеж в двух километрах юго-восточнее города Щорс. Наши разведчики и партизаны отряда имени Ивана Богуна доложили о том, что этот город гитлеровцы превратили в мощный опорный пункт. На подступах к нему, а также вдоль железнодорожной линии Щорс — Гомель они создали систему инженерных сооружений — окопы, ходы сообщения, пулеметные гнезда, дзоты. У вокзала и на перекрестках улиц также сооружены дзоты.

Подготовку к наступлению дивизия вела ночью. Комдив поставил 107-му полку задачу: обходным маневром с северо-востока через деревню Носовка выйти к городу. 228-й полк должен был ночью сосредоточиться юго-восточнее города в направлении населенных пунктов Малый Шмель, Займище.

Рано утром 21 сентября началось наступление. 9-я рота 228-го полка под командованием старшего лейтенанта Филиппова первой ворвалась в город. Хорошо действовал и 111-й полк. Командир полка майор Шалва Владимирович Челидзе и его заместитель по политической части Григорий Алексеевич Прохоров возглавили в атаке свои подразделения. Сокрушив оборонительные сооружения у железнодорожной станции, 111-й полк ворвался в город. Взвод разведчиков младшего лейтенанта В. К. Овчарова стремительным броском предотвратил уничтожение железнодорожных сооружений, подготовленных фашистами к взрыву.

7-я немецкая пехотная дивизия, оборонявшая город Щорс, не выдержала ударов наших частей и отступила, понеся большие потери. 21 сентября к 7 часам утра город Щорс был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В его центре и на окраинах мы захватили несколько складов с продовольствием и боеприпасами, много военного имущества.

Два года и девятнадцать дней хозяйничали в Щорсе гитлеровцы. Они ограбили население, расстреляли тысячи людей. Фашистский комендант поселился в доме, где родился и вырос легендарный герой гражданской войны Николай Щорс. Это был музей — главная реликвия города. Все, что напоминало о Щорсе, комендант уничтожил. Одного он не мог понять, что нельзя ни сжечь, ни расстрелять память сердца!

Город боролся, его подполье несло на своем знамени имя героя. И Щорс оживал в каждом борце. Выходили из строя электростанции, летели под откос паровозы, но неуловимы были

партизаны. Нам рассказали, что, несмотря на зверские пытки, фашисты не сумели вырвать показания у юной партизанской связной Нины Сагайдак. Она погибла, не выдав врагу военной тайны. В тюрьме на двери камеры смертников было написано: «За правду судят, за брехню пидносять. Хто буде тут, выйде на волю — передавайте. Нина Сагайдак, шестнадцять рокив. 10.V. 1943 г.» Другая надпись на стене гласила: «Шестнадцятилетнюю Нину Сагайдак расстреляли».

...Город был наполовину разрушен. Ни света, ни воды. Взорван железнодорожный мост через реку Снов. Пусты магазины. Жизнь надо было восстанавливать заново. Мы назначили комендантом города инструктора политотдела Ивана Александровича Иохима. У этого отличного политработника, к сожалению, не было опыта хозяйственного руководства. Однако ведь есть доля правды в утверждении: таланты раскрываются тем быстрее, сверкают тем ярче, чем больше в них необходимость. Иохим оказался прирожденным организатором. Он избегал мер принуждения, не злоупотреблял приказами, а душевным словом привлекал к себе людей, опирался на них. Его гвардией стали рабочие-железнодорожники, наиболее сплоченный коллектив в городе.

Через несколько дней вспыхнул свет в квартирах, пошла вода, вырос деревянный мост через Снов, потянулись на рынок телеги с продуктами из ближайших сел...

Если бы не война, быть бы Иохиму председателем Щорсовского горсовета. Впрочем, после войны он стал хозяйственником. Теперь работает на заводе в городе Куйбышеве.

Прошло 30 лет. 21 сентября 1973 года мы с Иваном Александровичем Иохимом по приглашению районных организаций присутствовали на праздновании 30-летия освобождения города Щорса от немецко-фашистских захватчиков. Побывали в паровозном депо, в колхозах и школах. Осмотрели мемориальный музей Н. А. Щорса. Повсюду встречали нас тепло, по-братски. В районе свято чтят память воинов-освободителей и односельчан, погибших во время Великой Отечественной войны. Им воздвигнуто 59 памятников и обелисков. Одна из улиц города Щорса носит имя нашей 55-й стрелковой дивизии.

* * *

Наступление продолжалось. Осенние дожди секли украинскую степь. Развезло дороги. Гитлеровцы, подтянув танки,

пытались задержать наши части на промежуточных рубежах. Запомнился бой за деревню Петровка. До роты вражеских солдат и 8 танков контратаковали подразделения 107-го полка. С фланга на машинах под прикрытием броневиков гитлеровцы подтягивали подкрепление. Успех боя, по существу, решил один человек — наводчик противотанкового ружья младший сержант Васильев, курносый паренек из Свердловска, которого все звали попросту Колькой. Был этот Колька когда-то болезненным впечатлительным мальчишкой, который и в школу-то смог пойти лишь в десять лет. Вырос, закалился в семье уральского рабочего класса. Был хорошим слесарем, стал отличным солдатом. Самым радостным событием в своей жизни Васильев считал вступление в кандидаты партии. Матери писал: «Если буду жив, приеду членом ВКП(б)».

Бой начался на рассвете. Едва появились танки, Николай вылез из траншеи, расположился в кустарнике на хорошо замаскированной позиции. Когда два танка были совсем близко, раздался выстрел. Один из них задымился сразу и остановился. Второй продолжал двигаться вперед. И снова выстрел. И эта машина подбита. Через несколько минут появился третий танк. Васильев успел переместиться. Теперь он стрелял по гусенице. Два выстрела — и танк подбит.

Точное знание уязвимых мест танков, хладнокровие, снайперская меткость... И хотя вокруг рвались снаряды и свистели пули, Васильев действовал так, словно на стрельбище бил по мишеням. Он успел еще взорвать машину с боеприпасами, прежде чем гитлеровцы бросились наутек. Вскоре Николаю Николаевичу Васильеву за этот подвиг было присвоено звание Героя Советского Союза. Что и говорить, он был обрадован, но еще больше смущен.

Жаль, не довелось Николаю вернуться домой. Он погиб в бою и похоронен на Черниговщине.

Теперь в Свердловске средняя школа № 34 носит имя Героя Советского Союза Н. Н. Васильева. На территории школы установлен бюст Героя. Ребята создали музей боевой славы. Учебный год в школе начинается торжественной линейкой у бюста Героя. Первый урок посвящается рассказу о доблести советских воинов в годы Великой Отечественной войны. Юные следопыты-свердловчане совершают походы по местам боев нашей дивизии. Приятно отметить, что в Москве и в Мозыре в школах № 826 и № 10 открыты музеи боевой славы нашей дивизии.

* * *

Попытка противника задержать нас у районного центра Городня успеха не имела. Командир дивизии Н. Н. Заиюльев снова решил отказаться от лобовой атаки. По его приказу 107-й полк под командованием майора Ф. В. Смекалина зашел с юга. Гитлеровцы не ожидали удара с этого направления. Хорошо поработали в этот день артиллеристы капитана Владимира Ивановича Байзана. Выкатив пушки на прямую наводку, они в упор расстреливали фашистов. Спаслись лишь те, кто успел бежать на автомашинах. 24 сентября Городня и многие другие населенные пункты Городнянского района были освобождены. Теперь одна из улиц Городни носит имя Ф. В. Смекалина.

На подступах к деревне Александровка гитлеровцы под прикрытием танков контратаковали 107-й полк. Нашим воинам очень помог опыт, приобретенный во время Курской битвы. Например, герой этой битвы командир взвода 45-мм пушек старшина Владимир Васильевич Павлов подбил два танка. Остальные повернули назад.

В дни безостановочного движения от Десны к Днепру потерь у нас было немного. Но таково уж свойство человеческого сердца: каждая потеря ощущается остро и болезненно. Под Александровкой пал смертью героя командир батальона 107-го полка Григорий Яковлевич Щербаков, боевой офицер и добрый друг. 25 августа погиб замечательный человек заместитель командира 111-го полка майор Вениамин Павлович Хохлов. В бою за деревню Олешня погиб один из лучших политработников дивизии заместитель командира батальона капитан Вячеслав Александрович Мыц. Я уже вспоминал о нем в этой книге. Он вел одну из рот во фланг и тыл врага. Вел по огородам, перескакивая через низкие плетни. Полы его шинели развевались, как крылья. Пуля сразила его, словно птицу, на лету. В этом бою его батальон сражался с особым ожесточением.

Вячеслава Мыца хоронили в центре деревни, взятой с бою. У могилы не произносили речей. Приняли клятву мести. Подняли автоматы и выстрелили в сумрачное небо, отдавая последние воинские почести герою.

А перед моим мысленным взором возник митинг, состоявшийся перед форсированием Десны незадолго до гибели Вячеслава Александровича. На митинге выступили командир 1-го батальона 228-го полка старший лейтенант В. Ф. Кузнецов и его заместитель по политической части В. А. Мыц. Говорил Вячеслав Александрович, как всегда, тихо, спокойно. А глаза его сияли, и казалось, весь он светится изнутри. Замполит звал людей на подвиг, а подвиг он понимал как высшее счастье. И эта его мысль,

это чувство передавались людям. Бойцы слушали Мыца, подавшись вперед, точно боясь пропустить слово, и у многих глаза так же, как у него, сияли. А когда он вызвал охотников ночью вместе с ним вплавь форсировать Десну, желающих оказалось более половины личного состава батальона. Капитан Мыц отобрал 25 человек и еще долго с ними беседовал... Позднее я спросил одного немолодого уже солдата-украинца:

— Почему вы, пожилой человек, вызвались на такое отчаянное дело?

— Я умию добре плаваты. А з нашим замполитом я пиду куды завгодно, — сказал солдат. — Це ж наш батько.

— Какой же он вам отец! — Я улыбнулся. — Ему ведь всего двадцать пять.

— Справа не в литах. Вин як батько любыть солдатив и турбуеться за нас. Та не я одын, у нас вси його батьком кличуть.

Бывает теперь, что такие слова, как «фронтовая семья», «воинское братство», воспринимаются иными людьми как готовые формулы, стершиеся от употребления метафоры. Напрасно! Эти формулы-метафоры отражают самую суть армейских взаимоотношений и не могут быть заменены никакими другими, как нельзя заменить ничем слова «верность», «преданность», «любовь».

Клятва мести, принятая на митинге в деревне Олешня, была опубликована в дивизионной газете. Вот ее текст:

«Каждый из нас, кто жил и боролся вместе с коммунистом капитаном Мыцем, повседневно чувствовал на себе благотворное влияние этого простого и душевного командира — отца. Он был славой нашего подразделения. Только на днях он первым повел нас отражать контратаку врага, поддержанную танками. Он вдохновлял нас простыми, но сильными словами: «За мной, орлы! За Родину, вперед!»

Десятки раз водил он нас в атаку, и всегда мы крепко били врага. Каждый из нас гордился своим старшим боевым другом и был доволен, когда на груди товарища Мыца засверкали ордена Красного Знамени, Красной Звезды и медаль «За отвагу». Он погиб в атаке.

Все мы поклялись жестоко отомстить за смерть любимого друга и товарища Мыца.

Свою клятву мы сдержали, в первом же бою истребили десятки гитлеровцев, но это только начало. Кровь любимого командира будет отомщена».

Долго не верилось мне, что Вячеслав Мыц погиб, долго еще по привычке называли мы его подразделение батальоном Мыца. Долго еще бойцы смертью врагов отмечали бессмертие своего

комиссара.

Теперь в селе Олешня Репнинского района Черниговской области пионерский отряд носит имя Вячеслава Александровича Мыца.

* * *

Дивизия продолжала преследовать фашистов, освобождая Левобережную Украину. 26 сентября с боем она взяла один из опорных пунктов врага на пути к Днепру — деревню Паперня. А через три дня дивизия вышла к Днепру.

Ой, Днипро, Днипро!

Песня о Днепре была одной из самых любимых. Пели ее и на заснеженных полях под Сталинградом, и у Черного, и у Белого морей: «Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч, над тобой летят журавли». Пели о том, как покидали его берега, и о том, как вернемся к ним.

Свершилось: Днепр синел перед нами.

На левом фланге 61-й армии в районе Глушец, Жилицы гвардейские соединения раньше нас вышли к Днепру и захватили на правом берегу небольшой плацдарм. Там армия и наносила свой главный удар. Туда, в распоряжение командира 12-й гвардейской стрелковой дивизии, был временно направлен наш 84-й артиллерийский полк.

Разведка обороны противника на Днепре началась до выхода частей дивизии к реке. Командир отделения из взвода инженерной разведки саперного батальона сержант В. М. Романов рассказывал:

— До Днепра было еще 25 километров, когда командира взвода старшего лейтенанта И. Т. Панферова и меня вызвал дивизионный инженер подполковник П. И. Грицюк и приказал разведать оборону противника на берегах реки. Выполнение этой задачи было возложено на мое отделение. Кроме того, к нам был прикомандирован связист с рацией. Командир взвода выдал нам автоматы и по нескольку гранат. Само собой разумеется, что мы были обеспечены миноискателями, щупами и шанцевым инструментом. Одетые в маскировочные халаты, мы благополучно миновали передний край противника и на другой день к рассвету вышли к Днепру.

Нас укрыл в своей землянке старый колхозник. Он же помог нам установить расположение минных полей, оборонительных сооружений и количество переправочных средств. Все разведданные мы передавали по рации в штаб дивизии.

Сержант Романов сделал небольшую паузу, а затем продолжил рассказ:

— Вскоре подошли наши части, и враг был отброшен на правый берег реки. Мы продолжали изучать его оборону. Я ночью заплывал на середину Днепра, замерял глубину и быстроту течения. На правом берегу вкопал столб для троса. В ту же ночь мы установили наличие двух вражеских траншей. Одна неподалеку от берега, вторая в 200–300 метрах от первой. С целью разведки на правом берегу Днепра побывали младшие сержанты Константин Иванович Мочалов, Петр Николаевич

Родионов, Николай Николаевич Васильев. Вели разведку боем рота лейтенанта Баранова, дивизионные разведчики во главе со старшим лейтенантом Алексеем Степановичем Чудаевым, подразделение старшего лейтенанта М. П. Маринченко.

* * *

Командование высоко оценило подвиги Василия Михайловича Романова и Владимира Петровича Баранова. Им было присвоено звание Героя Советского Союза.

В результате полученных дивизией и армейскими разведчиками сведений было установлено, что гитлеровцы на этом участке сосредоточили большие силы: около 18 батальонов пехоты, 350 орудий и минометов, 96 станковых и 250 ручных пулеметов. За кручами правобережья — деревни. Каждая из них — мощный опорный пункт противника. Не зря гитлеровцы свои укрепления на Днепре назвали Восточным оборонительным валом.

Командующий 61-й армией генерал-лейтенант П. А. Белов приказал командиру нашей дивизии продолжать разведку, готовить средства переправы, а после возвращения артполка и усиления приданной артиллерией начать форсировать Днепр. Но форсировать Днепр под Лоевом нам не довелось. Произошла перегруппировка сил. В ночь на 9 октября нас сменили четыре дивизии 65-й армии. Части нашей дивизии были передвинуты несколько южнее.

Политработа в эти дни проходила под лозунгом «Нас ждут за Днепром». Все мысли, чувства, вся жизнь личного состава были полны этим. Доклады, беседы, боевые листки, выпускаемые в подразделениях, посвящались форсированию Днепра.

15 октября дивизия получила приказ переправиться на правый берег. В тот же день состоялись партийные и комсомольские собрания, а затем митинги. 16 октября дивизионная газета «Победа» вышла с крупными заголовками: «Вперед, за Днепр, сыны Отечества!», «Сокрушим и добьем фашистское зверье!», «Вчера первые группы наших воинов форсировали Днепр!», «Слава первым!». Сильно звучала передовая статья «Нас ждет Беларусь!»:

«Воины! Перед нами Днепр! Мы слышим плеск его седых волн. Мы видим гладь его светлых вод. Там, на западном берегу, родная земля Украины и Белоруссии. Два года враг терзал наши города и села за великим Днепром. Два года гитлеровцы

измывались над нашими близкими, жрали наш хлеб, жгли и уничтожали все, что построено нашими руками. Пришла пора покончить с захватчиками. Сегодня наш путь через Днепр. Там, на западном берегу, поднимем славное Красное знамя».

В ту же ночь началось форсирование реки. К этому времени возвратился в дивизию 84-й артиллерийский полк П. А. Любимова. Вновь назначенный начальник артиллерии дивизии полковник Николай Михайлович Городовенко приказал подтянуть всю артиллерию дивизии к Днепру.

С рассветом в небе появились бомбардировщики, штурмовики, истребители. Дотемна они господствовали в воздухе, били противника на правом берегу и прикрывали переправу.

Часть подразделений воспользовалась понтонным мостом, наведенным ранее форсировавшими Днепр соединениями нашей 61-й армии, другие переправлялись на плотах и вплавь. К рассвету 16 октября 228-й и 111-й полки форсировали Днепр и сосредоточились в кустарниках на северном берегу озера Лутовское. Одновременно с пехотой переправлялась артиллерия. Первым со своей батареей вступил на белорусскую землю капитан Болеслав Иосифович Керножицкий. Командир 84-го артполка Петр Андреевич Любимов не ушел с переправы до тех пор, пока все орудия и боеприпасы не оказались на правом берегу. В ночь на 17 октября переправился и 107-й полк. Пушки, вязнувшие в песке, выкатывались на руках в боевые порядки пехоты.

Белорусская земля лежала перед нами вся в ранах от взрывов снарядов и бомб. Здесь с боем отвоевывался каждый метр. Плацдарм мы захватили пока небольшой. Правда, левее нас враг оттеснен на два километра. Но на правом фланге немцы сидели у Днепра. Оборона противника состояла из траншей полного профиля, тянувшихся вдоль всего западного берега реки, с ходами сообщения, отводами в тыл, с множеством блиндажей, имевших перекрытия до семи накатов. В траншеях были оборудованы ячейки для автоматчиков, площадки для ручных и станковых пулеметов. Кроме того, от берега Днепра с востока на запад, прикрывая подступы к деревне Дережичи, тянулось семь траншей на расстоянии 500 метров друг от друга. Дережичи были превращены в опорный пункт.

Взятые в плен немецкие солдаты рассказали, что Гитлер в специальном приказе потребовал удержать рубеж обороны на Днепре и ликвидировать все плацдармы, захваченные Красной Армией. «Скорее Днепр потечет обратно, — заявлял он, — нежели русские преодолеют его — эту мощную водную преграду 700–900

метров ширины, правый берег которой представляет цепь непрерывных дотов, природную неприступную крепость».

Перед дивизией была поставлена задача расширить плацдарм вправо и овладеть деревней Дережичи. Боевой порядок командир дивизии полковник Н. Н. Заиюльев построил так: в первом эшелоне 228-й полк, наступающий на север вдоль правого берега Днепра, и 111-й полк, наступающий слева, в направлении леса западнее деревни Дережичи. 107-й полк — во втором эшелоне.

Политотдельцы в эту ночь находились в частях первого эшелона и доводили боевую задачу до воинов. Опыт политической работы, накопленный за время войны, подтверждал, что недостаточно показать на карте или даже на местности направление удара, рассказать о ближайшей и последующей задачах. Надо обязательно убедить воина в том, что поставленная задача выполнима. И если политотдельцам, командирам, политработникам частей, парторгам, комсоргам, агитаторам удавалось это сделать, мы испытывали чувство большого удовлетворения.

17 октября в 10 часов после 30-минутной артиллерийской подготовки дивизия перешла в наступление. Части 7-й немецкой пехотной дивизии упорно сопротивлялись. Их поддерживали артиллерия и танки. Лишь к исходу дня нам удалось продвинуться вперед на полтора километра и захватить высоту 111,5. В этом была немалая заслуга артиллеристов. Все три дивизиона 84-го артполка и отдельный истребительный противотанковый дивизион огнем и колесами поддерживали пехоту.

Сколько было таких безымянных, помеченных лишь цифрами высот! Какие гордые имена бойцов-героев каждая из них могла бы теперь носить! Бой за высоту 111,5 продолжался почти сутки. Четырежды враг предпринимал контратаки под прикрытием танков, пытаясь во что бы то ни стало вернуть ее. Не раз создавались здесь критические моменты. Но брали верх над врагом беззаветная отвага и высокое мастерство наших воинов.

Расскажу лишь о некоторых из них.

Во время ночной атаки взвод лейтенанта Леонида Цемохи захватил у противника орудие и передал его своим артиллеристам. Командир отделения противотанковых ружей 111-го полка коммунист Чагил Байджанов подбил вражеский танк и уничтожил трех фашистов. Коммунист младший сержант Василий Хмелев с группой автоматчиков зашел гитлеровцам во фланг и внес смятение в их ряды.

Вскоре он был ранен, однако поле боя не покинул до подхода подкрепления.

Немецкий танк с десантом автоматчиков вышел на позицию стрелкового взвода коммуниста сержанта Николая Ершова. Однако никто из бойцов не дрогнул. Все вражеские автоматчики были уничтожены ружейным огнем, а танк подбит артиллерией. Батарея старшего лейтенанта В. С. Лимонова открыла огонь по двум танкам противника, приближавшимся к переднему краю. Танки огрызнулись всей своей огневой мощью. Началась дуэль. После пяти залпов нашей батареи немецкие танки изменили курс. В то время как они разворачивались, старший лейтенант Лимонов усилил огонь. В небо поднялись два черных столба дыма над двумя вражескими машинами...

К вечеру бой начал стихать, высота 111,5 твердо удерживалась нашими частями. Помню, в сумерках я собрал политработников частей. Мы стояли в траншее и молча пожимали друг другу руки. Сколько раз минувшим днем каждый смотрел смерти в глаза. Нет, не выглядели красавцами мои боевые друзья. Вот, к примеру, заместитель командира 228-го полка по политической части майор Николай Васильевич Дмитренко. Как он ухитрялся со своей тяжелой одышкой появляться то в одном, то в другом подразделении, и всегда вовремя, в самый опасный и нужный момент? Вот весь в песке, в помятом обмундировании, обычно щеголеватый замполит 84-го артполка Анатолий Францевич Цыш. Он все время был в боевых порядках, все орудия его полка стояли на прямой наводке. А в боевых порядках пехоты франтоватого вида не сохранишь!

А вот Георгий Иванович Кузнецов, стирая с лица пот черным как сажа носовым платком, беседует с исхудавшим охрипшим Дмитрием Ивановичем Власовым. Из работников политотдела тут же Ефим Маркович Ровин и инструктор по информации капитан Борис Львович Айзен, секретарь партийной комиссии Михаил Васильевич Поляков. Всем им довелось участвовать в боях, быть там, где тяжело. Впрочем, это относится ко всем политработникам дивизии. Находясь в цепи наступающих, они выявляли отличившихся и делали их подвиги достоянием всех.

О многом надо было поговорить. Несколько дней назад наши стрелковые подразделения получили пополнение. И сразу же — в бой. Да в какой бой! Противник контратаковал нас под прикрытием танков. Между тем большинство людей, прибывших в дивизию, не имело боевого опыта и тем более опыта борьбы с танками. Они нуждались не только в боевой выучке, но и в моральной поддержке. Условились о том, чтобы до утра переговорить с каждым новичком. Для индивидуальных бесед привлекали бывалых воинов дивизии.

Секретарь партийной комиссии М. В. Поляков должен был за

ночь побывать в нескольких частях. Теперь он договаривался с замполитами о времени и месте проведения заседания парткомиссии. Как правило, парткомиссия рассматривала решения партбюро о приеме в партию прямо на передовой. Запомнилось одно заседание. Противник вел непрерывный артиллерийский обстрел. Члены парткомиссии, парторг батальона, докладывавший о решениях партбюро, и вступающие в партию бойцы стояли в окопчиках, отрытых на определенном расстоянии друг от друга. Когда нарастал гул летящего снаряда, все присаживались. После разрыва поднимались, задавали вопросы, голосовали, принимали решения. Новые партийцы ползком возвращались в свои подразделения. Предстоящее ночное заседание партийной комиссии обещало быть таким же. Ну, что ж, дело привычное.

Нас больше всего сейчас тревожило другое: многие бойцы весь день не получали пищи. Мы тут что-то недодумали. Тылы пока оставались на левом берегу Днепра. Там же готовилась пища в походных кухнях. Затем кухни переправлялись на правый берег. Но подвезти их к самой передовой и раздавать суп, кашу в котелки было нельзя — слишком уж заметную мишень кухни собой представляли. Поэтому их ставили у берега и тщательно маскировали. Пищу таскали ползком в термосах. Но термосов не хватало. Не хватало и обыкновенных ведер. Интенданты только руками разводили. Что ж, решили послать им в помощь политработников. И через несколько часов все наладилось. Где нашли скрытые пути, чтобы подвезти кухни, где организовали цепочки с котелками. На другой день мы послали на левый берег людей из каждой части и обратились к местному населению с просьбой оказать нам помощь в приобретении нескольких десятков ведер и бидонов. И конечно же такая помощь была оказана. Перебоев с доставкой пищи на передовую больше не допускали.

А на рассвете снова разгорелся бой. Фашисты, выполняя приказ Гитлера любой ценой удержать Днепр, проявляли отчаянное упорство. Несмотря на большие потери, они под прикрытием танков снова и снова переходили в контратаки.

Опасное положение создалось на позиции одного подразделения 111-го полка. Как раз в то время, когда танки подходили к траншее, разорвавшимся снарядом был выведен из строя расчет 76-мм орудия. Остался жив лишь командир огневого взвода коммунист В. А. Семенченко. Он один заряжал, наводил и вел огонь по вражеским танкам — и вышел победителем. Два танка горели вблизи наших траншей.

Примеру Василия Алексеевича Семенченко, удостоенного

звания Героя Советского Союза, последовал комсомолец наводчик противотанкового ружья Николай Повалишин. Танк двигался прямо на него — все ближе и ближе... Повалишин не стрелял. Человек редкой выдержки и хладнокровия, он хотел бить наверняка. Но вот уже грозная махина в пятнадцати... в десяти метрах от траншеи. Бронебойщик нажал на спуск, но ружье отказало. Трудно было не растеряться. Но Повалишин, не медля ни секунды, бросил противотанковую гранату. От взрыва лопнула гусеница танка, и он остановился.

Нескольким танкам все же удалось пройти через наши траншеи. Дальше артиллеристы их не пустили. Первый танк подбили коммунист командир орудия Конев и наводчик Береженцев. Затем зажгли по одному танку парторг батареи Гаганов и Серегин. С четвертым танком покончили командир огневого взвода старший лейтенант Сухоедов, командир орудия Орешкин и наводчик Лебедев.

Атаки врага под прикрытием танков продолжались. Причем танки не стремились с ходу проскочить через боевые порядки и продолжать движение вперед, как это они обычно делали раньше. Смысла в этом не было. Впереди Днепр. Им ставилась задача прикрыть свою пехоту, а затем развернуться и утюжить наши траншеи. Следовательно, надо было уничтожать вражеские танки на подходе, не допуская их к траншеям.

Наши воины так и делали. Когда немецкий танк приблизился к траншеям 1-го батальона 111-го полка и начал разворачиваться для того, чтобы пойти вдоль траншеи, командир батальона старший лейтенант Митрофан Павлович Маринченко метнул противотанковую гранату. Поврежденная машина остановилась. Полетело еще несколько противотанковых гранат, и танк перестал вести огонь. После этого комбат поднял людей в атаку. Отрезанные от танка гитлеровцы не выдержали удара и отступили.

Не имели успеха попытки врага смять батальон старшего лейтенанта Н. М. Трохина. И здесь гитлеровцы пустили в ход танки. Два из них подошли к траншее, но артиллеристы отдельного противотанкового истребительного дивизиона уничтожили их. Бежавшие за танками фашисты ворвались в траншею. Младший сержант В. К. Казанский свидетельствует — в ход пошли автоматы, гранаты, штыки.

Пример стойкости и боевого мастерства показали командир батальона Николай Митрофанович Трохин, его заместитель по политчасти Николай Федорович Белоусов, парторг Емельян Дмитриевич Курилов, находившиеся среди бойцов. Завершить разгром врага помог взвод автоматчиков, высланный командиром

полка.

Здесь уместно будет несколько подробнее сказать о парторге батальона Е. Д. Курилове. Когда он пришел в нашу дивизию, ему исполнилось 40 лет. В партию он вступил в 1932 году. Имел опыт партийной работы. Скупой на слово, несколько медлительный, он тем не менее сумел быстро установить контакт с бойцами. Очевидно, этому способствовали человечность, душевная щедрость.

Я уже говорил о том, что во время Курской битвы парторги и комсорги батальонов большую часть своего времени проводили в боевых порядках — воевали, учили, агитировали, вели за собой людей. Таким был и Курилов.

Во время наступления 111-го полка на деревню Чувардино батальон Трохина попал под сильный пулеметный огонь гитлеровцев. Все залегли. Тогда парторг Курилов с небольшой группой бойцов ползком выдвинулся во фланг противнику, ворвался в траншею и уничтожил немецкий пулеметный расчет. Путь для наступления батальону был открыт.

Первичные партийные организации постепенно накапливали опыт работы. Стойкость, выдержка, боевое мастерство воинов при отражении контратак врага, а затем и успешное продвижение вперед были лучшим свидетельством действенности воспитательной работы парторга Курилова.

Забегая вперед, скажу, что Емельян Дмитриевич Курилов прошел с дивизией весь ее боевой путь. Не раз приходилось ему водить бойцов в атаку, прижиматься к земле под артиллерийским обстрелом и бомбежками, но счастье сопутствовало парторгу. Однажды немцы ворвались в траншею и бросили в блиндаж, где находился Курилов, гранату. Но мгновенная реакция выручила. Курилов успел поймать гранату за ручку и выбросить ее из блиндажа. В другой раз повозка, на которой он ехал по лесной дороге, подорвалась на противопехотной мине. И на этот раз он остался невредим.

Однако вернемся к событиям на плацдарме. Потерпев неудачу на участке 111-го полка, противник начал контратаковать 228-й полк. Основной удар принял на себя 1-й батальон капитана Сергея Пикунова, наступавший вдоль берега Днепра. Когда гитлеровцы приближались к окопам, горячий, вспыхивающий как порох лезгин Шарип Шарипов с возгласом «Комсомольцы, за мной, джигиты, вперед!» первым поднялся в атаку и увлек за собой бойцов.

Комсомолец Темников прикрыл их огнем станкового пулемета. У рядового Мелехина было разбито противотанковое ружье, он подобрал на поле боя ручной пулемет и открыл огонь

по врагу. Среди бойцов, отбивавших контратаки врага, все время находились парторг полка капитан И. И. Мухин и комсорг полка лейтенант П. П. Василеженко. Они личным примером увлекали бойцов в атаку.

Бой длился несколько часов, а отбросить врага не удавалось. Командир полка понял, что настало время оказать помощь батальону. Командовал 228-м полком майор Сергей Николаевич Ноженко, в прошлом пограничник, не расстававшийся с зеленой фуражкой. Заместителем по политической части у него был майор Николай Васильевич Дмитренко. К нам в дивизию он пришел из авиации. Командир и его заместитель по политической части не походили друг на друга. Майор Ноженко — стройный, подтянутый, порывистый, беспокойный. Майор Дмитренко — полный, добродушный, спокойный. Говорят, противоположности сходятся. Оба майора были неразлучны. Везде появлялись вместе. Жили душа в душу.

Майор Ноженко приказал начальнику штаба А. И. Манайникову оставаться на КП, а старшему лейтенанту Н. Г. Порфирьеву вынести на поле боя Знамя полка. Захватив взвод автоматчиков, он вместе с Дмитренко появился в боевых порядках 1-го батальона. Есть все-таки особая вдохновляющая сила в развевающемся знамени, в примере военачальников...

Контратака врага была отбита.

Среди отличившихся в этом бою хочется в первую очередь назвать командира 45-мм орудия старшего сержанта Павла Осипова. Находясь в боевых порядках пехоты, он вел огонь по наступающему противнику, подбил один танк, а когда кончились снаряды, продолжал стрелять из автомата. Комсомолец сержант Александр Берестовой уничтожил из автомата шесть фашистов, а его друг рядовой Иван Шаталов еще двоих. Командир расчета 82-мм миномета старшина Иван Пичугин метким огнем уничтожил 10 фашистов, подавил огонь двух немецких минометов и пяти пулеметов. Большие потери нанесла врагу батарея 120-мм минометов Ф. С. Бурлака..

В этот день воины всех наших подразделений сражались до последнего патрона и гранаты, а когда кончались боеприпасы, завязывали рукопашные схватки. В яростном бою мужественно дрались офицеры Александр Сидоренко, Василий Кузнецов, Семен Павлов, Хаим Штейнгарт, Борис Хайров, Степан Пономарев, Александр Артюхов, Карим Садыков и другие.

Часто на место выбывших из строя командиров становились партийные и комсомольские работники, сержанты и красноармейцы. Например, командир отделения молодой коммунист Михаил Пивнев взял на себя командование взводом.

Комсорг батальона Николай Кондрус и парторг 3-го батальона 111-го полка Турба Ванчиков возглавили стрелковые роты.

Среди огня, рискуя жизнью, находились санинструкторы, санитары-носильщики. Среди них было немало девушек. Удивительно, как в жестоком бою, при нечеловеческом напряжении сил женщины не теряли врожденной своей мягкости, великой терпеливости и, не боюсь сказать, обаяния. До сих пор образцом доблести и красоты остались для меня девушки в шинелях; среди них комсомолки санинструкторы Поля Степанова и Мария Дводненко, фельдшеры Суюмбак Тахтамышева, Галина Федько, Лиза Платонова-Иохим, Юлия Тико-Сарычева, Нина Павлова, Нина Орлова, Женя Петрова и другие. Они спасли жизнь многим солдатам и офицерам. Нелегко было и другим медицинским работникам. На небольшом плацдарме ротные участки и БМП (батальонные медицинские пункты) фактически совмещались и находились в каких-нибудь 20–30 метрах от окопов переднего края. Да и полковые медицинские пункты были на правом берегу Днепра в трехстах метрах от передовой. Дальше расположить их не представлялось возможным.

На полковой медицинский пункт тяжелораненых доставляли на носилках или плащ-палатках. Никакой транспорт здесь держать было нельзя. Медсанбат находился на левом берегу Днепра, и раненые доставлялись туда главным образом ночью. Поэтому неотложная помощь, в том числе и хирургическая, оказывалась на полковых медицинских пунктах. В медсанбате продолжалась борьба за жизнь раненых. Операции шли непрерывно. Врачи, медицинские сестры, санитары едва держались на ногах от усталости. Душой замечательного коллектива хирургов по-прежнему считали Георгия Петровича Петрова, хирурга и Человека с большой буквы. Послеоперационное лечение возглавляла Мария Александровна Лебедева, крупный специалист и щедрой души человек. Начальником медицинской службы дивизии был хороший организатор майор Борис Иванович Луговой. Медсанбатом командовал заботливый и трудолюбивый офицер Адил Сагатович Мирсоидов. Но, конечно, не только эти люди, а все командиры и политработники дивизии окружали раненых заботой и вниманием. Мы всегда помнили слова В. И. Ленина, сказанные в период гражданской войны: «...все наши трудности и мучения — ничто по сравнению с тем, что выпало на долю раненому красноармейцу, проливающему кровь на защиту рабочей и крестьянской власти...

Пусть же каждый в тылу помнит о своем долге — помогать всем, чем можно, раненому красноармейцу»[21].

Это ленинское указание свято выполнялось в нашей стране на фронте и в тылу. Благодаря общим усилиям советских людей за годы войны более 70 процентов раненых воинов были возвращены в строй.

Они были золотым фондом нашей армии. И теперь, сорок лет спустя после окончания Великой Отечественной войны, хочется всем, кто пролил кровь за Родину, низко поклониться. Им было нелегко воевать и трудиться после войны.

Что касается нашего соединения, то всяческой похвалы заслуживают не только медики, но и работники тыла дивизии и тылов полков: Н. И. Вощинин, П. А. Белоусов, М. А. Белов, В. А. Можев, И. И. Лавров и другие. Они обеспечивали эвакуацию раненых, питание воинов, своевременный подвоз боеприпасов. И чаще всего это приходилось делать ночью. Объем работы был большой. Достаточно сказать, что один боекомплект боеприпасов для частей дивизии составлял десятки тонн.

И теперь инвалиды, раненые и все участники Великой Отечественной войны окружены всеобщей заботой государства и народа. Правда, иногда встречаются отдельные досадные случаи бездушного отношения к ним, но и этих отдельных случаев не должно быть.

Медицинские работники нашей дивизии и сейчас, через 40 лет после окончания войны, продолжают свое доброе дело. Надежда Матвеевна Оцеп и Юлиан Пантелеймонович Померанцев работают в Москве, Борис Иванович Луговой — в Харькове, Николай Васильевич Пивоваров — в Киеве, Георгий Артемьевич Газалов-Броладзе — в Тбилиси, Николай Фомич Артюх — в Латвии, Джамилия Габитовна Валиева — в Казани, Эмина Гусеевна Джалилова — в Баку, Нина Григорьевна Клыкова-Маякова — в Даугавпилсе, Петр Евгеньевич Будрин и Клавдия Андреевна Буланова — в Свердловске, Клавдия Дмитриевна Заиюльева — в Нальчике.

* * *

21 октября — солнечный день. Рано утром с левого берега Днепра заговорили тяжелые орудия, началась мощная артподготовка. Наша авиация бомбила передний край и опорный пункт немцев — Дережичи. Артиллеристы уже накопили большой боевой опыт и действовали безукоризненно. Для корректировки огня приданной артиллерии вперед были выдвинуты наблюдательные пункты. Что касается дивизионной артиллерии,

то она находилась на прямой наводке, сопровождая пехоту огнем и колесами.

В атаку двинулись переправившиеся ночью на плацдарм танки. На их броне сидели саперы. Они вели наши машины по путям, ночью проторенным в минных полях. Дорогу первому танку показывал комсорг саперного батальона командир отделения Виктор Степанович Корюк. Вплотную за танками двигалась пехота. Лязг гусениц, грохот снарядов, отскакивающих от брони, скрип песка под сотнями ног...

Танки с ходу пронеслись через первую траншею, бойцы вскочили в нее. Впереди всех — Макаров, бывший рабочий Тульского оружейного завода. Он бросился к орудию. Кинул гранату, дал из автомата длинную очередь — уложил весь вражеский расчет. Захватил немецкую пушку в полной исправности. Рядовой Иван Николаевич Макаров был удостоен звания Героя Советского Союза.

Танки уже утюжили вторые траншеи, рвали провода связи, подминали под себя пушки, вдавливали пулеметы в песок. Наша артиллерия засыпала снарядами дороги в немецком тылу, и враг не смог подтянуть резервы.

Вперед! Вперед! Бойцы кричали «ура», не замечали ран, не чувствовали усталости.

В ночь на 22 октября опорный пункт врага — деревня Дережичи — был в наших руках. Теперь на ее окраине, недалеко от Днепра, у братской могилы возвышается памятник воинам 61-й армии, погибшим при форсировании Днепра. На постаменте склонился, опустившись на колено, воин Красной Армии. В левой руке у него каска, в правой — автомат. Надпись гласит: «Вы пали в бою за свободу страны, живущие вам бесконечно должны».

В числе других ветеранов 61-й армии меня вместе с однополчанами А. Ф. Цишем и П. М. Евстигнеевым осенью 1971 года Лоевский райком партии пригласил на открытие памятника. Охваченные волнением, прибыли мы в эти места. Поклонились праху боевых друзей. Возложили венок на их могилу.

Однако вернемся к октябрьским дням сорок третьего.

Комдив, не давая противнику опомниться, наращивая удар, ввел в бой находившийся во втором эшелоне 107-й полк, поставив перед ним задачу овладеть населенными пунктами Тесны и Городок. Командира этого полка майора Ф. В. Смекалина я знал еще по 133-й отдельной стрелковой бригаде. Полный, широкий в плечах, с внимательными и добрыми глазами, он был рассудителен и спокоен даже в тяжелые моменты боя. Во время Курской битвы Смекалин показал себя мастером организации взаимодействия пехоты с танками и артиллерией. Как раз такой

командир, спокойный, умный и в то же время решительный, нужен был для развития успеха.

Продвигались вперед. Вскоре в районе деревни Бывалки наши части соединились с правым соседом — дивизией, входившей в состав 65-й армии. Поставленная перед нами задача была выполнена.

С 16 по 31 октября в боях за расширение плацдарма на правом берегу Днепра дивизия отвоевала 49 квадратных километров территории, продвинулась вперед на 16 километров и освободила белорусские деревни Дережичи. Тесны, Городок, Новая Ольшевка, Старая Ольшевка, Будище, хутор Чистая Лужа.

Один из самых напряженных боев, которые вела дивизия после участия, в Курской битве, был выигран. Все попытки противника сбросить нас в Днепр провалились. Гитлеровцы понесли большие потери в живой силе и боевой технике. Достаточно сказать, что воины дивизии подбили 33 танка.

Успешно действовали и другие соединения 61-й армии. Гитлеровцы были отброшены с большого участка так называемого Восточного оборонительного вала. Плацдарм на западном берегу Днепра был значительно расширен.

Поступил приказ прочно закрепиться на достигнутом рубеже.

Немецкое командование все еще не признавалось в поражении. Геббельс в те дни писал в берлинских газетах: «Большевикам не удалось отбросить от Днепра немецкую армию. Повара наших войск и поныне черпают воду из Днепра». Но это была жалкая ложь. На самом деле гигантскую битву за Днепр выиграли советские войска.

Что было главным и решающим в этой победе? Можно говорить о росте воинского мастерства солдат, сержантов, о талантливости полководцев, военачальников, командиров, о могучей технике, созданной в нашем тылу. Все это верно. Но главный источник победы — вдохновляющая сила ленинской партии. Воодушевленные идеями Коммунистической партии, люди чувствовали себя за все в ответе — за судьбу Родины, за будущее человечества. Они дружно поднимались на клич «Коммунисты, вперед!», хотя многие из них еще не были членами партии. Именно это прежде всего делало нашу армию неодолимой.

* * *

XXVI годовщину Великого Октября мы отмечали неподалеку

от Днепра. Дивизия приводила себя в порядок, готовилась продолжать наступление. Агитаторы вели беседы с бойцами, командиры подводили итоги боев. В подразделениях состоялись торжественные собрания, посвященные празднику Октября. Командир дивизии и командиры полков вручали награды Родины офицерам и бойцам, отличившимся при форсировании Днепра. Повара хлопотали над приготовлением праздничных обедов.

Начальник дивизионного клуба капитан Борис Куксин и руководитель дивизионного духового оркестра Илларион Литвиненко ухитрялись прямо на переднем крае, в траншеях, проводить концерты небольших коллективов красноармейской самодеятельности. Землянки, где находились радиоприемники и рации, были набиты до отказа. Все ждали последних сообщений Совинформбюро, приказа Верховного Главнокомандующего, посвященного XXVI годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Настроение у людей приподнятое. Днепр позади. Преодолены многие трудности и опасности. Бойцы радуются тому, что добились успеха, открывшего широкие перспективы. Будут, конечно, новые трудности, будут опасности, еще будет литься кровь, но у людей расправились крылья. Лица солдат светились радостью.

Октябрьский праздник 1943 года Красная Армия ознаменовала славными победами. Они были одержаны почти на всем протяжении гигантского фронта. От Волги до Днепра вперед шагнули наши войска.

В ночь на 9 ноября 61-я армия снова перешла в наступление. Наша дивизия форсировала реку Песоченку и захватила плацдарм на ее западном берегу. Продвигаться вперед было трудно. Командование 7-й немецкой пехотной дивизии приложило немало усилий, чтобы создать сильную в инженерном отношении оборону, насытив ее большим количеством огневых средств.

Но воины наших полков и батальонов уже накопили опыт прорыва укрепленных позиций врага. Взламывая глубоко эшелонированную оборону, продвигаясь вперед, дивизия освободила белорусские населенные пункты Ручаевка, Красный Остров.

— Здравствуй, братская Белоруссия!

Эти слова были на устах всех наших воинов, преисполненных решимости очистить белорусскую землю от фашистских захватчиков.

Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, наш 107-й полк вел бой за деревню Грохово. Полк отбил все вражеские контратаки. Населенные пункты Ново-Кузнечное и Алексеевка

освободили стрелковые части вместе с отдельным истребительным противотанковым дивизионом под командованием майора Александра Кузьмича Тарнакина.

Теперь мы входили в состав 89-го стрелкового корпуса. Его командир генерал-лейтенант Г. А. Халюзин высоко оценил результаты последних боев, объявив личному составу дивизии благодарность.

Нам оказывали значительную помощь партизаны. Взаимодействие с ними осуществлялось через штаб армии. Уместно сослаться на воспоминания члена Военного совета 61-й армии генерал-лейтенанта Д. Г. Дубровского, который хорошо знал о боевом содружестве воинов и партизан. Он пишет: «Штаб армии совместно с политическим отделом и оперативной группой Пинского обкома разработал специальный план взаимодействия с партизанами, и Военный совет армии утвердил его...» В тех же воспоминаниях говорится: «Общими усилиями партизаны и представители армии успешно добывали данные о противнике, его действиях и обеспечивали своевременную взаимную информацию. Во время и после форсирования Днепра, с началом освобождения районов Полесской области, Военный совет армии и оперативная группа обкома повседневно держали связь с подпольным обкомом и нацеливали партизанские отряды и бригады на выполнение важных оперативных задач.

Для обеспечения боевых действий бригад и отрядов ежедневно на шести-семи самолетах подбрасывались из армейского тыла вооружение, боеприпасы, взрывчатые вещества, медикаменты и другие предметы снабжения. Обратными рейсами вывозились тяжелораненые и больные партизаны и члены их семей»[22].

15 ноября дивизия вышла на рубеж реки Брагинка. Противник занял оборону на ее западном берегу. Перед нами была поставлена задача продолжать наступление и освободить районный центр Брагин. Части 216-й немецкой пехотной дивизии превратили его в сильно укрепленный опорный пункт. Командир дивизии Н. Н. Заиюльев решил брать Брагин не лобовой атакой, а обходным маневром с флангов. Одновременно штаб армии поставил задачу партизанскому отряду имени Котовского нанести удар по Брагину с запада а захватить шоссейную дорогу Брагин — Хойники.

22 ноября началось наступление. Все части дивизии действовали успешно. Когда они начали обходить противника с флангов, а 111-й полк, наступавший с фронта, вплотную приблизился к Брагину, активизировал боевые действия партизанский отряд.

22 ноября 1943 года Брагин был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Теперь одна из улиц Брагина носит имя командира 111-го полка Ш. В. Челидзе. В тот же день 107-й полк занял деревню Шкураты, а 228-й полк — Городище. Через несколько дней мы вместе с другими частями 61-й армии участвовали в освобождении Хойниковского района и вышли к деревне Юревичи. Здесь воинским соединениям большую помощь оказали партизаны 2-й Калинковической бригады. Наступая с тыла, они посеяли панику в рядах фашистов и нанесли им значительный урон. Полесские партизаны в те дни вывели за линию фронта много мирных жителей, скрывавшихся в лесах от преследования фашистов. Наши воины оказывали им большую помощь. Принимали людей, кормили и отправляли их в тыл страны.

* * *

В нашу дивизию прибыл новый начпоарм Александр Георгиевич Котиков, высокий, стройный полковник с обветренным лицом и седеющими волосами. Цель приезда, как он потом сам сказал, — познакомиться с командирами, политработниками, изучить состояние партийно-политической работы. Держался Котиков, казалось поначалу, несколько необычно. Беседы с людьми начинал не привычным обращением «товарищи», а старинным «други мои». Голос у него был звучный и мягкий — бархатный баритон. Говорил он превосходно. Котиков был душевным, умным, интеллигентным человеком. В первый раз он провел в дивизии три-четыре дня, побывал на переднем крае. Беседовал с солдатами и офицерами, с замполитами полков и работниками политотдела, с каждым по-дружески, как с равным, спокойно, не торопясь, обо всем.

Однажды утром, когда все работники политотдела были на месте, А. Г. Котиков заговорил с нами о военной подготовке политработников, о том, какое большое значение придает этому вопросу Центральный Комитет партии.

— Мой очень хороший товарищ, — сказал Котиков, — поведал мне об одном случае, который произошел с ним. Мне представляется этот случай поучительным, и я позволю себе передать вам рассказ своего товарища.

«В мае 1942 года я возвращался из действующей армии. Части этой армии вели бои под Мценском. Я своими глазами видел новое добротное оружие, видел удаль и мастерство наших

бойцов. В Москве меня ждало приятное сообщение: я назначен начальником политического управления фронта.

Вылет рано утром, ночью беседа с начальником Главного политического управления РККА товарищем Щербаковым Александром Сергеевичем. Его кабинет был похож на учебный класс с образцами стрелкового оружия, рисунками новой техники, тактико-техническими и учебными таблицами. Щербаков перед этим провел восемь дней на полигоне. Он обстоятельно знакомил меня с обстановкой на фронте, давал характеристику товарищам, с которыми мне придется работать. Потом Александр Сергеевич поднялся из-за стола и, прохаживаясь по кабинету, спрашивал меня главным образом о том, насколько я был знаком с новой боевой техникой. Я ответил, что за техникой слежу, но некоторые новые образцы не знаю.

— Вы знаете вот это противотанковое ружье? — спросил он, указывая на схематический рисунок противотанкового ружья.

Отвечаю: знаю ружье Дегтярева, стрелял из него по немецкому танку, а вот этого не видел и с ним не знаком.

Щербаков метнул в меня сердитый взгляд. Я ответил, что знать это ружье — дело не хитрое. Это, видимо, переполнило чашу терпения, и Щербаков начал распекать меня по всем статьям.

Решение о моем назначении было тут же отложено. Обида раздирала грудь. Но разум взял верх. Я сел в машину и, не заезжая никуда, начал колесить по полигонам, изучать технику. Освежив старые знания, детально изучил новое оружие. Потом специалисты мне устроили настоящий экзамен.

И вот наконец назначение состоялось. Рано утром я улетел на Волховский фронт, чтобы вступить в должность начальника политотдела армии...»

— Рассказывая, — продолжал Котиков, — мой товарищ заметил, что главным для него было преодолеть обиду, увидеть глубокий смысл в том, что произошло в кабинете начальника Главного политического управления, и извлечь пользу для дела. Советую и вам из этого случая сделать для себя выводы, — закончил Котиков, предложив пойти пострелять из личного оружия. Сам он показал свое мастерство первым — все пули в центр мишени.

Позже Котиков часто бывал в нашей дивизии. Видел я его и в гневе. Более всего он сердился, когда сталкивался с формализмом и чиновничьей спесью. Помню, как он едко высмеял одного полковника, который вел беседу с солдатами примерно так:

— Как живете, товарищи?

— Хорошо, товарищ полковник.

— Как вас кормят?

— Хорошо, товарищ полковник.

— Письма из дому получаете?

— Получаем, товарищ полковник.

— Настроение боевое?

— Боевое, товарищ полковник.

На этом «беседа» обрывалась. Полковник, покашливая, направлялся в другое подразделение.

Когда полковник вернулся в политотдел, Котиков спросил его:

— Как живете, товарищ полковник?

— Хорошо...

— Как вас кормят?

— Хорошо...

— Письма из дому получаете?

Мы все не удержались от улыбок, а полковник покраснел как рак.

Сам Котиков, если беседовал с солдатами о пище, так и ел с ними из одного котелка, если о письмах, так просил, которые можно, прочитать вслух. Тут же порой решали, как и чем, какой семье фронтовика можно помочь, кому из местных руководителей написать.

Многому мы учились у Котикова — такту, сердечности, самостоятельности.

— Вы не ждите от меня специальных указаний по каждому поводу, сами думайте, — любил говорить он.

Верно кто-то сказал, что когда познакомишься с хорошим человеком, словно увидишь новую звезду. И тебе будет светлее, и жить станет легче. Такое ощущение осталось у меня после знакомства с Александром Георгиевичем Котиковым. Не удивительно, что вскоре после победы над гитлеровской Германией генерал-майор Котиков стал советским комендантом Берлина.

Затем Александр Георгиевич жил в Москве. При первой встрече с ним в 1955 году я думал, тот ли он, каким был на фронте? Не согнули ли его годы? Да, его здоровье сильно пошатнулось. Работа коменданта Берлина потребовала много сил и энергии. Он тяжело заболел. Много месяцев пролежал в госпитале. Но не сдался. После увольнения в запас Александр Георгиевич с присущей ему увлеченностью взялся за лекционную работу. Стал хорошим лектором. Его можно было встретить на заводах Москвы, в городах и селах, освобожденных 61-й армией от немецко-фашистских захватчиков. Он поддерживал связь со

многими школами. К нему часто обращались по различным вопросам ветераны 61-й армии. Словом, Александр Георгиевич Котиков по-прежнему оставался активным бойцом нашей партии, страстным пропагандистом ленинских идей.

После его смерти именем генерал-майора А. Г. Котикова названа одна из площадей столицы ГДР. Выступавший на митинге бургомистр района высоко оценил заслуги А. Г. Котикова в осуществлении демократических перемен в Берлине в первые послевоенные годы.

* * *

Противник учитывал важность полесского направления и заблаговременно превратил Мозырь и Калинковичи в мощные узлы сопротивления. На подступах к Мозырю, в 25–30 км, на линии Большие Автюки, Прудок, Шерейки, Гряда, Барбаров был создан сильно укрепленный рубеж обороны с многочисленными траншеями, дзотами, инженерными заграждениями.

С ходу прорвать оборону врага не удалось. Дивизия получила приказ закрепиться. Во всех частях и подразделениях закипела работа — воины укрепляли оборонительный рубеж. Велась разведка боем. Широко развернулось снайперское движение. За короткий срок опытные и молодые снайперы нашей дивизии (если сложить их счета) истребили больше батальона гитлеровцев.

Заканчивался сорок третий, начинался новый, сорок четвертый год. Прямо на переднем крае, в окопах и блиндажах, командиры тепло поздравляли солдат с Новым годом. Ветеранам войны вручались новогодние поздравления от командования 61-й армии и нашей дивизии. В это время у нас находились гости — представители трудящихся Удмуртской АССР. Это был настоящий праздник братства фронта и тыла. Гости жили в наших блиндажах и землянках, проводили долгие часы на передовой, беседуя с бойцами. В те дни было относительно тихо: только время от времени артиллерия противника била по площадям, иногда давали одну-другую очередь пулеметы. Но то, что у нас считалось затишьем, для гостей выглядело крещением огнем. С другой стороны, простая фронтовая пища казалась богатой и обильной тыловикам, жившим по строгим карточным нормам. Гости восторгались героизмом красноармейцев; бойцы переполнялись нежностью к тонким, в ссадинах и мозолях, рукам женщин, заменивших мужей у станков. Гордость за своих

матерей, сестер, невест, сутками не выходивших из цехов, умевших безропотно переносить и холод и голод, согревала сердца. Они там, в Удмуртии, жили одной мыслью: «Все для фронта!»

Инструктор обкома партии Дьякова, колхозный бригадир Стародубова, секретарь комсомольской организации колхоза Зубарева и наши снайперы Швыдченко, Ранчугов, Сабитов сфотографировались вместе.

Рассказы гостей из тыла дополнялись письмами. Их было особенно много в предновогодние дни.

Большая дружба связывала наших воинов с трудящимися Куйбышевской области. Наша дивизия получила Красное знамя Куйбышевского обкома партии и облисполкома. Полки тоже получили красные знамена от районов области.

За несколько дней до Нового года в дивизию прибыл вагон подарков от трудящихся Куйбышевской области. Подарки, среди которых были кисеты, носки, перчатки, вышитые платочки, вручались прямо на передовой. К каждому было приложено письмо. Сколько радости они приносили фронтовикам!

Подтвердилось высказывание В. И. Ленина о том, что в победе над врагами Советского государства огромную роль сыграли прочные связи тыла и фронта, что советский тыл является одним из источников высокого морального духа Красной Армии. «Когда красноармейцы видели, что в тылу о них заботятся, — говорил В. И. Ленин, — тогда Красная Армия была одушевлена тем духом, который давал ей победу»[23].

* * *

Пребывание в обороне позволило политотделу дивизии более основательно заняться расстановкой коммунистов в подразделениях. Необходимость в этом была большая. Во время наступательных боев, длившихся лето, дивизия несла потери. Не во всех подразделениях, особенно стрелковых, удавалось в ходе боев компенсировать потери коммунистов за счет роста партийных рядов. Теперь много достойных воинов, отличившихся в боях, было принято в комсомол и в партию. Представилась возможность укрепить партийно-комсомольскую прослойку среди разведчиков, пулеметчиков, боевых расчетов противотанковых ружей. Были также подобраны в подразделения парторги и комсорги. Проведены с ними занятия. Нам представилась возможность собрать на семинар заместителей командиров

батальонов по политической части.

После реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций и упразднения должности заместителя командира роты по политической части роль замполитов в батальонах значительно возросла. Это к ним, замполитам в батальонах, можно отнести стихотворение «Замполит» поэта Бориса Слуцкого:

То советующий, то приказывающий,
Забирающий в оборот,
Я был стрелкой, всегда указывающей:
«На Берлин! На Запад! Вперед!»

Дотом веры, надежды дотом
Я по всей стране проходил...
Был приказом, песней, советом,
Принесенным к бойцу письмецом.
Был начальником, но при этом
Был товарищем и отцом.

Заместители командиров батальонов по политчасти были непосредственными организаторами партийно-политической работы в бою. Они повседневно руководили парторгами и комсоргами батальона, вникали во все стороны жизни подразделений. А ведь в батальон входили три стрелковые роты, пулеметная, минометная роты, взводы противотанковых ружей, 45-мм пушек, взвод обеспечения, связисты. Надо было поспевать, всех охватить своим влиянием.

Батальон в бою часто решал самостоятельную тактическую задачу. В ходе боя много раз замполитам приходилось брать на себя командование батальоном. Политработников с командирскими навыками, как, впрочем, и командиров с навыками политработников, в дивизии было много. Фронтовая обстановка далеко не всегда позволяла разграничивать функции тех и других. А это требовало все настойчивее и шире дополнять практику теоретической учебой. Как ни сжато время на войне, бывают ведь и относительно свободные часы. Практика войны каждому, кто умел думать и учиться, давала возможность пополнять военные знания. Взять, к примеру, замполита батальона капитана В. Н. Клименко. Под деревней Грохово он хорошо провел ночной бой, за который был награжден орденом Александра Невского. Хочется назвать и других замполитов батальонов, не раз побывавших в огне боев: лейтенанта П. Д. Пономарева, старшего лейтенанта В. А. Ненина, капитана В. В. Родионова, старшего лейтенанта М. Н. Кузьменко, лейтенанта М.

Е. Винокурова, капитана И. Т. Заливко, старшего лейтенанта Г. П. Верченко, старшего лейтенанта М. П. Музыка, капитана А. С. Кретова.

Забегая вперед, скажу, что А. С. Кретов после войны окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина и работал старшим инструктором управления пропаганды и агитации Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Достойны, конечно, быть названными здесь и многие другие политработники, но, к сожалению, всех перечислить невозможно.

* * *

В начале января 1944 года штаб 61-й армии нацелил комдива Н. Н. Заиюльева на предстоящую Калинковическо-Мозырскую операцию, в которой должна принять участие и 55-я дивизия. Сразу же все командиры, политработники, партийные и комсомольские организации включились в подготовку к наступлению. 8 января войска 65-й и 61-й армий перешли в наступление. В поле зрения штаба нашей дивизии были события, развернувшиеся в районе Мозыря. О них я и буду писать.

Главный удар наша 61-я армия наносила силами 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта В. В. Крюкова и 7-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора М. П. Константинова. Они успешно прорвали оборону противника и начали обходить мозырскую группировку противника с юга. Большую помощь им оказала Мозырская партизанская бригада, расположенная в мелешковских лесах. Еще до начала наступления в штаб армии из вражеского тыла добрался комиссар бригады М. К. Ильинковский. С ним были решены вопросы взаимодействия войск и партизан.

11 января перешла в наступление 415-я стрелковая дивизия полковника Н. И. Мощалкова, находившаяся левее нас. 12 января в 7 часов 20 минут после краткой артиллерийской подготовки перешла в наступление и наша дивизия.

При боевом порядке в линию стрелковые полки в первые же часы прорвали мощную оборону противника и, продвигаясь вперед, овладели населенными пунктами Большие Автюки, Прудок, Гряда, Фобияновка, Шерейки, Игнатовка, колхоз «Трудовая пчела». Дивизия продвинулась далеко вперед.

Особенно успешно действовали учебная команда во главе с майором Д. С. Долинским, численностью 230 человек, и лыжный

батальон под командованием майора А. С. Иваненко.

Особая роль предназначалась лыжному батальону. И он непрерывно тренировался, делая многокилометровые броски. Сформированный из молодежи, батальон вскоре стал комсомольским.

В подразделения, предназначенные для нанесения по врагу внезапных ударов, мы всегда посылали лучших, опытных командиров и политработников. К их числу относился и Николай Федорович Белоусов. Он пришел в дивизию из госпиталя, где лечился после ранения. Был назначен заместителем командира батальона по политической части в 111-й полк. Энергия и смелость сочетались в нем с сердечностью. Он легко находил контакт с людьми, потому что жил их интересами. Такой политработник и нужен был в лыжном батальоне.

Вскоре после начала наступления командир лыжного батальона Арсений Сергеевич Иваненко был смертельно ранен. (Ныне одна из улиц Мозыря носит имя славного комбата А. С. Иваненко). Обязанности комбата принял на себя его замполит Николай Федорович Белоусов. И эта должность пришлась ему по плечу.

Учебная команда и лыжный батальон с кавалерийской быстротой пересекли по льду реку Припять южнее Юревичей и ударили с запада во фланг противника. Овладев населенными пунктами Барбаров, Новая Нива, Стрельск, Булавки, они успешно продвигались к Мозырю по правому берегу Припяти.

На левом берегу реки противник попытался закрепиться на промежуточном рубеже Сирот, Гулевичи, Акулинки и Бабики, но это ему не удалось. Командир дивизии приказал выдвинуть дивизион артиллерии на прямую наводку. 13 января была прорвана оборона врага, а к исходу дня освобождены деревни Гулевичи и Ситня.

В ночь на 14 января 107-й полк майора Ф. В. Смекалина и 228-й полк майора С. Н. Ноженко перерезали шоссейную и железную дороги Мозырь — Калинковичи. 111-й полк майора Ш. В. Челидзе, освободив деревни Лубня и Малая Лубня, перешел по льду на правый берег реки Припять и завязал бой на улицах Мозыря. Учебная команда и лыжный батальон освободили населенные пункты Акулинки, Моложево, Гурины, Булавки и вышли на окраину Мозыря. Тем временем 3-я гвардейская кавалерийская дивизия генерал-майора М. Д. Ягодкина, из состава 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, внезапным ударом овладела населенным пунктом Скрыгалово, расположенным в 30 км к западу от Мозыря. Части 7-го гвардейского кавалерийского корпуса, повернув круто на север,

вышли непосредственно на подступы к Мозырю с юга.

415-я стрелковая дивизия овладела важным опорным пунктом врага — городом Ельском и успешно продвигалась к Мозырю. Активно действовали в те дни и полесские партизаны под командованием И. Д. Ветрова.

Штурм Мозыря начался одновременно всеми соединениями, наступавшими на город. Гитлеровское командование прилагало все силы, чтобы удержать Мозырь. Но ничто не могло сдержать мощный наступательный порыв нашей кавалерии и пехоты. И снова подвиг за подвигом. И нет им числа и счета.

На подступах к Мозырю командир 45-мм орудия 111-го полка младший сержант Михаил Прокофьевич Пыкин со своим расчетом вырвался вперед и был отрезан гитлеровцами, оставшись без прикрытия. Но до подхода пехоты артиллеристы вели огонь прямой наводкой, отстреливались из винтовок, отбивались гранатами и устояли.

В числе первых ворвавшихся в город из нашей дивизии были лыжники, взвод учебной команды во главе с младшим лейтенантом Федором Федоровичем Бойченко и подразделения 111-го полка. В цепи наступающих шли командир полка Ш. В. Челидзе и его заместитель по политической части майор Г. А. Прохоров. Теперь в Мозыре в честь подвига этих подразделений установлены мемориальные доски.

Одна за другой улицы города переходили в наши руки.

В 3 часа 14 января части нашей 55-й и 415-й стрелковых дивизий во взаимодействии с кавалерийскими корпусами, при содействии партизан, овладели областным центром Полесья — городом Мозырь. Одновременно соединения 61-й и 65-й армий освободили Калинковичи.

В результате Калинковическо-Мозырской операции враг повес большие потери и был отброшен на 20–80 километров на запад.

Вечером 14 января у всех радиоприемников сидели бойцы. И вот в 20 часов 45 минут мы услышали знакомый голос диктора Левитана. Личный состав дивизии получил благодарность Верховного Главнокомандующего. Москва порадовала нас салютом. А на другой день стало известно, что нашей дивизии присвоено наименование Мозырской. Этому знаменательному событию были посвящены митинги, прошедшие во всех подразделениях. Поздравить нас приехал начальник политотдела 61-й армии полковник А. Г. Котиков. Приподнятое, праздничное настроение воинов дивизии проявилось в высоком наступательном порыве. 14 января к исходу дня наши части овладели на левом берегу Припяти населенным пунктом Рудня Горбавическая, станцией Клинск и вышли на рубеж реки Ипа.

За Мозырем, в районе города Петриков, как и на других участках фронта, гитлеровцы в течение длительного времени готовили глубоко эшелонированную оборону. Они хотели во что бы то ни стало остановить наступление Красной Армии и удержаться в Белоруссии. Наступающие части не смогли с ходу прорвать укрепления противника. Нужна была передышка для пополнения поредевших соединений людьми и вооружением. Поэтому и последовал приказ занять оборону. Дивизия перебрасывалась на правый берег Припяти в район населенных пунктов Лешня, Киневичи, Казимировка.

В те дни к нам прибыл новый комдив — Герой Советского Союза полковник Корней Михайлович Андрусенко. 15 февраля вместе с ним мы поехали во 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Нам было приказано принять у кавалеристов полосу обороны, занимаемую ими в районе Скрыгалово, Убортская Рудня.

Все, кто встречался с кавалеристами, знают их традиционное гостеприимство. Они приняли нас по-братски, показали нам рубежи обороны, и мы договорились о порядке смены частей.

Мне помогли здесь быстро сориентироваться старые друзья — заместитель командира корпуса полковник Григорий Абрамович Толокольников и начальник политотдела 17-й гвардейской кавалерийской дивизии полковник Евгений Евгеньевич Алексеевский. В свое время мы вместе работали в Московской области, в политотделах МТС, а с Е. Е. Алексеевским — из Калининской области. И вот теперь встретились на фронте.

После смены частей, состоявшейся 21 февраля, кавалеристы некоторое время стояли у нас во втором эшелоне, и мы с Алексеевским встречались, вспоминали прошлое. До войны мы последний раз виделись в 1937 году. Тогда он был штатским и занимался сугубо мирным делом — заведовал сельхозотделом Калининского обкома партии. Теперь передо мной сидел полковник. У него на груди — три ордена Красного Знамени. Говорили о работе в политотделах МТС. Как пригодился теперь нам опыт работы по политическому воспитанию людей, приобретенный тогда. Вспомнили Калининскую область, общих знакомых и, конечно, секретаря обкома партии М. Е. Михайлова. Алексеевский, как и я, относился к нему с глубоким уважением. Приятно напомнить, что товарищ юности и боевых лет Е. Е. Алексеевский много лет был на посту министра мелиорации и водного хозяйства СССР.

* * *

Мозырь! Через тридцать лет, 14 января 1974 года, мне довелось снова побывать в родном для нас городе, имя которого в свое время было написано на знамени 55-й стрелковой дивизии. В тот день торжественно отмечалось 30-летие освобождения Мозыря от немецко-фашистских захватчиков. Приятно было увидеть, как изменился город в послевоенные годы. На его северной окраине, вдоль левого берега Припяти, раскинулся благоустроенный жилой микрорайон. В городе построены деревообделочный комбинат, швейная фабрика, железобетонный завод и другие предприятия. Там, где проходили жаркие схватки с врагом, в настоящее время радуют глаза новые школы, клубы, спортивные площадки.

Большие успехи достигнуты и в сельском хозяйстве района.

Волнующими были встречи с мозырцами особенно с молодежью, школьниками — людьми, за счастье которых мы воевали. Мозырцы очень трудолюбивы, сердечны. Живо интересуются историей боевых действий частей Советской Армии, освободивших Мозырь. Юные следопыты не раз совершали походы по местам боев нашей дивизии.

И наконец, встреча с бывшими партизанами, их вожаками: секретарем Полесского подпольного обкома партии и командиром партизанского соединения Иваном Дмитриевичем Ветровым, командиром Мозырской партизанской бригады Александром Лукичом Жильским, комиссаром бригады Михаилом Кузьмичом Ильинковским, секретарем Полесского обкома партии Петром Адамовичем Левицким, прибывшим в Мозырь вместе с войсками, освободившими город.

Беседам, воспоминаниям не было конца. И это понятно, ведь нас связывает боевое товарищество, память о трудных дорогах суровых лет Великой Отечественной войны.

Они возмужали, закалились

Морозы сковали льдом реки Припять и Уборть. Метели кружили над непроходимыми топями. Зимние ветры свистели в кустарниках и камышах. На северном, левом берегу Припяти фашисты отрыли три линии траншей полного профиля, установили проволочные заграждения и минные поля. В районах юго-западнее Конковичей, южнее Новоселок и города Петриков у гитлеровцев остались предмостные укрепления. Отсюда каждый час можно было ждать внезапного удара.

Конечно, мы готовились к наступлению. Война уже вступила в тот этап, когда считали и шаги, и часы до Победы. Однако, готовясь идти вперед, мы должны были позаботиться и о собственной безопасности. Законы войны суровы — малейшая небрежность грозит гибелью.

С первого же дня наши части взялись за инженерное оборудование позиций и приступили к боевой подготовке. Проводилась она строго по плану.

С командованием дивизии и командирами частей занятия проводил новый командир 89-го стрелкового корпуса генерал-майор Александр Яковлевич Яновский. С командирами батальонов занимался наш комдив полковник К. М. Андрусенко, исключительно энергичный человек.

* * *

Как-то, присутствуя на занятиях у артиллеристов в группе полковника Николая Михайловича Городовенко, я слушал выступление командира дивизиона капитана Виталия Михайловича Сарычева и радовался, что выросли, возмужали, закалились наши воины. Вспомнился Северо-Западный фронт. Комсомолец лейтенант Сарычев — командир взвода управления полковой артиллерии — боевое крещение принял у рощи Круглая. Когда Борис Поляков со своим батальоном попал в тяжелое положение, Сарычев выдвинул орудия на прямую наводку и выручил пехоту из беды. Сарычев недолго командовал огневым взводом. Вскоре его назначили командиром батареи, а в 25 лет он уже командовал дивизионом в артиллерийском полку. От рядового бойца-связиста до командира батальона прошел в дивизии путь Макар Степанович Наумов.

Я уже писал, что пулеметчик Михаил Тимофеевич Пивнев во

время Курской битвы вступил в партию и, получив партбилет, пошел в бой. На Днепре, когда в его роте вышли из строя все офицеры, он взял на себя командование взводом. Теперь Пивнев был уже лейтенантом, имел три награды Родины.

Леонид Михайлович Сабуров пришел к нам лейтенантом и был назначен командиром взвода. Потом командовал ротой. Теперь он уже стал заместителем командира батальона.

Повысился общий кругозор людей, их идейно-политическая закалка. Командиры-единоначальники все больше и больше становились подлинными воспитателями своих подчиненных. Взять, к примеру, командира 1-й стрелковой роты коммуниста старшего лейтенанта Василия Федоровича Баталова. Умно и умело опирался он в своей работе на партийную организацию. Парторг роты Каминский, а с ним все коммунисты первыми узнавали о замыслах командира, проводили их в жизнь. Баталов всегда успевал дать толковый совет редактору боевого листка, подсказать самое важное агитаторам. Регулярно проводил беседы и делал доклады для личного состава роты. Опыт его работы политотдел широко популяризировал среди командиров рот и батарей. И многие из них действовали ничуть не хуже.

Кому не ясно, что война не состоит из одних подвигов. Она ведь становится и бытом. В обороне надо устраиваться с максимальными удобствами. Солдат и так достаточно терпел лишений. Надо было дать ему возможность пожить хоть мало-мальски по-человечески. Тех, кто собственную лень и безрукость оправдывал войной, у нас не терпели. Но тем не менее не все удавалось легко. Не везде можно было глубоко зарыться в землю. По стенам землянок текли ручейки. Вода выступала из-под бревенчатых настилов, заменявших пол. И все же землянки постепенно благоустраивались: появлялись железные и кирпичные печки, столы и нары. Из снарядных гильз мастерили лампы. Бани появились во всех ротах. В каждом батальоне построили большие землянки-клубы. В них показывали кинокартины, устраивали концерты самодеятельности. Бойцы говорили: «Жить можно».

Политотдельцы много занимались бытом красноармейцев. Но, конечно, главная задача была в другом. Все-таки опытных парторгов для рот не хватало. Учить молодых парторгов в наступательных боях было некогда. Теперь группа работников политотдела во главе со старшим инструктором по организационно-партийной работе майором Василием Степановичем Бенем вместе с парторгами частей занялась и учебой, и подбором людей.

Мы переводили коммунистов из тыловых подразделений в

стрелковые роты, проводили семинары. Учили и командиров рот, особенно молодых, относиться к парторгам как к своим непосредственным помощникам, прислушиваться к их советам. Позаботились и о том, чтобы каждый парторг имел одного-двух заместителей. Решили также создать резерв парторгов рот как при политотделе, так и в полках. Из кого мы его создавали? Прежде всего из коммунистов — рядовых и сержантов, прибывавших с пополнением, возвращавшихся из медсанбатов и госпиталей. К марту политотдел имел в резерве 16 парторгов. Учили мы их во втором эшелоне. Ежедневно проводили с ними занятия по военному делу и изучению опыта партийной работы. По заданиям политотдела они бывали в ротах, знакомились с бойцами, проводили беседы. Одновременно мы решали вопрос о подборе комсоргов рот. Этим занимался новый помощник по комсомольской работе.

Читатель уже знает о моих теплых, дружеских отношениях с помощником по комсомольской работе В. И. Степановым. Мы ежедневно встречались с ним, обменивались мнениями о комсомольских делах. Вместе бывали в частях, присутствовали на комсомольских собраниях, беседовали с молодежью. Теперь настало время распрощаться с ним. Степанов был назначен инструктором комсомольского отдела политического управления фронта. Расставаться было тяжело. Но что поделаешь? Проводили мы его тепло, по-фронтовому.

Помощником по комсомольской работе был назначен комсорг 84-го артполка старший лейтенант Николай Минович Гладкий. Он сравнительно быстро освоился с новой работой и стал достойным преемником Степанова. Произошли изменения и в составе комсомольских работников в полках, батальонах, дивизионах. Комсоргом 84-го артиллерийского полка стал уже известный читателю по боям на Северо-Западном фронте старший лейтенант Иван Бражник. После упразднения института заместителей командиров рот по политической части Ивана назначили комсоргом батальона.

Стиль работы политрука — всегда с людьми, всегда впереди — он сохранил и на комсомольской работе. Дневал и ночевал в подразделениях. Вместе с комсомольцами участвовал в боях. После гибели любимца комсомольцев 107-го полка лейтенанта Евгения Третьякова комсоргом полка стал старший лейтенант Семен Босалыга, человек боевой, инициативный. Комсорг 228-го полка лейтенант Моисей Софиенко был ранен. На его место получил назначение лейтенант Петр Василеженко. Службу в дивизии он начал с командира стрелкового отделения. Затем стал комсомольским вожаком батальона. Комсомольцы

любили его за скромность, деловитость, мастерство в бою. Лишь Николай Бобровский был бессменным комсоргом 111-го полка. Но о нем речь впереди.

* * *

Вожаками молодежи были и комсорги батальонов и рот. Авторитет они завоевывали в боях. Молодежь училась у них беззаветной храбрости и преданности Родине.

Сержант Александр Павлович Анчутин прибыл в дивизию в команде курсантов военного училища незадолго до начала Курской битвы. Его назначили командиром отделения в 3-ю роту 1-го батальона 107-го полка. Во время боев в районе деревни Жирятино вражеский пулемет, установленный в полуразрушенном сарае, прижал роту к земле. Продвижение вперед приостановилось. Нужно было подавить огонь врага. За выполнение этой задачи взялся сержант Анчутин. Накинув для маскировки плащ-палатку, он пополз по-пластунски вперед.

— Все напряженно глядели туда, где медленно ползет наш Саша, — рассказывал мне парторг батальона В. Н. Клименко. — У каждого сердце чуть не выпрыгивало из груди. Кажется, что уже время бросать гранату, а он все еще ползет. «Бросай, Саша!» — кричали мы, Анчутин, конечно, нас не слышал. Но вот он чуть приподнялся и бросил гранату. Взрыв. Затем летят вторая и третья гранаты. Пулемет замолчал.

Вскоре Анчутин был утвержден комсоргом роты. Потом он не раз первым подымался в атаку, ходил в разведку, замещал командира взвода. Недаром орден Отечественной войны II степени, два ордена Красной Звезды и несколько медалей украшают его грудь.

Такими же отважными воинами остались в моей памяти и другие комсорги: Владимир Вишняков, Николай Кондрус, Виктор Карюк, Леонид Касьянов, Василий Федоров, Капар Исмагулов, Егор Левыкин, Николай Ерпылев. Теперь Николай — старший лейтенант запаса, ученый, председатель совета ветеранов дивизии.

Комсомольцы в дивизии были среди всех категорий личного состава. Рядовые, младшие командиры, взводные — «отцы-командиры», едва достигшие девятнадцати-двадцати лет, командиры рот и даже командиры батальонов. И всегда их место было впереди. Следует особо сказать о большой заслуге комсомольских организаций в развертывании снайперского

движения. В подтверждение этого приведу лишь один пример. Пребывание дивизии в обороне начало несколько расхолаживать солдат. И даже снайперское движение кое-где пошло на убыль. Комсорг 111-го полка старший лейтенант Николай Бобровский решил доказать маловерам, что они не правы. Он пошел в одну из рот и остался там на ночь. Захватив с собой снайперскую винтовку, задолго до рассвета вышел на «охоту». Обосновался на удобной позиции и тщательно замаскировался. Однако, пролежав дотемна, так и не убил ни одного фашиста.

Пробираясь по узкому переходу траншеи в землянку, он слышал смешки и иронические реплики бойцов:

— Комсорг-то, того, обмишурился...

Бобровский был упорен. Он остался в роте. Вернулся на снайперскую позицию. Шли томительные часы, миновал уже полдень, когда первый гитлеровец высунулся из окопа. Николай моментально поймал его на мушку. Раздался выстрел, и фашист свалился. Счет открыт! К вечеру Бобровскому удалось подстрелить еще офицера. Гитлеровцы, взбешенные потерями, засыпали весь ротный район обороны минами и долго строчили из пулеметов... Однако наши были хорошо укрыты.

О почине Бобровского сообщила дивизионная газета. Сотни бойцов последовали его примеру.

Николай у себя в полку выступил инициатором патриотического почина по сбору денег во всенародный фонд обороны. В дивизии тогда было собрано 728 700 рублей деньгами и 626 975 рублей облигациями государственных займов. Вскоре на имя Николая Бобровского пришла телеграмма с благодарностью Верховного Главнокомандующего. В тот день мне нужно было побывать в 111-м полку, и я захватил телеграмму, чтобы передать ее Бобровскому. Помню, Николай сидел у ящика, на котором чадил фитилек, торчавший из расплющенной латунной гильзы снаряда. Перед комсоргом лежала тетрадь. Он писал и так увлекся работой, что не слышал, как я вошел. Я окликнул его. Николай вскочил. Я сел на нары, усадил и его. Кивнул на тетрадь, спросил:

— Что, дневник?

Бобровский немного замялся:

— Как вам сказать? Что-то вроде летописи боевой славы комсомольского полка.

— Можно взглянуть?

— У меня от вас нет секретов, товарищ полковник. — И Николай с готовностью протянул мне тетрадь.

С интересом листаю исписанные страницы. А тем временем Бобровский натянул на себя гимнастерку, спросил, буду ли я

ужинать. Не отказываюсь. Гремя пустыми котелками, он вышел из землянки. Пока Бобровский ходил за ужином, я углубился в чтение. Судя по датам, Николай эту тетрадь пронес по многим фронтовым дорогам. Первая запись относилась к 1942 году. Чувствовалось, что он писал по горячим следам событий, в перерывах между боями. Были здесь описания подвигов и мысли о войне, о судьбах и характерах людей, встречались выписки из прочитанных книг, а среди них подчеркнутые слова Николая Островского, слова, на которых было воспитано целое поколение героев: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

...Мне впервые пришлось тогда читать такого рода запись комсорга. И, кажется, впервые я подумал о том, как слова писателя входят в плоть и кровь, становятся своими для тех, кто читает его книги.

Вернулся в землянку Бобровский, мы съели гречневую кашу, а потом долго пили чай и разговаривали обо всем — о родных, о любви да и о нашей службе. Когда речь шла о делах, Николай старался казаться более взрослым и серьезным: хмурил брови и поджимал губы. Но стоило ему заговорить о чем-то своем, неофициальном, как мгновенно расцветало его лицо и в глазах появлялись веселые искорки... Говорил он страстно, загораясь, волнуясь, радуясь, и все время поправлял рукой непослушные, часто падавшие на лоб волосы.

— Вам не приходилось бывать в Красноярском крае? — вдруг спросил меня Николай.

— Нет, а что?

— Обязательно побывайте. Вот земля так земля! — Он даже вздохнул. — Ширь... Леса... А люди?!

Я улыбнулся:

— Люди — всюду люди.

— Нет, не скажите. Вот работал я там на паровозе у старого машиниста Михеича. Таких нигде не найдешь. Умница! Мастер — не уступил бы знаменитому Левше... Жаль, что мало пришлось поработать под его началом...

Николай мечтательно уставился в бревенчатый потолок землянки.

...Мы вспоминали товарищей, которые не дошли с нами до Белоруссии, погибли под Старой Руссой, на Курской дуге, на Днепре...

— Неужели забудут когда-нибудь о них люди? — спросил Николай. — Нет, наверно, после войны в каждой школе будут такие уроки — уроки героизма. И учителя станут рассказывать на них о солдатской доблести и, может быть, даже о нас с вами. — Он засмеялся. — Насчет себя я, конечно, перегнул...

Улеглись под утро. Николай Бобровский сразу заснул и во сне улыбался, а я, возбужденный воспоминаниями, не мог сомкнуть глаз. Думал тогда: вот в жизни и мыслях этого юноши, как солнце в капле воды, отражена судьба целого поколения комсомольцев. И конечно же они ничем не уступают нам, комсомольцам двадцатых — тридцатых годов.

Мысль цеплялась за мысль, воспоминания унесли меня в далекие времена. Перед глазами возник образ моего друга Саши Шаширина, в которого стреляли кулаки во время коллективизации на Рязанщине, припомнились боевые вожаки молодежи на Электрозаводе Владимир Тимофеев и Измаил Девишев, секретарь МК комсомола Дмитрий Лукьянов... В воспоминаниях все они были так же молоды, как спящий рядом Николай.

А теперь, когда пишутся эти строки, на память невольно приходят слова Андрея Александровича Жданова: «Чудная организация — комсомол, жаль, что работать в ней можно только раз в жизни».

Своими меткими снайперскими выстрелами Николай Бобровский дал как бы новый импульс снайперскому движению. Снова снайперы вышли на огневые позиции. Загремели выстрелы. У Кирилла Швыдченко на боевом счету стало 180 фашистов, у Виталия Ранчугова — 173. Две вражеские роты вывели из строя два советских воина.

Открыли боевые счета истребленных фашистов снайперы Блохин, Сердюк, Тетченко, Хорт, Коломеец, Плющ, Чумаченко, Бума...

* * *

Ночь в обороне. Тихо на передовой, стрельбы совсем не слышно. Но надо быть всегда настороже. Целые подразделения выделяются на боевое дежурство. Здесь бойцы не спят всю ночь и не выпускают из рук оружия. О чем только не переговорят солдаты в длинные бессонные часы. И разговор в это время получается особенно задушевный. Мы в политотделе завели правило — каждую ночь несколько товарищей уходят на

передовую, в гущу красноармейцев.

В блиндажах и окопах, в боевом охранении и на огневых позициях велись беседы, количество которых никто не учитывал. Общим и обязательным было одно — чтобы пропагандировалась политика нашей партии, разъяснялись задачи, которые нам надо решать в ближайшее время, укреплялась вера в победу над врагом.

Политическая работа в дни относительного затишья приобретала широкий размах. Читались лекции и доклады о важнейших решениях партии и правительства, об успехах Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны и подвигах тружеников тыла, читались также лекции, непосредственно связанные с повышением военного мастерства солдат и офицеров, такие, как «Характеристика обороны противника перед нашей дивизией», «Наступление стрелкового батальона в лесисто-болотистой местности», «Об опыте форсирования водных преград».

Большой спрос был на газеты и книги. Фронтовая, армейская и дивизионные газеты доставлялись в день их выхода. Центральные газеты бойцы получали на второй день. Мы ежедневно докладывали в политотдел армии о том, когда газеты доставлены на передний край.

Политический и культурный уровень бойцов и командиров возрастал день ото дня. В сырых землянках, обстреливаемых врагом траншеях, залитых водой окопах советский воин не оставался равнодушным к политике, к событиям, происходящим на фронте, в тылу.

...В один из самых тихих дней, рано утром, я зашел в штаб. Оперативный дежурный доложил: «Ночь прошла спокойно». И тут же раздался звонок. Меня разыскивал командир медсанбата.

— К нам привезли Хайрова. Он в тяжелом состоянии и просит вас приехать.

Вот и спокойно!

Я поехал в медсанбат. Б. А. Хайров был одним из самых дорогих моему сердцу политработников дивизии.

Хайров подорвался на вражеской мине. Он потерял много крови, прежде чем его заметили и подобрали проходившие мимо солдаты. Сейчас он лежал в хирургической палатке в тяжелом состоянии.

На мое приветствие Хайров ответил чуть заметной улыбкой и сразу заговорил медленно, с трудом, белые губы едва шевелились. Но видно, ему важно было что-то высказать.

— Так нелепо все... Столько воевал, и вдруг... А хочется... увидеть победу.

Он замолчал, прикусил губу, словно стремясь собраться с силами. А перед моим внутренним взглядом проходили памятные страницы боевой жизни.

Январь 1942 года. Небольшой, смуглый младший политрук после окончания ускоренного курса военно-политического училища прибыл в 133-ю отдельную стрелковую бригаду. У него за плечами был уже кое-какой опыт работы с людьми. Последние десять лет он жил в Пермской области. Работал секретарем комсомольской организации, директором лесхоза, заведующим районным земельным отделом. В бригаде Хайров был назначен политруком минометной роты, затем парторгом батальона.

Тяжелые бои на Северо-Западном фронте. Раненый парторг батальона политрук Хайров не уходил из траншеи, стрелял, пока не потерял сознание. Его вынесли с поля боя и отправили в госпиталь. Вскоре я получил от него письмо:

«Все, на что до сих пор не обращал я внимания, вплоть до мелочей, кажется близким, родным, и еще больше хочется жить, уничтожать паразитов. Да! Хочется жить. Но чтобы жить, нужно истребить до единого эту мерзкую сволочь. Иначе жизнь не имеет цели и смысла...»

В январе 1943 года Хайров попал в нашу дивизию, стал замполитом батальона, В боях под деревней Левошкино повел роту в атаку и снова был ранен.

Во время Курской битвы я видел его при отражении контратаки. Пулеметчики вышли из строя, и Хайров сам лег за станковый пулемет. Вел огонь яростно и точно.

А вот, уже на правом берегу Днепра, вместе с пехотой продвигаются вперед и тащат на руках свои пушки артиллеристы — истребители танков, и среди них — замполит дивизиона Хайров.

Когда человек долго воюет, он начинает казаться бессмертным.

Хайров снова заговорил, прервав мои мысли:

— Трудно будет жене одной воспитывать троих детей.

Последние его слова были:

— Я очень люблю своих детей...

Не знаю, о чем еще хотел сказать мне Хайров. Знаю: и. жил и умер он как человек большой души.

После войны я выполнил свой долг, разыскал его детей — Луизу, Розу, Валерия и передал им последние слова отца перед смертью.

* * *

Много и упорно мы работали с новым пополнением, прибывшим из освобожденных от немецко-фашистских захватчиков районов. Проверять пополнение пришлось бдительно. В то же время мы не допускали подозрительности по отношению ко всем без разбора.

Во время оккупации гитлеровцы, бандеровцы отравляли сознание людей антисоветскими измышлениями, злобно клеветали на советский строй, на ленинскую политику нашей партии. И мы видели свой долг не только в том, чтобы учить новобранцев военному делу, но и в том, чтобы очистить их сознание от яда антисоветской пропаганды, помочь им разобраться в положении на фронтах войны, в политике партии.

Политотдел напоминал коммунистам советы, данные В. И. Лениным слушателям Свердловского университета, отправлявшимся на фронт гражданской войны. «Каждый из вас, — говорил Владимир Ильич, — должен уметь подойти к самым отсталым, самым неразвитым красноармейцам, чтобы самым понятным языком, с точки зрения человека трудящегося, объяснить положение, помочь им в трудную минуту, устранить всякое колебание...»[24]

Именно так и нам надо было подходить к каждому новому человеку, прибывшему с пополнением в дивизию.

Наша армия — не только могучая военная сила, но и замечательная школа коммунизма — в этом ее особое величие.

Взаимодействуем с днепровцами

Наша дивизия по-прежнему находилась на правом фланге 61-й армии. На левом берегу Припяти занимали оборону части 119-го укрепленного района 65-й армии. В конце апреля 1944 года на стык 65-й и 61-й армий по реке Припять подошли корабли Днепровской военной флотилии.

Штабы дивизии, 119-го укрепрайона и Днепровской военной флотилии разработали план взаимодействия в предстоящих боях. Быстро установился контакт и между политработниками. Важно было поближе познакомить солдат с матросами, укрепить дружбу между ними. Не имея возможности в условиях боевой обстановки проводить многолюдные собрания, мы договорились с политотделом Днепровской флотилии о встрече бывалых солдат с матросами на кораблях, а матросов — участников боев под Сталинградом, ранее служивших на Волжской военной флотилии, — с солдатами на переднем крае.

В это время в наших частях проходили слеты бывалых воинов по специальностям, на них мы пригласили матросов. Дружба наладилась быстро.

Первый совместный бой дивизия и флотилия провели в ночь на 23 февраля. Для разведки обороны противника комдив и командир бригады речных кораблей решили высадить десант в районе Багримовичи. В десант мы включили 56 человек из состава разведывательной роты нашей дивизии. 1-я бригада речных кораблей предоставила четыре бронекатера и три полуглиссера. Отряд высадки возглавил опытный офицер, участник боев на Волге, капитан 3 ранга А. И. Песков. Десант, поддержанный огнем бронекатеров, успешно провел разведку боем. Дружба солдат и матросов выдержала испытание огнем.

Удачно провели несколько поисков дивизионные разведчики во главе с командиром роты капитаном П. Н. Зиминым. Весьма ценные показания дал захваченный в плен унтер-офицер из 102-й немецкой пехотной дивизии. Забегая вперед, скажу о судьбе отважного разведчика Зимина. Во время летнего наступления 1944 года он был тяжело ранен и остался без правой ноги. После войны Петр Никифорович окончил медицинский институт, стал хирургом, заведовал больницей в одном из целинных совхозов. Теперь он кандидат медицинских наук, доцент, трудится в Мозыре.

Важные данные добыли и полковые разведчики старшего лейтенанта А. И. Артюхова, младшего лейтенанта Н. А. Короля. Теперь нам стало известно о перегруппировке частей противника,

уточнена была схема расположения его огневых средств. Перед фронтом дивизии стояли 102-я немецкая пехотная дивизия, 116-я дивизионная группа «Кнот», 114-й саперно-строительный батальон и пять дивизионов артиллерии. Эти соединения и части входили в состав 2-й немецкой армии.

27 июня на КП дивизии, находившийся в лесу в районе деревни Осовец, прибыл командир 89-го стрелкового корпуса генерал-майор А. Я. Яновский. От него мы узнали, что 61-я армия переходит в наступление на припятском направлении. Перед дивизией комкор поставил боевую задачу форсировать реку Припять, овладеть опорными пунктами противника на левом берегу реки — деревнями Конковичи, Оцирки, Новоселки, городом Петриков — и в дальнейшем наступать в северо-западном направлении.

Выполнять эту задачу надлежало во взаимодействии с моряками. Начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник М. С. Малинин командующему Днепровской военной флотилией предписал: «Силами бригады, находящимися на реке Припять, поддержите наступление 55-й стрелковой дивизии. Командиру бригады поручите согласовать действия с командиром 55-й стрелковой дивизии».

В тот же день началась подготовка к наступлению. Командир дивизии полковник Корней Михайлович Андрусенко, имевший большой фронтовой опыт, из-за болезни отсутствовал, и обязанности комдива исполнял начальник штаба Вениамин Петрович Шмыглев. Вскоре он доказал, что эта обязанности ему по плечу. Начальником штаба стал майор И. В. Мельников, вполне подготовленный для штабной работы.

Каждый раз, когда дивизия получала боевую задачу, политотдел разрабатывал план политической работы в предстоящем бою. Так было и теперь. Мы предусмотрели в плане основные мероприятия, которые надо было провести перед наступлением и в ходе боевых действий. Правда, обстановка часто заставляла дополнять планы, а иногда и менять их. Но опыт накопился уже большой. Обобщением его занималось политуправление фронта. Незадолго до наступления мы получили директиву за подписью генерала С. Ф. Галаджева политотделам соединений на время боевых операций.

К начальникам политотделов предъявлялось требование: не разбрасываться, вести дело целеустремленно. Предлагалось прежде всего обеспечить правильную расстановку парторгов и комсоргов рот и батарей, а также штатных политработников, знать, кто из них выбыл из строя и кем заменен, сколько человек имеется в резерве, как идет пополнение и подготовка резерва.

Это — кадровые вопросы. Затем в директиве подчеркивалось, что необходимо усилить внимание к отбору лучших людей в партию. Некоторые политотделы несвоевременна вручали партийные билеты и кандидатские карточки. Директива требовала устранить этот недостаток. В ней подчеркивалось также, что необходимо постоянно информировать личный состав о важнейших событиях на фронте, в тылу, на мировой арене, постоянно заботиться об улучшении питания бойцов, об организации эвакуации раненых, похорон убитых. На политотделы возлагалась обязанность принимать участие в восстановлении органов Советской власти в освобожденных селах, вести работу с местным населением, знать политические настроения. Был поставлен и ряд других задач.

Политуправление фронта в своей директиве подчеркивало, что начальник политоргана, не занимающийся этими конкретными вопросами, не проверяющий в этом направлении работу подчиненных ему политработников, не может считать, что он политически обеспечивает успех боя. Естественно, что при составлении плана политического обеспечения предстоящего наступления мы руководствовались указаниями политического управления фронта. Попутно замечу, что с начальником политического управления фронта генералом С. Ф. Галаджевым у меня было несколько встреч. Все они сохранились в моей памяти. И я с большим удовлетворением прочитал в воспоминаниях Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского теплые слова о Галаджеве: «большой умница и светлый человек».

27 июня вечером во всех подразделениях дивизии прошли митинги, посвященные предстоящему наступлению. Сила воздействия слова на этих митингах определялась его конкретностью. Бойцы воевали не первый день, да и не первый год, и митинг был для них далеко не первым. Значит, только новые факты могли дать заряд боевой энергии и ненависти к врагу. В 1-м батальоне 228-го полка заместитель командира по политической части С. П. Мандрыка и парторг А. Г. Оганесян зачитали на митингах в ротах письмо, полученное капитаном Михаилом Максимовичем Ляховым от сестры, освобожденной из-под ярма немецко-фашистской оккупации частями Красной Армии. «Уведомляю, дорогой брат, — писала она, — что я осталась одна. Маму, папу, Веру, Настю, Катю и мою дочку Томочку гитлеровцы угнали в Германию на каторгу. Страшное пережили мы. Осталось народу 80 человек. Деревня вся сожжена. Скота никакого нет. Мучили они нас страшно. Отомсти им, брат, за нашу беду».

Вместо резолюции на митинге был принят текст письма к

сестре капитана Ляхова. В нем говорилось: «Мы горячо сочувствуем горю нашего боевого командира капитана Ляхова и горю всего нашего народа, пострадавшего от фашистских извергов. Мы клянемся в предстоящих боях отомстить немецко-фашистским захватчикам за кровь и слезы своих отцов, матерей и сестер».

...Полоса обороны дивизии, проходившая по правому берегу реки Припять и по западному ее притоку — реке Уборть, тянулась на 28 км. Командир дивизии решил прорывать оборону противника на нескольких узких участках фронта, создав на них необходимое превосходство над противником. Главный удар комдив наносил силами 228-го и 111-го стрелковых полков в направлении города Петриков, расположенного на левом берегу реки.

107-му стрелковому полку во взаимодействии с Днепровской военной флотилией была поставлена задача наносить вспомогательный удар на правом фланге. Подразделения полка, форсировав с помощью речных кораблей Припять, должны захватить населенные пункты Конковичи и Новоселки, а затем наступать в северо-западном направлении на Петриков. К этому времени наиболее боеспособная 1-я бригада речных кораблей, с которой мы уже наладили хорошие связи, ушла на Березину для участия в Бобруйской операции. Осталась вновь сформированная 2-я бригада речных кораблей. В ее составе находились дивизион бронекатеров из четырех единиц, дивизион катеров-тральщиков из десяти единиц, отряд полуглиссеров из двенадцати единиц. Бригаде были приданы 100-мм плаворудие и две плавучие зенитные батареи. Кроме того, был сформирован небольшой отряд для разведки берега и обеспечения первых бросков десанта.

Силы 2-й бригады речных кораблей, как видим, были невелики. Леонид Соболев, находившийся в то время на Днепровской флотилии, потом писал: «Флотилия эта состоит из бронекатеров и полуглиссеров, тральщиков и плавучих батарей. Что это за корабли?.. Название «бронекатер», по совести говоря, слишком громкое: действительно, есть на нем броневая башенка, в которой находится орудие, все же остальное — обычная тонкая сталь, отлично пробиваемая мелкокалиберным снарядом. Командир и рулевой стоят в рубке в счастливой убежденности, что их защищает броня, хотя броня эта — вся в дырках.

Вторая разновидность на флотилии — это полуглиссера, удивительное, как говорится, чудо техники и природы. Это обыкновенный маленький катерок, на котором поставлен родной мотор М-1, который тащит его по реке, и на нем четыре человека с пулеметами... На таких катерах делает первый бросок десант.

Идут они к берегу полным ходом, напоминая мчащийся торпедный катер, и с них высаживаются на берег моряки по 3–4 человека с каждого, захватывая первый и самый трудный кусок земли.

Работают на реке тральщики. Это очень маленькие древние посудины с тралами, совершенно непохожими на наши морские, порой смешные и странные, но делают они большие дела.

Есть на флотилии еще одно боевое средство... На каких-то двух маленьких понтончиках была настлана платформа, на нее было поставлено 100-мм орудие. Оно великолепно стреляло и очень помогло наступлению армии. Сооружение это называлось громко «плавбатарея», хотя состояло всего лишь из одного орудия. Другие батареи установлены на плоскодонных баржах. На таких баржах Днепровская флотилия очень быстро и оперативно перебрасывает армейские группировки...

За эту войну я повидал моряков и на море, и в воздухе на самолетах, видел их на суше — в Одессе, под Севастополем. И вот впервые пришлось наблюдать их на реке... Но примечательно, что все те качества советского военного моряка, какие я наблюдал на море, на суше и в воздухе, полностью сказались и в речной войне».

С этим утверждением писателя Леонида Соболева нельзя не согласиться. Военные моряки были на высоте положения. Они оказали нам большую помощь. Но об этом ниже.

В ночь на 28 июня части дивизии, захватив с собой ранее подготовленные переправочные средства — лодки и плоты, — незаметно для противника заняли исходное положение для наступления. В 17 часов в тот же день по приказанию полковника В. П. Шмыглева во все части дивизии и во 2-ю бригаду речных кораблей по телефону и радио был передан сигнал начать наступление. Прежде чем выйти к реке Припять, предстояло ликвидировать предмостные укреплении. В первые часы наступления все части выполняли эту задачу. Не везде сразу обозначался успех. В частности, застрял 228-й полк, наступавший на левом фланге.

На правом фланге дела шли более успешно. Командир 2-й бригады речных кораблей капитан 2 ранга В. М. Митин решил отрядом в составе двух бронекатеров, двух тральщиков, трех полуглиссеров и десантной группы моряков произвести прорыв в районе севернее деревни Скрыгалово. Командиром этого отряда был назначен капитан-лейтенант И. П. Михайлов. В его распоряжение для благополучного форсирования боновых заграждений на реке командир дивизии выделил группу саперов.

После сигнала о начале наступления корабли, преодолев

огневое сопротивление, подавив противодесантную оборону врага, высадили на левый берег первый бросок десанта моряков в составе 33 человек. Возглавлял его младший лейтенант Николай Чалый. Человек опытный. Командовал взводом разведчиков в боях под Одессой. Воевал и под Севастополем. Командир 107-го полка подполковник Смекалин на одном из участков нанес сильный удар по гитлеровцам и вышел к Припяти. Энергичный и инициативный командир 1-го батальона старший лейтенант Василий Иванович Турчанинов немедленно направил на левый берег разведку и после ее возвращения начал готовить первый бросок десанта. В его задачу входило занять и максимально расширить плацдарм с тем, чтобы всему батальону дать возможность высадиться и повести наступление.

Капитан Турчанинов и его заместитель старший лейтенант П. Пономарев в дивизионной газете «Победа» подробно рассказали о боевых действиях батальона.

...Ночью к нашему берегу, писали они, подошли четыре бронекатера. На них взошли разведчики Саблина и стрелки младшего лейтенанта Александра Дмитриевича Коробицына. Солдаты знакомились с матросами, обменивались приветствиями. Возникали тихие беседы. Непривычно, неловко чувствовали себя солдаты на маленькой шаткой палубе катера. Но дружеское слово, совет, шутка, сказанные вполголоса, успокаивали, рассеивали тяжелое настроение.

Далее в статье отмечено следующее.

Первый катер отдал швартовы. Он не мог пристать вплотную к противоположному берегу. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы его заметил противник. Как же быть? Припять глубока в этих местах. Но катерники знали отмель, по которой можно было дойти вброд до берега, она начиналась почти с середины реки. К отмели подошел катер. Высоко держа автоматы, винтовки, ручные пулеметы над головой, по пояс, по грудь в воде, шли в глубокую ночь солдаты.

Всего двадцать человек высадилось с младшим лейтенантом Саблиным. Но от умелых действий этой небольшой группы зависел успех боя. Они должны были зайти через болото в тыл противнику и ударить внезапно, посеять панику. Полчаса паники в лагере врага облегчили бы высадку батальона, сберегли бы десятки жизней. Младший лейтенант Саблин повел людей к болоту. К счастью, их никто не заметил. А в болоте, он был уверен, фашистов нет. Сначала идти было просто трудно, ноги увязали в тягучей жиже. Потом шли, погружаясь по пояс в воду, помогали друг другу. Самые высокие и сильные несли ручные пулеметы. Низкорослый разведчик Матвеев внезапно попал в яму,

и грязная вода покрыла его с головой. Старший сержант Иван Курдюков вытащил товарища за волосы.

...Мучительно длинен был этот путь, и подвиг тех, кто в кромешной тьме пробирался непроходимым болотом, не страшась, не ропща, равен был любому подвигу, совершенному в бою. Но вот наконец болото кончилось. Бойцы залегли в кустарнике. Слышны были голоса фашистов. В двадцати метрах виднелся вражеский дзот.

И вдруг тишина раскололась. Над гитлеровцами, над лесом, над Припятью зажглись десятки ракет. Заголосила немецкая артиллерия. Ей начала отвечать наша. Страшный грохот артиллерийского боя заполнил все пространство. Саблин достаточно ясно представил себе, что произошло, и приказал приготовиться к атаке.

Между тем события на реке обострялись: два катера с погрузившимся на них десантом были замечены противником посреди реки. На них обрушился шквал огня. В ответ оба катера ударили из своих пушек. Открыли огонь с нашего берега орудия и минометы. Два других еще свободных катера бросились на выручку к своим. Они подошли почти вплотную к берегу и стали бить по гитлеровцам прямой наводкой. Под прикрытием их огня часть десанта все-таки успела высадиться, но закрепиться было почти невозможно.

И вот в эти самые тяжелые и напряженные минуты в тылу у фашистов началась пальба. Саблин с десятком бойцов атаковал немецкий дзот. Немного правее ворвался в траншеи с остальными бойцами Коробицын.

Курдюков бросил в дверь дзота одну за другой две гранаты. Уцелевшие после взрыва гитлеровцы были уничтожены очередями из автоматов. В две-три минуты бойцы Коробицына очистили от противника значительную часть траншеи. Однако дело удалось только наполовину. Враги быстро пришли в себя. Горстку наших бойцов атаковали с разных сторон до полусотни фашистов. Наши дрались самоотверженно, дрались как герои. И все-таки, слишком неравным был бой. Казалось, ничто уже не спасет горстку храбрецов, казалось, нет выхода.

— За Родину!

Сначала даже не поняли, откуда доносились эти голоса. В бескозырках, сдвинутых набекрень, в полосатых тельняшках, прямо на головы гитлеровцам прыгали матросы. Оказалось, это десантники младшего лейтенанта Николая Поликарповича Чалого.

С новой силой ударили бойцы Саблина и Коробицына. Теперь уже фашисты растерялись окончательно и побежали, бросая

оружие, оглашая ночь дикими возгласами.

Паника проявилась на многих позициях вражеской обороны. Ослабел огонь немецких орудий. С берега донеслось русское «ура».

Вскоре первая траншея немецкой обороны была в наших руках. Враг отброшен на полтора километра. Плацдарм на левом берегу создан! Вскоре весь батальон перенравился на катерах и устремился вперед. Продвигаясь с боями по труднопроходимой болотистой местности, он овладел важным опорным пунктом противника — деревней Конковичи. Остальными силами 107-й полк ликвидировал предмостный плацдарм врага севернее населенных пунктов Шестовичи и Велавск.

Успешно действовал и 2-й батальон старшего лейтенанта Сергея Евсеевича Низовца. Он форсировал реку в районе деревни Новоселки и также захватил плацдарм. Сюда немедленно перебросили на катерах артиллерию дивизии. Тут же саперный батальон начал наводить переправу через Припять.

28 июня до позднего вечера 228-й и 111-й полки продолжали бои по уничтожению предмостного укрепления. Обогащалась и летопись подвигов наших воинов. Расскажу о некоторых из них.

Взвод младшего лейтенанта Бектыбаева сосредоточился на исходной позиции. Ползком пробираясь по открытому месту, по зыбким кочкам болота, красноармейцы и командиры приближались к высоте. Гитлеровцы заметили их и открыли огонь. Воздух наполнился воем мин, свистом снарядов, треском пулеметов.

Впереди наступающих тащили свой тяжелый пулемет смуглый худой азербайджанец Азиз Алиев и его товарищи. Беспрерывно меняя позиции, они прикрывали взвод огнем. Кругом рвались вражеские мины и снаряды, взлетали комья грязи. Но пулеметчики упорно продвигались вперед. Однако, когда до высоты оставалось не более 400 метров, плотная завеса вражеского огня остановила наступающих, прижала к земле. Казалось, атака захлебнулась. В этот критический момент сержант Алиев принял смелое решение. Он приказал красноармейцам Махамбетову и Глушенко разобрать пулемет, распределил его части между бойцами и приказал ползти в сторону, по фронту.

Путь отважным преградило болото. Сержант Алиев первым шагнул в трясину, за ним последовали его товарищи. По грудь и по горло в гнилой воде, держа над головами части пулемета и коробки с лентами, бойцы форсировали болото. Им удалось незаметно проникнуть через открытый фланг противника.

Выбрали позицию, тщательно замаскировали ее и, быстро

собрав пулемет, открыли огонь по врагу. Гитлеровцы растерялись. Меткий пулеметный огонь настигал их всюду. Укрепленная высота была взята нами.

В ночь на 29 июня 228-й и 111-й полки под прикрытием огня артиллерии на ранее заготовленных лодках и плотах, а также на простых переправочных средствах форсировали Припять. Однако на левом берегу они встретили сильное сопротивление врага. Завязался бой. Противник неоднократно пытался сбросить наши части с левого берега. Но при поддержке артиллерии пехота удерживала плацдарм.

Вот один из примеров инициативы и находчивости артиллеристов. 7-я батарея 84-го артполка, форсировав Припять, установила орудия у берега. Теперь было необходимо срочно наладить связь со стрелковым подразделением. Но вокруг вражеские мины. Ждать саперов некогда. Бойцы разглядели тропинку, которой пользовались гитлеровцы. Она наверняка не заминирована. Но зато за ней наблюдают снайперы противника, и каждого, кто покажется, ждет пуля.

Как быть? За дело взялся красноармеец Клесунов. Катушку с проводом он установил на камнях так, чтобы она могла свободно вращаться. Затем боец привязал к ноге конец провода и, плотно прижимаясь к земле, пополз. Теперь все зависело от сноровки. Клесунов полз, как ящерица, даже трава колебалась не более, чем под ветром. Связь со стрелковым подразделением была установлена.

Запомнилась встреча с парторгом 129-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона капитаном Алексеем Никифоровичем Полянским. Он был тяжело ранен. Несли его к переправе для отправки в медсанбат.

— Не то беда, что ранен, а то беда, что товарищей оставляю, — сказал мне парторг.

И я уверен, что Алексей Полянский не хотел расставаться с друзьями. Давно он служил в нашей дивизии, был политруком роты, а когда после первого ранения его назначили начальником клуба дивизии, не успокаивался, пока снова не отпросился на передний край.

Товарищей по дивизии Алексей Никифорович действительно навсегда покинул. Отправили его в тыловой госпиталь, а затем уж с другой частью дошел он до Берлина. После войны, слышал, учительствовал он в родном поселке Сурское Ульяновской области. Недавно получил я новое напоминание об Алексее Полянском. Прочел в альманахе «Подвиг» очерк Якова Лойко «Сержант в одиннадцать лет». Очерк этот был посвящен сыну Алексея Никифоровича Станиславу — герою-разведчику Великой

Отечественной.

Да, судьбы советских людей нередко перекрещивались на фронте. И случай, который я привел выше, лишь подтверждает это...

Тяжелый бой на Припяти длился много часов. Наши силы наращивались. Во второй половине дня подошли бронекатера и огнем поддержали пехоту. Преодолевая заболоченные участки, подразделения продвинулись вперед, закрепив за собой плацдарм.

На второй день наступления командный пункт дивизии переместился к берегу Припяти в район Велавска.

* * *

107-й полк продолжал продвигаться вперед в северо-западном направлении. К исходу 29 июня он вышел в район населенных пунктов Слобода, Калинка, Гончариха. Учитывая его успешное наступление, командир дивизии решил в ходе боя произвести перегруппировку сил и развивать успех на этом участке.

29 июня к вечеру 111-й полк был погружен на корабли и переброшен на плацдарм, захваченный 107-м полком. Помню, мы были вместе с полковником Шмыглевым под Новоселками, когда с первым эшелоном 111-го полка прибыл смелый и энергичный начальник штаба полка майор Федор Максимович Еровой. Командир дивизии поставил полку новую боевую задачу: обойти город Петриков с севера. Под покровом ночи, преодолев заболоченный участок, подразделения этой части вышли к северной окраине населенного пункта Белка. 228-й полк оставался на месте. Комдив направил туда своего заместителя по строевой части полковника Николая Дмитриевича Поляткова. Надо сказать, что этот человек пользовался в дивизии большим авторитетом. Кадровый офицер, хорошо подготовленный в военном отношении, был всегда желанным в частях. Командиры получали от него дельный совет и помощь в выполнении боевой задачи.

В 107-й полк был послан начальник оперативного отделения штаба дивизии майор А. П. Бондаренко, в 111-й полк — его заместитель майор И. М. Хорошко. Им поручалось оказать помощь штабам.

С утра 30 июня наступление возобновилось. 111-й полк подполковника И. П. Черноусенко, человека исключительной

храбрости и настойчивости, обошел город Петриков с севера, перерезал шоссейную дорогу, а также дорогу Рабочий Поселок — Капцевичи — Петриков и, создав угрозу окружения немецкого гарнизона, отвлек на себя его главные силы. Особенно успешно действовал при этом 2-й батальон. Им командовал один из храбрейших офицеров дивизии четырежды орденоносец Емельян Романович Супрунов.

107-й полк подполковника Ф. В. Смекалина приблизился к Петрикову с северо-востока. 228-й полк при поддержке дивизионной и корабельной артиллерии прорвал линию обороны врага и начал, хотя и медленно, продвигаться с юго-востока к городу.

Уже знакомый нам артиллерийский разведчик Клесунов, неся рацию, почти вплотную пробрался к вражеской траншее, из-за пригорка наблюдая за ней. Метким выстрелом он уничтожил высунувшегося фашиста. После этого ему пришла в голову дерзкая мысль. Он высмотрел участок, где не было огневых точек, пополз вперед. Прыжок — и вот Клесунов в траншее. Осмотрелся. Близко — никого. Лишь издали доносятся голоса гитлеровцев. Клесунов установил рацию, начал корректировать огонь своей артиллерии прямо из вражеской траншеи.

Два брата — Михаил и Сергей Помазы шли рядом в атаку. В числе первых они форсировали Припять. Вместе ворвались во вражескую траншею. В жестокой схватке был убит Сергей. Упорный траншейный бой продолжался. Михаил дрался все яростнее. Ненависть и горе словно удесятерили его силы. Он настиг группу фашистов, открыл огонь из автомата. Восемь гитлеровцев ответили жизнями за смерть Сергея.

Штурм Петрикова командир дивизии назначил в ночь на 1 июля. Чтобы не допустить отхода противника на запад, он поставил перед командиром 2-й бригады речных кораблей задачу высадить десант к моменту штурма в юго-западную часть города. С наступлением темноты 30 июня начался штурм города. Наступление было стремительным. Подразделения всех полков, а также десант в составе команды моряков и отдельной учебной роты дивизии одновременно ворвались в город. 30 июня в 23 часа 30 минут Петриков был освобожден от немецко-фашистских захватчиков.

Я уже писал о том, какую помощь оказали дивизии моряки Днепровской военной флотилии. Действия бронекатеров и десантных групп были безупречны. Мы с полковников Шмыглевым сочли своим долгом выразить благодарность морякам. В письме, направленном нами командиру 2-й бригады речных кораблей капитану 2 ранга В. М. Митину и начальнику

политотдела Н. З. Мациевскому, говорилось: «Командование и политотдел 55-й стрелковой дивизии выносят благодарность лично вам, краснофлотскому и офицерскому составу 2-й бригады речных кораблей Днепровской речной флотилии за успешные совместные наступательные действия в районе Скрыгалово, Петриков и желает вам дальнейших успехов в вашей боевой работе по разгрому немецко-фашистских захватчиков».

Мне раньше не приходилось бывать в Петрикове, поэтому я не мог представить себе, каким он был до войны. Теперь город лежал перед нами разрушенный и безлюдный. Лишь кое-где на дорогах встречались жители, возвращавшиеся из лесов. Они подходили к нашим бойцам, обнимали их, целовали...

Сколько бы ни насмотрелся человек на зверства фашистов, он не мог сказать: «Я знаю все». Каждый раз в списке злодеяний появлялось что-нибудь новое. В Петрикове и близлежащих деревнях гитлеровцы устраивали облавы на детей в возрасте от шести до четырнадцати лет, оцепляли городской квартал или населенный пункт, врывались в дома и забирали ребятишек. Слезы и мольбы матерей не помогали. Детей бросали в крытые машины и увозили в лагеря, где собирались воспитать поколение рабов. Сопротивлявшихся жестоко избивали. Четырнадцатилетнему Феде Филепцу сломали ноги, вывернули руки и швырнули его в грузовик. Екатерину Ивановну Кочура, прижавшую к груди одиннадцатилетнюю дочку Верочку, оглушили ударом приклада.

В одну из ночей фашисты увезли только из города несколько сот детей. Мы были потрясены рассказом тринадцатилетнего мальчика Володи Колонина, бежавшего из фашистского лагеря:

— Двадцатого мая меня вдруг разбудили, за шиворот, как вора, вытащили из дому и бросили в крытую машину. Нас собрали сорок мальчиков и под охраной пятнадцати солдат повезли незнамо куда. Дорогой не давали есть. Через три дня прибыли мы в какую-то деревню. Там нас заперли в сараях. Ежедневно в четыре утра всех выводили на работу, заставляли выравнивать дороги, выкорчевывать пни, а девочек — копать грядки. Шапки носить не разрешали, солнце сильно пекло, и из носа у меня шла кровь. Кормили так: два раза в день постный щавельный суп и пятьдесят граммов хлеба. Многие плакали. За слезы сажали в холодный погреб... Одиннадцатого июля я, Коля и Ваня Попович сделали в сарае подкоп и бежали. Шли мы ночью, а днем прятались в деревнях у добрых людей...

Некоторые дети через местных жителей присылали письма. Нам показали письмо двенадцатилетней девочки Ларисы Чечет. «Дорогие родители, — писала она, — нас завезли в Капоткеничи

и посадили за проволоку. Там таких же детей очень много. Говорят, нас повезут в Брест. Очень трудно подумать, что я вас больше не увижу. Не знаю, я, видимо, не выдержу, погибну. Целуйте за меня девочек и всех. До свиданья».

В числе бежавших из фашистского лагеря, расположенного под Бриневом, была восьмилетняя девочка Маша Евменова... С радостью я воспринял весточку о том, что в семидесятые годы Мария Демьяновна Евменова была избрана секретарем Петриковского райкома партии.

Страшных дел гитлеровцев на белорусской земле не перечесть.

В октябре 1942 года в селе Березняки Петриковского района гитлеровец — начальник биржи, — перепившись вдрызг, застрелился. В его смерти обвинили жителей села. Палачи из отряда СС, прибывшие на место происшествия, согнали всех крестьян деревни на площадь и тут же расстреляли из пулемета. Трупы погибших бросали в колодцы. Случайно уцелевших заперли в сарай и сожгли. Из всего села удалось спастись лишь восьми жителям...

У въезда в Петриков агитатор нашего политотдела капитан Иван Корнеевич Марченко выставил большой плакат:

«Воин Красной Армии!

Посмотри на эти развалины. Здесь был цветущий город Петриков. Во время оккупации гитлеровцы сожгли более трехсот жилых домов, все школы, кинотеатр, учреждения. Они взорвали судоремонтные мастерские, расстреляли сотни ни в чем не повинных мирных жителей города, а многих, в том числе детей, угнали в лагеря.

Воин Красной Армии! Отомсти насильникам и убийцам!

Смерть немецким оккупантам!»

Теперь в Петрикове возвышается памятник воинам 55-й стрелковой дивизии и Днепровской военной флотилии, погибшим при освобождении Петриковского района от немецко-фашистских захватчиков. Мне и полковнику Ф. М. Еровому выпала честь по приглашению Петриковского райкома партии присутствовать на открытии памятника.

* * *

...Части дивизии продолжали наступление в направлении населенных пунктов Капцевичи, Бринев, станции Старушки. 2-й бригаде речных кораблей полковник Шмыглев поставил задачу

продвигаться по реке Припять, прикрывая открытый левый фланг дивизии, и овладеть крупным населенным пунктом Дорошевичи. Для совместных действий с моряками комдив выделил учебную роту в составе 70 человек, усилив ее командой саперов. 1 июля эта десантная рота во главе с капитаном А. К. Андреевым погрузилась на катера. Наступление ширилось. Одни опорные пункты брали штурмом, другие обтекали, оставляя в нашем тылу. Гарнизоны их были обречены и вскоре складывали оружие.

Однажды, находясь в 107-м полку, я услышал, что офицеры зовут командира батареи Михаила Алексеевича Малафеева комбатом-75.

— Почему? — заинтересовался я.

— Так ведь он захватил вражескую семидесятипятимиллиметровую батарею и командует ею...

Дивизия наступала на широком фронте с открытыми флангами. Соседи слева и справа находились на значительном расстоянии от нас. В этих условиях надо было проявлять особую бдительность. Командир дивизии решил держать во втором эшелоне один стрелковый полк и отдельный истребительный противотанковый дивизион как подвижный противотанковый резерв. Кроме того, был сформирован кавалерийский эскадрон из 50 всадников под командованием опытного кавалериста старшего лейтенанта Пьяных. Подчинили эскадрон начальнику разведотделения штаба дивизии капитану Кузнецову. Кавэскадрон вел разведку на флангах дивизии, его полковник Шмыглев использовал для управления частями.

От местных жителей мы узнали о том, что в деревнях Каменка, Рубча и Оголицкая Рудня фашисты устроили концлагеря, где находятся тысячи советских людей. Шмыглев сразу же распорядился направить дивизионную разведку, кавалерийский эскадрон и одно подразделение 107-го полка в тылы противника, чтобы, нанеся внезапный удар по врагу, освободить заключенных. Надо было спешить. Каждый час промедления мог оказаться роковым. Отступая, фашисты, как правило, очищали лагеря: заключенных или вывозили в Германию, или расстреливали на месте.

Удар наших подразделений был стремителен. Свыше 5000 человек было освобождено из лагерей, среди них старики, женщины, дети.

Сильное сопротивление гитлеровцы оказали частям дивизии на промежуточном рубеже восточнее населенных пунктов Бринев и Капцевичи. При поддержке трех танков и самоходного орудия они перешли в контратаку. Населенный пункт Капцевичи дважды переходил из рук в руки. Особенно отличились в этом бою воины

107-го полка. Красноармеец Герасименко вызвался уничтожить вражеский пулемет, появившийся на фланге 1-го батальона. Прикрываясь кустарником, он незаметно подполз к пулемету и швырнул гранату. Уничтожены вражеские пулеметчики. Гитлеровцы пытались схватить отважного воина. Но он из автомата уничтожил еще несколько фашистов. А первым ворвался в Капцевичи командир 2-го отделения 2-го батальона 107-го полка сержант Леонид Гаврилович Ефименко.

Вскоре бои развернулись за Бринев и Дорошевичи. Серьезное положение создалось в 107-м полку. 1-й батальон оказался в полуокружении, но удерживал захваченный рубеж. Комбат капитан Турчанинов, раненный, продолжал руководить боем. Командир 2-й батареи артполка капитан Лимонов, поддерживавший батальон, поставил все орудия на прямую наводку и в упор расстреливал наступающую пехоту противника. На прямую наводку выкатил орудия и командир батареи капитан Ушаков. Враги наседали на огневые позиции. Бесстрашным и умелым артиллеристом показал себя в этом бою наводчик Александр Чуприянов. Командир орудия был убит, заряжающий и подносчик снарядов ранены. Оставшись один у орудия, Чуприянов подносил снаряды, заряжал, наводил орудие и стрелял. Отважно действовал командир орудия сержант Николай Сараев. Метким выстрелом в башню он вывел из строя самоходное орудие «фердинанд».

Огромную, если не решающую, роль сыграл десант капитана Андреева. Помните, несколько дней назад он погрузился на катера? Ему предстоял длинный боевой путь от только что занятого нашими частями Петрикова до Пинска — одной из главных целей наступления. Впереди катеров, в полукилометре, шли полуглиссеры-разведчики. У населенного пункта Дорошевичи полуглиссеры попали под сильный обстрел с берега. Вскоре фашисты стали бить по катерам. Положение было чрезвычайно опасным. Но командир отряда катеров нашелся быстро. Повернули и причалили к крутому обрывистому берегу. Здесь отвесные стены защищали от огня. Снаряды пролетали над головой. Но стоять долго нельзя. Надо было действовать. Командир отряда скомандовал начать высадку.

— Коммунисты, за мной! — крикнул капитан Андреев и прыгнул на берег. Семьдесят человек — все подразделение — бросились за ним.

Позже капитан А. К. Андреев рассказал мне следующее.

Пока бойцы приводили в порядок оружие и боеприпасы, он объяснил командирам взводов обстановку и план боя за Дорошевичи. Командира пулеметного взвода старшего

лейтенанта Злобина предупредил, что его людям предстоит выполнить особенно ответственную роль — своим огнем обеспечить продвижение наступающих. А это можно было сделать, только уничтожив пулеметные точки противника, и в первую очередь дзот. Следовательно, пулеметчики должны находиться в боевых порядках стрелков.

Старший лейтенант Злобин один станковый пулемет выдвинул влево, чтобы, прикрываясь крутизной, пройти незамеченным и обеспечить наш левый фланг. Второй пулемет прикрывал правый фланг, а третий был продвинут на самую вершину горы. По сигналу — зеленая ракета — все три пулемета открыли огонь по обороне противника. Стрелки во главе с лейтенантом Богдановым выскочили из-за обрыва несколькими группами и рванулись вперед. Катера из своих пушек и пулеметов открыли огонь по врагу. Минометчики лейтенанта Савенко установили свои минометы, и вскоре первая мина, выпущенная наводчиком Жадько, полетела в стан врага.

Когда вражеский дзот замолчал, сила огня противника намного уменьшилась, и стрелки во главе с лейтенантом Богдановым ворвались в деревню. Гитлеровцы поспешно отступили. Дорошевичи были в наших руках. Маленький клочок земли стал нашим плацдармом. Первые шаги десанта были удачными.

Однако за Дорошевичами находилась укрепленная высота, где сосредоточились основные силы гитлеровцев. Отсюда они угрожали левому флангу дивизии, которая вела бои за опорный узел врага Капцевичи — Бринев. Высоту надо было взять. А сил у капитана Андреева было немного. Но, к счастью, в это время прибыл младший лейтенант Чалый и доложил, что привел 33 моряка. Бойцы хорошо знали этого молодого командира, одного из самых храбрых. Надо ли говорить, как Андреев был рад его приходу.

Командир десантной роты Андреев решил брать высоту с трех сторон. С этой целью в обход слева он послал стрелковый взвод лейтенанта Богданова, моряков младшего лейтенанта Чалого и еще 15 бойцов из минометного взвода. С фронта по высоте вели огонь пулеметчики старшего лейтенанта Злобина. Третья группа бойцов направлялась в обход высоты справа. Действия всех трех групп прикрывали минометчики лейтенанта Савенко.

Уже часть лощины пройдена. Стрелки лейтенанта Богданова, маскируясь в густой траве, находились не более чем в 200 метрах от немецких траншей, а противник огня все еще не открывал. Или он задумал какую-нибудь хитрость, или действительно не

заметил наших бойцов. И вдруг... Моряки, достигнув ржи, пошли во весь рост. Их бушлаты чернели на фоне зеленого поля. Затрещали вражеские пулеметы и автоматы, засвистели мины. Ударила батарея. Огневой шквал сотрясал землю. Все пули, снаряды и мины падали в рожь, туда, где несколько секунд тому назад чернели бушлаты моряков. Медлить было нельзя. По команде Андреева открыли ответный залповый огонь минометчики лейтенанта Савенко и пулеметчики старшего лейтенанта Злобина. Начали бить и противотанковые ружья. Андреев хотел подавить огневые точки противника или, в крайнем случае, отвлечь огонь на себя. С ним всегда была рация, и он по ней не замедлил вызвать огонь трех катеров, стоявших в укрытии. Огонь стал более плотным, более мощным. Этим Андреев воспользовался и приказал вывести людей из-под обстрела.

Жаркая перестрелка продолжалась часа четыре, до самого вечера. Наши потери были довольно чувствительны. В этом бою смертью героя погиб храбрый офицер младший лейтенант Николай Поликарпович Чалый. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Командовать моряками стал старшина 2-й статьи Владимир Григорьевич Канареев.

Прежде чем атаковать врага во второй раз, командир десантной роты решил более тщательно изучить местность. С этой целью послал разведку, опросил местных жителей: Из полученных данных становилось ясно, что подступы к высоте с левого фланга были более скрыты. Вплотную подходил кустарник. Между тем огневые средства противник сосредоточил на лобовом скате и с правого фланга, где местность была открыта и тщательно пристреляна. Капитан Андреев решил взять высоту обходным путем с левого фланга.

На рассвете лейтенант Богданов со своим взводом и десятью моряками двинулся к высоте. Наученные вчерашним горьким опытом, бойцы тщательно маскировались. Чтобы обеспечить успех наступления, Андреев решил пойти на хитрость, ввести противника в заблуждение. Он послал небольшую группу, всего 15 человек, вправо, прямо по полю. В дополнение к этому приказал минометчикам открыть огонь и вызвал огонь катеров.

Гитлеровцы не замедлили открыть огонь по этой группе. Тем временем лейтенант Богданов со своими людьми уже обошел высоту и приблизился к ней с юго-запада метров на сто пятьдесят. Матросы, теперь уже в армейских зеленых гимнастерках, ползли рядом с мастерами пехотных боев, по-пластунски скользившими в траве незаметно и неслышно. Тут моряки учились у пехотинцев искусству атаки на суше.

И вот по команде Богданова вся группа открыла мощный огонь. Девять ручных пулеметов, пятнадцать автоматов, винтовки и ружья ПТР разом ударили по врагу. В то же время открыла огонь группа, действовавшая справа. Был усилен минометный огонь по высоте из Дорошевичей.

Вражеский огонь сразу значительно ослабел. Этим воспользовался опытный командир лейтенант Богданов и поднял взвод в атаку. Впереди находились моряки. Вскоре высота была в наших руках. Пал и весь Бриневский узел сопротивления противника.

Командующий 61-й армией генерал-лейтенант П. А. Белов высоко оценил успешные бои за овладение Дорошевичами. В тот же день он прислал в адрес командира 2-й бригады речных кораблей телеграмму: «Поздравляю Вас, личный состав бригады и учебной роты 55-й стрелковой дивизии с успешным продвижением и прорывом на Дорошевичи. Уверен, что вы и в дальнейшем будете наращивать темпы наступления по разгрому немецко-фашистских войск».

Дивизия стала Краснознаменной

Наступать становилось все труднее и труднее. В Пинских болотах не было дорог, в Полесской пуще — иной раз даже тропинок. Особое значение приобретали действия небольших подразделений, мелких групп смельчаков. Им легче проникнуть во вражеский тыл, перерезать коммуникации, пути отхода. Их появление вызывало панику среди гитлеровцев.

Политотделу надо было решить, как вести партийную работу в таких, ставших самостоятельными, группах и подразделениях. Личный пример, партийное слово здесь играли подчас решающую роль. Поэтому сюда мы направляли инициативных коммунистов. Резерв парторгов рот из 16 человек, созданный при политотделе, теперь нас крепко выручил. Ни одна из групп не осталась без партийного ядра.

Парторг 1-й стрелковой роты 111-го полка сержант Николай Титов рассказывал мне:

— Помогая командиру в выполнении боевых задач, продумывая и осуществляя мероприятия, которые должны содействовать успеху роты, я опираюсь на боевой актив подразделения — на всех лучших людей.

В дни наступления наряду с коммунистами и комсомольцами достойно выполнили воинский долг беспартийные: санинструктор Виктор Агиенко, командир взвода сержант Алексей Богомолов, пулеметчик Петр Панасин и многие другие.

Помню особенно тяжелый день. Свыше суток лежали мы в болоте, непрерывно шел дождь, тело пронизывал холодный ветер. Фашисты обстреливали нас из орудий и минометов, не давали поднять головы. Бойцы устали и измучились. Между тем скоро предстояла атака. Я думал о том, как поднять у них настроение, вдохнуть новые силы, бодрость. В это время нам сообщили текст приказа Верховного Главнокомандующего и сводку Совинформбюро. Среди отличившихся соединений упоминалась и наша дивизия.

С текстом приказа и сводки Совинформбюро я направил в отделения не только коммунистов, но и беспартийных активистов — Агиенко, Богомолова, Панасина; все они были люди с агитаторским даром, любимцы бойцов. Закончились беседы. Началось наступление. Впереди вместе с коммунистами и комсомольцами шли Алексей Богомолов, Виктор Агиенко, Петр Панасин.

...Парторг роты Павел Кузнецов вручил коммунисту Пашкину и комсомольцу Тырышкину по красному флагу.

— Вы люди быстрые, я слышал, спортсмены, — сказал он. — Вот и установите эти флаги над вражеской траншеей, как только ворветесь в нее.

Бойцы пошли в атаку. Однако сильный артиллерийский огонь заставил всех залечь на полпути. Казалось, атака сорвалась. И вдруг бойцы увидели над немецкими окопами два красных флага. Пашкин и Тырышкин не посрамили своей спортивной славы, опередили товарищей, первыми ворвались во вражескую траншею и вступили в рукопашную схватку. Рота рванулась вперед.

Ротными парторгами мы могли особо гордиться. Работа у них была трудная. Чаще всего это были рядовые или сержанты. От основных обязанностей их никто не освобождал, дисциплинарными правами они не обладали. Убеждение словом и личный пример — вот что определяло их влияние на людей. Парторгов назначали не только в роты и батареи. Они были также в разведгруппах, боевом охранении, десанте. Словом, участвовали в выполнении самых ответственных боевых заданий.

Помню, парторгов рот Василия Мишина, Василия Безрукова, Петра Степанова, Ивана Еремина, Алексея Васнева, Василия Трушинкина, Ивана Гусева, Михаила Токорева, Владимира Телегина, Андрея Романова, Николая Ванеева, Виктора Васильева. Все они были настоящими партийными вожаками в своих подразделениях, заслужили уважение бойцов и командиров.

Некоторые парторги рот были выдвинуты на должности политработников. Так, сержант И. Д. Амплиев под Понырями командовал отделением, затем был командиром расчета и парторгом отдельной зенитной роты. В 1944 году он стал парторгом батальона в 111-м полку. В этом же полку парторг батареи 76-мм пушек сержант Малков был выдвинут на должность заместителя командира батальона по политической части и получил офицерское звание. Парторгом батальона 107-го полка стал парторг разведывательной роты старшина Петр Кочетков.

Силы наших солдат удесятерили боевая дружба и взаимная выручка. Коммунист комсорг 107-го полка Семен Босалыга рассказывал в дивизионной газете «Победа» о двух неразлучных друзьях — русском Иване Курдюкове и узбеке Латыне Салаеве. Они вместе ходили в разведку, в числе первых форсировали Припять. Ребята смекалистые и отчаянные, как-то они устроили засаду в лесу. Увидели повозку с гитлеровцами, подпустили ее поближе и открыли огонь. Вражеские солдаты удрали, бросив раненого офицера. Разведчики отнесли офицера в сторонку, оказали медицинскую помощь, а потом предложили ему позвать своих солдат. Те явились на зов. Курдюков велел им уложить

офицера на повозку и под конвоем доставил всю группу в наше расположение.

Многим запомнился случай, когда двух друзей послали во вражеский тыл наблюдать за дорогой. Курдюков забрался в пустую железнодорожную будку, оттуда хорошо просматривалась местность. Салаев расположился на некотором расстоянии, чтобы противник не мог зайти со стороны тыльной глухой стены дома. Предосторожность оказалась не напрасной. Около десятка вражеских солдат вышли из лесу и, крадучись, приблизились к будке. Салаев не задумываясь вступил в неравный бой. Очереди его автомата заставили фашистов залечь в кювет. Это спасло Курдюкова. Воспользовавшись тем, что гитлеровцы увлеклись перестрелкой с Салаевым, он выбежал из будки и залег в овраге, среди кустарника. «Отходи!» — крикнул он товарищу, а сам открыл огонь. Так по очереди, прикрывая друг друга, они вышли из переделки целыми и невредимыми.

Верными друзьями были Сергей Петрович Орлов и Ахмет Курмангалиев. Перед наступлением саперу Орлову было приказано сделать ночью проход в проволочном заграждении. Опытный сапер справился с поставленной задачей. Можно было уже возвращаться в свое подразделение. Но противник неожиданно открыл огонь. Орлов был ранен в грудь и упал.

Сергей Петрович не возвращался. Бойцы стрелкового подразделения стали беспокоиться, не случилось ли чего с сапером.

Ахмет Курмангалиев выбрался из окопа и пополз к проволочному заграждению. Вскоре он услышал стоны, а затем увидел раненого сапера. Ахмет положил Орлова на плащ-палатку и потащил к своим. Противник снова открыл огонь. Курмангалиев вместе с раненым спустился в воронку от разорвавшегося снаряда. Когда огонь прекратился, он продолжил свой путь. Все закончилось благополучно. Первая медицинская помощь была оказана Орлову на батальонном медицинском пункте. Лечился он в медсанбате. А через некоторое время возвратился в строй. С тех пор Сергей Петрович Орлов и Ахмет Курмангалиев стали неразлучными друзьями.

Еще на Северо-Западном фронте в 1942 году подружились начальник связи 2-го дивизиона артиллерийского полка Геннадий Михайлович Беляев, командир топографического взвода Борис Николаевич Малиновский и командир радиоотделения Александр Егорович Ипполитов. Фронтовая дружба крепла в боях. Но вот во время летнего наступления 1944 года в белорусских лесах все трое были ранены. Военная судьба разбросала их в разные стороны. Беляев был уволен по инвалидности в запас. Ипполитова

после госпиталя направили в другую часть. Лишь Малиновский возвратился в свою дивизию.

Интересна послевоенная судьба боевых друзей. Все они пошли учиться. Г. М. Беляев был инженером-экономистом, работал в Москве. А. Е. Ипполитов длительное время служил в Советской Армии, стал полковником, кандидатом технических наук. Б. Н. Малиновский живет и работает в Киеве. Он доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Украинской ССР.

Дружба, скрепленная кровью, как правило, продолжается и в послевоенное время. Это ли не свидетельство высокой нравственности, идейной убежденности, братства советских людей!

До сих пор наша дивизия вела наступление с открытыми флангами, теперь появился сосед — 23-я стрелковая дивизия 89-го корпуса. Она форсировала реку Припять и наступала левее нас.

Большинство работников политотдела находилось в частях. Но у нас был установлен порядок: раз в два-три дня собираться и докладывать о том, что произошло, обмениваться мыслями. На одном из таких совещаний инструктор политотдела по информации Борис Львович Айзен предложил выпускать специальные бюллетени, посвященные опыту командиров и политработников в наступательном бою. Бюллетень был рассчитан на относительно узкий круг людей. Далеко не все, о чем в нем сообщалось, разрешалось публиковать в дивизионной газете. У меня сохранился первый номер бюллетеня. Он невелик по размеру, всего несколько страниц, отпечатанных на машинке. Сжато подводились итоги трехдневных боев. В частности, рассказывалось о командире роты автоматчиков старшем лейтенанте Фисенко, избегавшем лобовых атак, при которых большие потери неизбежны. Фисенко умело использовал обходный маневр. Комбат капитан Александр Иванович Тельнов критиковал некоторых командиров рот и взводов, которые подменяли командиров отделений. Отмечались факты пренебрежительного отношения к маскировке и окапыванию, ставился вопрос о применении залпового огня.

Большие трудности возникли у нас с вручением партбилетов и кандидатских карточек. Дело в том, что партийное хозяйство в целях безопасности находилось во втором эшелоне, в тылах дивизии. А во время наступления они значительно отставали. Было принято рискованное, но оправданное решение: перевести партийное хозяйство в первый эшелон, на командный пункт дивизии. Работники по партучету могли понадобиться в любую минуту.

В результате у нас почти не было случаев, чтобы люди, принятые в партию и получившие в бою ранение, эвакуировались в госпиталь без партийных документов. Политотдел армии строго следил за этим.

Среди самых необходимых солдату вещей — боеприпасов, воды и пищи — не последнее место занимали газеты со сводками Совинформбюро. Они как бы связывали маленький участок войны, видный бойцу, со всем фронтом, всей страной. Свежие новости поступали к нам и по радио. Но в дни стремительного наступления по плохим дорогам, когда не хватало бензина, машины с рациями и радиоаппаратурой отставали. Что делать? Первым нашел выход агитатор 107-го полка Серебряков. Он установил радиоприемник на повозке, которая продвигалась вслед за наступающей пехотой. Если подвода застревала в болоте, солдаты выносили ее на руках. Повозочный (выделенный специально для этой цели комсомолец) записывал важные новости, переданные по радио. По нескольку раз в сутки к нему приходили связные из подразделений, переписывали сводки и передавали их в боевые порядки. Позднее такие «повозки информации» появились во всех полках.

Трудности были и с центральными газетами. Как известно, они доставлялись на самолетах в первые эшелоны фронта и армии в день выхода. На следующий день их ожидали на переднем крае. Однако наша полевая почтовая станция (ППС) не поспевала за наступающими частями. Путь письмоносцев с переднего края в ППС и обратно был труден и долог. К счастью, в одном из боев мы разгромили вражескую кавалерийскую часть и захватили лошадей. Письмоносцы стали ездить верхом. На хорошей рыси, а то и галопом мчались они с газетами и письмами в подразделения.

Более оперативно стали работать партийные бюро полков. Если раньше на их заседаниях рассматривались главным образом заявления о приеме в партию, то теперь в связи с тем, что принимали в партию на бюро первичных парторганизаций, партийные бюро полков получили возможность уделять больше внимания вопросам внутрипартийной жизни. Я присутствовал на заседании партбюро 107-го полка, где слушали доклад о работе парторга 1-го батальона старшего лейтенанта Иманалина и парторга роты автоматчиков Ранчугова. Состоялся поучительный разговор об опыте воспитательной работы с молодыми коммунистами, об их передовой роли в боях.

* * *

Сильное сопротивление части дивизии встретили восточнее города Житковичи. По решению полковника Шмыглева 107-й полк совершил обходный маневр с севера, а 111-й полк с юга. 228-й полк наступал с фронта. Опасаясь окружения, противник отступил. 5 июля город и железнодорожная станция Житковичи были освобождены от захватчиков. Враг понес в этих боях большие потери. Дивизия захватила два продовольственных склада.

Немецко-фашистское командование возлагало большие надежды на водную преграду — реку Случь. Имелось в виду, как показали военнопленные, остановить наступление дивизии на этом рубеже. 7 июля все части дивизии подошли к реке. Гитлеровцы встретили нас орудийным огнем. Однако нашим пушкарям удалось в значительной степени подавить артиллерию врага. Стрелковые полки ночью форсировали Случь и 8 июля 1944 года в 2 часа 30 минут овладели населенным пунктом Микошевичи. Первыми вышли на берег и завязали бой воины 228-го полка и саперного батальона.

Продвижение частей дивизии затрудняли не только реки, впадающие в Припять, которые приходилось форсировать, но и широко применяемые противником минные заграждения. Все дороги, мосты, лесные тропинки и поляны были заминированы. Никогда еще за время войны мы не имели дело с таким огромным количеством вражеских мин. Теперь разминированием занимались не только саперы. С миноискателями шагали стрелки и артиллеристы. Само собой разумеется, они прошли соответствующий инструктаж. Об этом позаботились инженер дивизии подполковник Ф. А. Ярошевич, командир саперного батальона майор М. М. Петренко. Помогло также изучение памятки «Бойцу о саперном деле», выпущенной политотделом 61-й армии. С начала наступления было снято 4075 противотанковых и противопехотных мин. И все-таки не все мины удавалось обезвредить. Мы несли потери.

Впереди находился город Лунинец — важный железнодорожный узел, связывавший южную и северную группировки противника в Белоруссии. Немецко-фашистское командование решило дать нам бой на реке Цна. На ее западном берегу заняли оборону 216-я и 129-я пехотные дивизии и 84-й полк противника.

Военный совет 61-й армии требовал от нас и 23-й стрелковой дивизии как можно быстрее лишить противника важной магистрали. Командир дивизии решил обойти вражескую оборону. 107-му полку была поставлена задача совершить

обходный маневр на северо-восток и форсировать Цну в районе Дребска. 111-й полк должен был форсировать реку в районе Кожан Городок. 228-й полк следовал за 107-м полком и оставался в резерве комдива.

Продвижение началось ночью 9 июля. Шли лесными тропами, а порой по болоту и без троп. Слева от нас действовала 23-я стрелковая дивизия, справа соседей не было.

107-й полк первым завязал бой в районе железнодорожной станции Дребск. 1-й батальон старшего лейтенанта В. И. Турчанинова форсировал реку Цна. Проделав проходы в проволочных заграждениях, бойцы бросились в траншеи. Завязалась рукопашная схватка, в которой мы одержали победу. Вслед за 1-м батальоном на западный берег переправился весь 107-й полк.

В 111-м полку первыми под покровом ночи форсировали реку автоматчики подразделения капитана Василия Афанасьевича Михалева. Разгорелся ночной бой. Появление наших автоматчиков на западном берегу и внезапная атака на фланге оборонительного рубежа вызвали панику, деморализовали противника. Гитлеровцы побежали. Вскоре весь 111-й полк, а за ним и 228-й форсировали Цну. После выхода на западный берег реки 107-й и 111-й полки продолжали обходный маневр.

В районе хутора Мельница гитлеровцы, прикрываясь самоходными орудиями «фердинанд», контратаковали фланг батальонов В. И. Турчанинова и С. Е. Низовца. В контратаке участвовало до сотни автоматчиков противника. Первым принял на себя удар взвод младшего лейтенанта Баканова. Пропустив самоходки через свои боевые порядки, Баканов, хотя и был тяжело ранен, нашел в себе силы поднять взвод и отрезать вражеских автоматчиков от самоходок. Находившийся рядом взвод минометчиков лейтенанта Василия Павловича Соболева, израсходовав все мины, продолжал вести огонь стрелковым оружием.

Судьбу боя решили подоспевшие артиллеристы во главе с капитаном Федуловым. Сержанты Сараев и Савельев поставили свои орудия на прямую наводку и открыли огонь. Одной вражеской самоходке своротили башню. Контратака врага была отбита.

Тем временем навстречу армии двигалось по тылам противника партизанское соединение. Его возглавлял Герой Советского Союза генерал-майор Василий Захарович Корж. Его имя было широко известно. Еще во время гражданской войны он партизанил в Белоруссии. В 1937 году сражался в Испании в рядах Интернациональной бригады. Комиссаром соединения был

секретарь Пинского подпольного обкома партии Герой Советского Союза генерал-майор А. Е. Клещев.

Партизаны Белоруссии наносили чувствительные удары по врагу. Например, в ночь на 20 июня 1944 года по всей республике был проведен третий тур рельсовой войны, во время которого удалось подорвать 40 775 рельсов. Позже партизаны наращивали удары. Об этом рассказал в своих воспоминаниях А. Е. Клещев. Думаю, уместно привести некоторые выдержки из его книги.

cite

«Когда войска 61-й армии... стали приближаться к городу и железнодорожному узлу Лунинец, — пишет Алексей Ефимович, — командующий армией генерал-лейтенант П. А. Белов поставил перед партизанами боевую задачу — оказать помощь советским воинам в овладении этим важным опорным пунктом противника.

Подпольный обком партии и командование соединения организовали операцию в районе Лунинца с целью перерезать железные дороги Лунинец — Барановичи и Лунинец — Пинск. В ночь на 3 июля партизаны начали наступление на гарнизоны станций Люща, Бостынь и Ловча. В эту же ночь было подорвано 697 рельсов. Овладеть полностью станциями партизаны не смогли, потому что гарнизоны этих станций были сильно укреплены. Однако противнику, засевшему на станциях, были нанесены большие потери, и железная дорога Лунинец — Барановичи на участке Люща — Бостынь 3-го и 4-го июля не работала»[25].

End cite

Далее А. Е. Клещев пишет, что в ночь на 5 июля станции были атакованы вторично. В результате партизаны подорвали 130 рельсов и зажали севернее станции Люща бронепоезд противника. До прихода частей Красной Армии дорога не восстанавливалась.

Активные действия партизан оказали существенную помощь нашей 55-й и 23-й дивизиям в ходе наступления на Лунинец. Они вынудили врага оттянуть часть своих сил с оборонительных рубежей и бросить их на охрану дорог и станций.

К 6 часам утра 10 июля 107-й и 111-й полки дивизии, перерезав железную дорогу Лунинец — Барановичи, заняли в районе Новина исходное положение для штурма города. В 7 часов утра наши части, взаимодействуя с 23-й дивизией, ворвались в Лунинец и к 10 часам полностью освободили его.

Действия наступающих частей были настолько стремительны, что гитлеровцы не успели даже вывести эшелоны с военным имуществом. Понесли они большие потери и в живой силе. В тот

же день мы приняли по радио приказ Верховного Главнокомандующего: личному составу дивизии объявлялась четвертая благодарность. А через несколько дней был получен Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении нашей дивизии орденом Красного Знамени. 107-й и 111-й полки получили наименование Лунинецких.

Во всех частях и подразделениях прошли митинги. Офицеры и солдаты поздравляли друг друга. Помню митинг в 107-м полку. На поляне выставлены стенды, подготовленные дивизионным клубом. На стендах — портреты солдат и офицеров, отличившихся в боях. Выступали передовые воины полка: сержант Николай Сараев, агитатор подразделения Михаил Вдовин, многие другие.

Мы — краснознаменные! Значит, должны драться еще смелее, еще лучше, еще мужественнее — эта мысль пронизывала все выступления.

Бойцам и офицерам командиры и политработники вручали именные благодарственные грамоты.

Дивизионная газета «Победа» писала: «Поклянемся покрыть новой славой наши знамена. Да будет счастливым наш путь на запад — победный путь!»

* * *

Продолжая преследовать противника, части дивизии в районе станции Вулька впервые соединились с соседом справа. Теперь нашим соседом слева была 23-я стрелковая дивизия, а соседом справа — 55-я гвардейская стрелковая дивизия 28-й армии. Две 55-е дивизии шли вперед рядом.

Мы продолжали путь в Пинских болотах. Они тянулись на многие и многие километры. Отступая, фашисты заминировали дороги. Стрелковые подразделения обходили минные поля и завалы, часто по пояс и по грудь в гнилой воде. Еще труднее было артиллеристам. Застревали машины с боеприпасами и продовольствием. Интендантам не всегда удавалось справляться со своими задачами. Им тоже было нелегко. В мороз и распутицу, под яростной бомбежкой, артиллерийским и пулеметным обстрелом офицеры и солдаты службы тыла стремились доставлять все, без чего армия не может существовать.

Доброе слово о них я хотел бы подкрепить рассказом о нашем дивизионном ПАХе — полевом автохлебозаводе. Мне запомнился случай, когда во время артиллерийского налета вражеский

снаряд попал в дежу с тестом и осколки ранили пекарей. Но легкораненые не покинули своих постов до тех пор, пока не испекли хлеб.

В работе интендантов были и риск, и опасность, а главное — труд без отдыха, труд напряженный, очень ответственный (нельзя оставлять бойцов голодными). Хлебопекарные печи, тестомесильные агрегаты и прессовальные машины, смонтированные на автомобилях с прицепами, цистерны для воды, различный инвентарь, палатки... — отнюдь не просто было содержать это громоздкое хозяйство в порядке и постоянной готовности. А еще труднее было поспевать с ним за наступающими частями. Начальник ПАХа майор Ситников, старший лейтенант Чернявский а все бойцы — среди них было много девушек, — выбиваясь из сил, тащили машины ПАХа по Пинским болотам. Только бы не отстать!

Для того чтобы развернуть хлебозавод на новом месте, установить палатки, замаскировать их, нужно не менее 9–10 часов. Нужна постоянная забота о дровах, сухих и жарких, забота о муке, которую порой приходилось везти с армейских или фронтовых баз десятки, а то и сотни километров.

Работали в ПАХе во время наступления днем и ночью. Пекари отдыхали 2–3 часа в сутки.

После выпечки хлеб поступал на склады ДОПа (дивизионного обменного пункта). За доставку хлеба в полки отвечал начальник продовольственно-фуражного отдела тыла дивизии старший лейтенант Подобедов — замечательный организатор, в самых сложных условиях находивший способ вовремя доставить хлеб во все части дивизии. А в частях отвечали за доставку хлеба на передовую заместители командиров по хозяйственной части, начальники продовольственно-фуражной службы частей и старшины рот. И каждый из них, от офицеров тыловой службы подполковников Белова, Ващинина, Белоусова до ротных старшин, не знал ни минуты покоя.

Вот почему я не хочу обвинять интендантов даже в тех случаях, когда их постигали временные неудачи.

Во время наступления в Пинских болотах армейские тылы не всегда могли оказать нам необходимую помощь.

Они находились за сотни километров от нас, были отделены рекой Припять и многими болотами. Поэтому со всей остротой встали вопросы обеспечения питанием и боеприпасами. Проблемой стала и эвакуация раненых.

Мы с В. П. Шмыглевым собрали заместителей командиров частей по политчасти. Решили посоветоваться — что делать? В деревушках не предоставлялось возможности приобрести

продовольствие. Гитлеровцы их начисто ограбили. Но многие крестьяне ухитрились припрятать и сохранить лошадей. Было решено разослать во все окрестные населенные пункты политработников. Они обратились к местным жителям с просьбой помочь наступающей Красной Армии. Крестьяне охотно откликнулись на наш призыв. Тысячи людей вышли на ремонт дорог и прокладку гатей. Там, где не могли пройти автомашины, потянулись телеги, запряженные низкорослыми, крепкими каурками. Они подвозили боеприпасы и продовольствие. До реки Ясельда помогали нам крестьяне извозом и работали на восстановлении дорог. Подвозили они и раненых. Всем санитарным обозом руководил новый молодой и энергичный начальник медицинской службы дивизии Н. В. Пивоваров.

Военный совет 61-й армии направил всем работникам войскового тыла обращение, призывая их улучшить работу. Из политотдела и полков были посланы в помощь интендантам политработники. Они находились в тылах до тех пор, пока не наладилось снабжение переднего края.

Противник продолжал оказывать упорное сопротивление наступающим частям нашей дивизии. Но тем не менее гитлеровцы не сумели остановить нас.

12 июля, освободив деревни Сошино и Вулька, дивизия вышла на водный рубеж, прикрывающий город Пинск, — реку Ясельда.

Наша дивизионка

Понятие переднего края не может восприниматься лишь прямолинейно. Нелегко возглавить бойцов в атаке, под ливнем пуль первым ворваться во вражескую траншею, захватить «языка», подорвать вражеский танк... А разве легче планировать бой и руководить им так, чтобы сломить сильного, опытного, вооруженного до зубов врага? А доставлять под огнем боеприпасы, выносить раненых? На войне было везде трудно и успех достигался только тогда, когда каждый, на каком бы посту ни находился, отдавал делу победы всего себя без остатка — жар сердца, все свои силы, способности, если надо — и жизнь.

На войне воюют не только оружием. «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо», — писал Владимир Маяковский. На фронте так и было. Острое перо, страстное слово, проникающее до самого сердца, тоже решали исход сражений.

Редакцию и типографию дивизионной газеты «Победа» мы старались держать подальше от вражеского огня. Но работники нашей дивизионки всегда были на переднем крае. И не только потому, что их постоянно видели в окопах, а то и в цепи атакующих, но и потому — и это прежде всего, — что очень нужна была их работа для боевых успехов дивизии.

Газету ждали в окопах и на батареях, бойцы и командиры видели в ней боевого помощника и советчика, она была пламенным агитатором и пропагандистом и в то же время летописцем подвигов воинов дивизии. Многие мои однополчане до сих пор хранят пожелтевшие от времени номера дивизионки — в них отразились дыхание боев и славные дела наших боевых друзей.

* * *

Я крепко дружил с нашими газетчиками — с первым редактором газеты Николаем Степановичем Пономаревым (в 1944 году он перешел на инструкторскую должность в политотдел 61-й армии) и с новым, пришедшим ему на смену профессиональным писателем и военным журналистом Григорием Михайловичем Скульским. (Воспользуюсь случаем, чтобы выразить ему благодарность за помощь в работе над этой книгой.) Дружил я и с другими сотрудниками редакции, о каждом из них хочется сказать доброе слово.

Заместителем у Скульского был капитан Петр Михайлович Крикун, человек железной выдержки, стойкости и организованности. В прошлом редактор политотдельской железнодорожной газеты «Большевистская сталь», он приобрел боевой опыт в нашей дивизии в должности агитатора полка. В редакции Крикун занимался главным образом вопросами, связанными с освещением боевого опыта подразделений. Он отвечал и за порядок в типографии, и за хозяйственные дела.

Секретарь редакции, пожилой, усатый, как запорожец, капитан Александр Васильевич Карамышев был человеком своеобразным и колоритным. В детстве батрачил. В 1920 году воевал с польскими панами. В коммунистической партии с 1927 года. После гражданской войны на различной районной работе в родном Оренбуржье. Большой жизненный опыт, умение подойти к людям, расположить их к откровенной беседе позволяли Карамышеву глубоко знать настроение воинов, их запросы. Он охотно дневал и ночевал на переднем крае.

Четвертым штатным сотрудником редакции был капитан Юрий Александрович Васильев. Воины дивизии любили читать его романтические, согретые сердечной теплотой очерки и часто вместе с письмами отправляли их родным. Многое из написанного Васильевым в те годы волнует и теперь. Политотдельцы, да и я сам, иногда узнавали дивизионные новости через работников редакции. Вот пример.

Поздняя ночь. Зуммер телефона. Я беру трубку и слышу взволнованный голос редактора:

— Вам известно о подвиге комсомольца Дегтярева?

— Нет.

— С передовой только что вернулся капитан Карамышев и рассказал нам о нем. Мы готовим статью в завтрашний номер газеты. Хочу предупредить вас, что в связи с этим выход газеты задержится часа на два.

— Хорошо. Я скажу, чтобы письмоносцы не расходились, пока не выйдет газета.

...Было тихо. Александр Васильевич Карамышев ходил по окопам, беседовал с солдатами, готовил материал для газеты. И вдруг гитлеровцы обрушили шквал огня, а затем на одном из участков перешли в наступление. Бой длился несколько часов. Вначале врагу удалось вклиниться в нашу оборону, но вскоре решительной контратакой он был отброшен назад.

Когда восстановили положение и солдаты подошли к умолкшей 76-мм пушке, стоявшей на прямой наводке, они увидели смертельно раненного комсомольца Дегтярева. Он один из всего расчета еще дышал, на земле лежал его комсомольский

билет, залитый кровью.

Очевидцы восстановили картину боя...

Пушка стреляла размеренно, быстро, точно. Но и вражеские снаряды ложились все ближе и ближе к ней. Осколки выводили из строя одного за другим бойцов орудийного расчета. Наконец у пушки остался лишь один заряжающий Иван Дегтярев. Он делал все сам: подносил снаряды, заряжал, наводил и стрелял. Кругом рвались мины, свистели пули, но орудие не умолкало. Подобравшись к огневой позиции, гитлеровцы стали бросать гранаты. Дегтярев схватил карабин, лег за станиной и открыл огонь. Долго не удавалось врагу захватить пушку. Но вот у героя кончились патроны. Осталась одна граната. Он поднялся, чтобы швырнуть ее, и в эту минуту пуля пробила ему грудь...

И теперь, много лет спустя, я не мог без волнения читать сохранившийся у меня пожелтевший лист дивизионной газеты, где описаны предсмертные минуты Ивана Дегтярева:

« — Подайте мне билет, — попросил он подошедших товарищей.

Взяв комсомольский билет в руки, он развернул его и поцеловал. Затем тихо сказал:

— Первый раз я целовал его, когда получал, клялся, что не опозорю комсомола... Второй раз, когда фрицы наседали на пушку, а третий раз — сейчас».

Статья о подвиге комсомольца Ивана Дегтярева читалась и перечитывалась бойцами. А комсомольский билет, выданный 23 июня 1941 года Шадринским райкомом ВЛКСМ Ивану Тихоновичу Дегтяреву, хранился в политотделе дивизии как реликвия боевой славы.

Мать и сын... В Белоруссии на дорогах войны сержант Василий Корж из отдельного истребительного противотанкового дивизиона встретил мать: наши войска освободили ее от фашистской неволи. Капитан Юрий Васильев написал об этой встрече очерк, взволновавший воинов дивизии.

«Знать своих командиров, любить их». Под такой рубрикой «Победа» всю войну давала очерки, заметки. Многие из них написаны Васильевым. Запомнился очерк о всеобщем любимце дивизии старшем лейтенанте Леониде Сабурове.

* * *

Чтобы освещать в газете опыт наступательных боев, надо идти в первом эшелоне, вместе с солдатами шагать по болотам.

Так и делали наши журналисты. Они поспевали везде. В одиннадцати номерах печатались «Письма из одной партийной организации» за подписью капитана Васильева, находившегося во время боев в роте старшего лейтенанта Федора Дмитриевича Жданова. Привожу заголовки некоторых писем, определяющие их содержание: «Коммунисты в бою», «Командир-воспитатель», «На партийном собрании», «Воспитание ненависти», «Партийное поручение».

Подразделения дивизии освободили тысячи советских людей, томившихся в концлагерях, устроенных фашистами в деревнях Каменка, Рубля и Оглицкая Рудня. Работники редакции побывали там.

В деревне Березняки фашисты собрали на площадь всех жителей и расстреляли из пулемета. «Победа» рассказала о злодеяниях фашистов и обратилась к воинам с призывом: «Пусть ярче пылает в твоем благородном сердце пламя лютой ненависти к заклятому врагу».

«Оружие — наша сила! Будь мастером своего оружия, люби и береги его, рази врага наверняка!», «На месте, в блиндаже, в палатке, всегда держи оружие в порядке!» — это шапки газетных полос «Победы». А в статьях, заметках показывались люди, в совершенстве владеющие оружием. Критиковались бойцы, нерадиво относящиеся к хранению оружия.

К чести работников редакции, наша дивизионная газета «Победа» всегда и в любых условиях своевременно выходила в свет и что бы там ни было доставлялась на передний край. Тяжелая автомашина с типографией передвигалась порой, кажется, на одном самолюбии журналистов и любви бойцов к своей газете. Саперы разминировали для нее дорогу, вместе с местными жителями делали настилы через болота... Внештатные корреспонденты, редактор, ответственный секретарь, литсотрудник, наборщики, печатники подпирали машину плечами, когда колеса буксовали в грязи.

Помню и такой случай. Горючее в дивизии кончилось. Выдавали его только артиллеристам, и то в обрез. Кое-как еще заправляли «виллисы» Шмыглева и мой. Редакция застряла в одной из деревушек, в 20 километрах от наступающих частей. Наступление продолжалось. Бойцам нужна была своя газета. Не привыкли они обходиться без нее. Нужны были и листовки с призывом к наступлению.

Под вечер я заехал к нашим журналистам а приказал:

— Выпустить газету, отпечатать листовка, к рассвету прибыть на КП.

— Горючее? — спросил редактор.

— Горючего нет.

— На чем поедем? Пожалуй, на руках машину донести к утру не успеем. Да и руки будут заняты: все-таки надо писать, набирать, печатать.

Редактор был настроен иронически, но я оборвал его:

— Литров пять бензина отолью из своей машины, а дальше как знаете... Выполняйте приказ!

Я уехал. Признаться, меня мучила совесть. Решил: не смогут — ничего не поделаешь. Ругать их не буду. А через денек-другой горючее подвезут. Однако еще не наступило утро, еще я дремал в своей землянке, как в нее вошел редактор и, неловко, по-штатски откозыряв, доложил:

— Прибыли, газету и листовки привезли.

Я был поражен. Дивизионки соседей не прибыли. Мы снабдили газетами и листовками весь корпус. Позже редактор рассказал мне, как все удалось.

— Набрали материалы на месте. Печатать решили на ходу. С вашими пятью литрами до большой дороги добраться можно было. А на дороге там, помните, узкий мостик, на одну машину. Ну, как говорит наш шофер, на фронте главное — не растеряться. Стали мы на этом мостике — ни объехать нас, ни обойти. Водитель вылез из машины, в моторе копается. Только, что делает, не разберешь. За нами создалась целая очередь. Пробка — не вышибешь. С других грузовиков шоферы бегут помогать. Тут наш водитель и объявил: «Ребята, горючее кончилось!»

Машины были из разных частей, но с бензином у всех туго. Стали ругаться, грозили сбросить в кювет... Но мы предложили кончить дело миром: «С каждого по капле — нам канистра. Вы нам бензин — мы вам свежую газету со сводкой». Посмеялись, согласились. Кто-то еще грозился жаловаться и командующему, и Военному совету. Но мы залили полбака — и сюда.

* * *

Работников «Победы» объединяло стремление во что бы то ни стало сделать свою газету самой оперативной и боевой на фронте, самой любимой солдатами и офицерами, первой попадающей к ним в руки. И, конечно, они никогда не смогли бы добиться этого, не имея боевого актива — военных корреспондентов во всех частях дивизии. В «Победу» постоянно писали командир артиллерийского дивизиона, ставший после войны журналистом, П. Н. Кудинов, командир батальона С. Е.

Низовец, минометчик Владимир Шустов, политработники Д. И. Власов, С. П. Босалыга, сержанты В. Семенов, А. Никонов, работники политотдела В. И. Степанов, Н. М. Гладкий, Н. И. Пруцкий, Н. П. Федулов, Б. Л. Айзен. Иногда помещались и мои статьи.

«Победа» жила не одними статьями и очерками. В ней печатались личные письма с фронта домой и из дому на фронт в тех случаях, когда в этих письмах было нечто волнующее, ранящее или радующее всех. В «Победе» жила и поэзия. Пусть формально несовершенная, но искренняя, сердечная, взволнованная. Стихи бойцов зачастую становились песнями, их пели на привалах, с ними шагали по трудным дорогам.

И сейчас в моих ушах порой звучит:

Боец наш смел,
Точней прицел,
Пусть вскипает боя ураган.
Славный полк,
Лунинецкий полк,
На врага!

Или:

В боях рожденная,
Краснознаменная,
Прошла путем сражений и побед.
Пусть слава множится
Отважных мозырцев,
Сынов страны, которой равных нет.

Авторы этих песен — бойцы, старшины А. Нинбург, А. Целовальников. Их стихи не вошли в большую поэзию, но навсегда остались в памяти боевых друзей.

Пусть слава множится отважных мозырцев

Строки дивизионной песни я не случайно вынес в заголовок этой главы. Призыв и пожелание, заложенные в них, осуществились. Наступление продолжалось днем и ночью. Гитлеровское командование заблаговременно подготовило Пинск к круговой обороне. На тактически выгодных рубежах фашисты оборудовали две линии сплошных траншей, связанных ходами сообщения. Было также сооружено много дзотов и дотов, в том числе в самом городе.

Все дороги, мосты, подходившие к Пинску, пойму реки Ясельда гитлеровцы заминировали. На правом берегу реки господствовали над окружающей местностью песчаные высоты. Это тоже давало известное преимущество врагу.

В тот же день полковника В, П. Шмыглева и меня вызвал командир корпуса генерал-майор А. Я. Яновский. Он сообщил нам решение командующего 61-й армией генерал-лейтенанта П. А. Белова о нанесении главного удара по Пинску на правом фланге с рубежа Сошно, Вылазы, Селищев, вдоль шоссейной и железной дорог с обходом города с севера.

Основной силой на направлении главного удара являлся 89-й стрелковый корпус, в который входила и наша дивизия.

9-й гвардейский стрелковый корпус получил задачу наступать с рубежа озера Нобель, Хойно и обойти Пинск с юго-запада.

415-й стрелковой дивизии ночью в канун наступления предстояло во взаимодействии с кораблями Днепровской флотилии высадить в Пинск десант. В его состав включены два стрелковых полка. Задача десанта — отвлечь силы врага с направления главного удара.

Намечено было провести некоторую перегруппировку войск. Теперь 55-я гвардейская стрелковая дивизия становилась нашим соседом слева, а направо перекантовывалась 23-я стрелковая дивизия.

Тем временем во всех частях нашей дивизии развернулась подготовка к преодолению водного рубежа. Бывалые воины рассказывали молодым солдатам об опыте форсирования Десны, Днепра и Припяти. Всюду готовились плоты, челноки, лодки.

Ночь на 13 июля застала меня в 107-м полку. Подполковник Ф. В. Смекалин только что вручил награды Родины отличившимся в недавних боях. Такая оперативность стала возможной потому,

что командирам полков было предоставлено право награждать от имени Президиума Верховного Совета СССР рядовой и сержантский состав медалями, а комдиву — медалями и орденом Красной Звезды солдат и офицеров, до командира роты.

За время наступления в Белоруссии командиры частей наградили 655 человек, командир дивизии — 280 человек и командир корпуса — 17 человек. Из числа награжденных 795 рядовых и сержантов. Причем в первый день совершения подвига вручено 10 наград, на второй и третий день — 145.

Награжденные не скрывали своей радости, но, как правило, проявляли чрезмерную скромность, говорили:

— Ну что особенного... делал, как все другие... Не думал, что заслужу такую награду.

Какие это были нравственно чистые и крепкие духом люди!

Утром 13 июля я был в 111-м полку. На опушке леса, близ командного пункта полка, увидел разведчиков. Они сидели плотным кружком на густой траве и внимательно слушали Николая Бобровского, читавшего стихи, опубликованные в дивизионной газете:

Пусть ляжет в морщинах усталость и копоть,
Пусть пламя разрывов пред нами встает.
Вперед по болотам, по травам, по тропам,
По трупам фашистским — к победе, вперед!

Во всех подразделениях шли последние приготовления к наступлению. Вот на лесной поляне выстроились солдаты, перед ними командир роты лейтенант Александр Черкасов.

— Товарищи, — обращается лейтенант к ним, — сегодня мы передаем пулемет номер сто один ефрейтору Николаю Стройкову. Ранее этот ручной пулемет принадлежал герою нашего подразделения Лаврентию Яковенко, погибшему в боях с фашистами.

Отройков, принимая пулемет, дает клятву:

— Буду беспощадно мстить врагам за смерть Яковенко...

Хорошая это была традиция — вручать оружие погибших молодым бойцам.

* * *

Части дивизии сосредоточились на исходных рубежах. Они были построены в два эшелона. В первом эшелоне — 107-й и 111-

й полки. Во втором эшелоне — 228-й полк. 107-й полк получил задачу форсировать реку Ясельда, захватить деревню Любель и дальше наступать в направлении населенного пункта Масевичи. 111-й полк, форсировав реку, должен был выйти на западную окраину деревни Купятичи. 228-й полк, следуя во втором эшелоне, получил задачу развивать успех 111-го полка и наступать на город Пинск с севера.

О начале наступления возвестила артиллерийская подготовка. Несколько минут на правом берегу реки, где притаился враг, бушевал огненный вихрь. Воздух наполнился раскатами грома. 13 июля 1944 года в 16 часов 35 минут дивизия вместе с другими соединениями 61-й армии и Днепровской флотилией перешла в наступление.

Реку Ясельду наши части форсировали на плотах, лодках и подручных средствах. Противник силами пехоты и танков несколько раз переходил в контратаку. На подступах к населенному пункту Любель произошел скоротечный бой, отмеченный самоотверженностью наших людей. Две самоходки, а за ними до батальона вражеской пехоты устремились в направлении боевых порядков 2-го батальона 107-го полка. Казалось, что они сомнут наших людей. Но в это время на помощь пехоте подошли две 45-мм пушки. Командир орудия старший сержант Николай Алексеевич Сараев послал вперед двух бойцов с противотанковыми гранатами, а сам открыл огонь по пехоте противника. Подбить вражескую самоходку гранатами не удалось. Она приближалась к орудию.

Под огнем врага Сараев откатил орудие в сторону и несколькими выстрелами подбил самоходку. Вторая самоходка повернула обратно. После этого обе пушки начали обстрел вражеской пехоты. Командир батальона Сергей Евсеевич Низовец поднял батальон в атаку. Стрелковые подразделения завершили разгром врага. Все поле боя было усеяно трупами гитлеровцев.

К 18 часам 13 июля 107-й и 111-й полки овладели населенными пунктами Любель и Купятичи. 228-й полк при поддержке артдивизиона В. М. Сарычева, овладев опорным пунктом врага — поселком Посеничи, перехватил шоссейную дорогу. И снова нам помогли партизаны. Они оседлали дорогу Поречье — Мотоль и не пропускали отступающих фашистов до подхода частей дивизии. Несколько сот гитлеровцев партизаны взяли в плен. Захватили большой обоз с боеприпасами. Позже мы установили, что командовал этой группой партизан помощник комиссара партизанской бригады по комсомольской работе Эдуард Нордман.

В Пинске героически сражался полк 415-й стрелковой

дивизии, высаженный Днепровской флотилией в юго-восточной части города. Командир дивизии принял решение оказать помощь этому полку. Выбор пал на нашу учебную роту. Она уже имела опыт взаимодействия с кораблями флотилии. Ротой командовал капитан А. К. Андреев. Как же она действовала? Об этом по окончании боя мне рассказал Алексей Константинович.

Рано утром 12 июля учебная рота погрузилась на катера. Они взяли курс на Пинск.

Не прошло и часа, как противник дал о себе знать: десантники попали под его заградительный огонь.

Командир катера, опытный и смелый моряк, крикнул:

— Полный!

Стрелой проскочили десантники полосу огня, и через несколько минут перед ними раскинулся Пинск...

Гитлеровцы обрушили на смельчаков огневой шквал. Вода закипела от мин и снарядов. Пули с визгом защелкали о броню катеров. Снаряд, упавший рядом с катером, на котором находился капитан Андреев, поднял огромную волну. Вода залила палубу. Где-то на корме раздался сильный взрыв, вспыхнуло ослепительное пламя.

До берега было метров сорок. Прямо против десантников, на горе в парке, стояли четыре «фердинанда» и вели огонь. Горящий катер начал тонуть, и его командир приказал:

— Десанту за борт!

Раздумывать было некогда. Не прошло и минуты, как все десантники попрыгали в реку... Гитлеровцы били из пулеметов длинными очередями. Раненые скрывались под водой и захлебывались. Ноги живых вязли в иле. А город был недалеко. Десантники хорошо видели «фердинанды» в парке, слышали выстрелы в центре города. Там дрались, зажатые в кольцо, бойцы из 415-й дивизии. Десантники все-таки добрались до берега и здесь залегли, не в силах ничего больше предпринять...

К счастью, быстро стемнело. Осталось десантников всего тридцать пять. Они окопались, расставили ручные пулеметы и заняли оборону.

Утром 13 июля бой в центре города возобновился. Десантники открыли огонь. Прибыл еще один катер и под прикрытием огня десантников сравнительно легко высадил на берег людей, выгрузил вооружение и боеприпасы.

Бросок на город Андреев решил начать в ночь на 14 июля. К атаке все было подготовлено своевременно. Каждый знал, что от него требуется. Еще раз проверили пулеметы, минометы, автоматы, боеприпасы. Как только наступила темнота, бойцы капитана Андреева ворвались в город. Утром 14 июля Пинск был

освобожден от немецко-фашистских захватчиков войсками 61-й армии при поддержке Днепровской военной флотилии.

В приказе Верховного Главнокомандующего среди отличившихся соединений, принимавших участие в освобождении Пинска, названа и наша дивизия.

Среди частей дивизии отличился 228-й полк, ему присвоено почетное наименование Пинского, а 107-й полк награжден орденом Красного Знамени.

Вечером Москва салютовала освободителям Пинска двадцатью артиллерийскими залпами. Личный состав дивизии получил пятую благодарность Верховного Главнокомандующего.

Значительные потери понесли мы при штурме города. Среди погибших был и мой молодой друг, человек чистейшей души Николай Бобровский. Посреди неширокой Ясельды в лодку, где он находился, ударила мина, и комсорга не стало.

Я хорошо помню тот день, когда мы стояли, обнажив головы, перед его открытой могилой. Мне редко приходилось видеть солдатские слезы, но в этот скорбный момент плакали многие из его боевых друзей.

У меня сохранился пожелтевший экземпляр нашей дивизионной газеты «Победа» за 30 августа 1944 года. В этом номере опубликовано открытое письмо комсоргов Бебенова, Пуленка и Писчука, посвященное памяти Николая Бобровского. Оно заканчивается такими строками: «Пусть его светлый образ всегда будет жить в нашей памяти — образ молодого большевика с мужественным комсомольским сердцем».

Со дня гибели Николая Бобровского прошло уже много лет. Но в моей памяти он не умер. Такие не умирают. Они постоянно среди нас и живут в делах нового молодого поколения. Неугасимый огонь их душ — в сердцах покорителей целины и моряков, плывущих сквозь штормы, строителей БАМа и электростанций в Сибири, водителей космических кораблей... Он является для молодежи одним из тех, с кого берут пример.

Имя комсорга 111-го полка Николая Бобровского присвоено пионерской дружине Пинковичской средней школы Пинского района. В школе открыт музей боевой славы.

Пионеры, красные следопыты, обнаружили неподалеку от своей школы братскую могилу, списались с участниками боев, связались с архивами, установили имена похороненных.

Доброе дело! Однако не все ребятам по силам. И многим людям, так и не узнавшим о судьбе своих близких, горько, как горько и мне самому, не разыскавшему могилы брата. Надо бы поактивнее в это дело включиться военкоматам.

...Наступление продолжалось. Без отдыха дивизия

преследовала отходящие части 7-й немецкой пехотной и 1-й венгерской кавалерийской дивизий, не давая им закрепиться. 1-й батальон 228-го полка под командованием капитана А. И. Тельнова вышел в тыл кавалерийскому подразделению врага и полностью разгромил его. 36 солдат сдались в плен. Захвачено было много лошадей, оружия и военного имущества. Успешно продвигаясь вперед, 107-й полк 17 июля перерезал шоссейную дорогу Слуцк — Кобрин в районе насоленного пункта Мачульник и вышел к реке Муховец. На этом водном рубеже гитлеровцы закрепились, прикрывая подступы к Кобрину — важному узлу шоссейных дорог.

19 июля части нашей дивизии вместе с 23-й стрелковой дивизией форсировали реку Муховец и, прорвав оборону противника, начали обходить Кобрин с северо-запада.

Командование дивизией вновь принял на себя полный сил и энергии полковник Корней Михайлович Андрусенко.

20 июля дивизия достигла рубежа в 12 км западнее города Кобрин и получила задачу овладеть станцией и населенным пунктом Жабенка, важным опорным пунктом на дальних подступах к Бресту.

У станции Жабенка гитлеровцы оказали нам сильное сопротивление. Помню, я прибыл в 107-й полк. Передний край проходил по нескошенным хлебам. Наши залегли под огнем и несли потери. Было ясно, что надо быстрее поднимать людей и выводить из-под обстрела. Вместе с Алексеем Мусатенко мы пошли на передний край.

В тот день обстановка сложилась так, что командир 107-го полка, его заместители и начальник штаба находились в цепи наступающих. Заместители командира по политической и строевой части — Кузнецов и Евстигнеев, парторг полка Недотанов и комсорг Босалыга повели бойцов в атаку. Двое из них в этом бою получили ранения. Четвертый раз за время войны был ранен ветеран дивизии майор Петр Макарович Евстигнеев.

По-разному складывались судьбы воинов дивизии. Одни погибали в первом же бою. Другие, отвоевав месяц-другой, после ранения эвакуировались в глубокий тыл, а позже направлялись в другие части и там продолжали воинский путь. А третьи, вопреки всем случайностям войны, намертво связали свою судьбу с дивизией. Эти люди составляли наше боевое ядро и нашу живую историю. К их числу относился и майор Петр Макарович Евстигнеев.

Евстигнеев начал воевать под Москвой в октябре 1941 года. В первых же боях был контужен, но быстро поправился и снова вернулся в строй. В конце декабря он получил сквозное пулевое

ранение в грудь. Пришлось долго лечиться.

К нам в дивизию Евстигнеев прибыл в конце 1942 года. Его назначили офицером в оперативное отделение штаба. Я с ним познакомился перед наступлением под Левошкино. Худой, высокий, плечистый человек, с продолговатым волевым лицом. На слова скуп. Держался просто, уверенно, твердо. Штабист отличный. Но в штабе дивизии скучал. Его неудержимо тянуло на передовую, вскоре он добился назначения командиром батальона в 111-й полк.

Во время боев под Понырями Евстигнеев возглавил одну из самых опасных атак, был контужен и ранен в левое плечо и бедро. С такими ранениями в медсанбате раненых не оставляли. Евстигнеева эвакуировали в тыл. Мы уже не ждали его возвращения, как вдруг накануне форсирования Днепра он снова прибыл в дивизию. Его назначили заместителем командира 107-го полка по строевой части. Во время боев на Днепре Евстигнеев находился в батальоне, при отражении немецкой контратаки был ранен в голову.

Сколько ранений! Казалось, будь человек из стали — и то не выдержит. Но Евстигнеев был крепче стали. Он был из тех, о ком поэт говорил:

Гвозди бы делать из этих людей,
Крепче бы не было в мире гвоздей...

К началу летнего наступления 1944 года майор Евстигнеев был уже в полку и при форсировании реки Припять руководил переправой, участвовал в горячих схватках с врагом.

И сегодня в густых хлебах, истоптанных солдатскими сапогами, он снова возглавил атаку и снова был тяжело ранен.

Мы опять прощались с ним. Забегая вперед, скажу: три года после этого ранения Петр Макарович пролежал в госпитале, все три года переписывался со мной. И, знаю, Думал он и чувствовал так, словно все еще находился в строю.

Пришлось расстаться и с парторгом 107-го полка Ильей Ивановичем Недотановым. Мы были рядом с ним в цепи наступающей пехоты, когда осколок вражеского снаряда ранил его. Алексей Мусатенко подхватил Недотанова и помог доставить в батальонный пункт медицинской помощи. Ранение было тяжелым, и парторга эвакуировали в тыл. В дивизию он уже не вернулся.

Тяжелым был бой. Горько было видеть, как падают под пулями дорогие тебе люди. Привыкнуть к этому нельзя. Но что же делать, война есть война.

21 июля в 16 часов части дивизии овладели населенным пунктом и станцией Жабенка.

В освобожденном Пинске 23 июля состоялся митинг трудящихся совместно с представителями воинских частей и партизанских отрядов. Делегация нашей дивизии, прибывшая на митинг, была тепло принята жителями города. Встретились с партизанами, помогавшими нам освобождать город Лунинец. Глубокое впечатление на присутствующих на митинге произвело выступление секретаря Пинского подпольного обкома партии Героя Советского Союза генерал-майора А. Е. Клещева и командира партизанского соединения Героя Советского Союза генерал-майора В. З. Коржа, зачитавшего боевой рапорт партизан.

Возвратившись с митинга, члены нашей делегации рассказали обо всем этом воинам дивизии.

* * *

Брест нам брать не довелось. Дивизию вывели в резерв и направили под Белосток.

Было время подвести итоги прошедших боев, осмыслить накопившийся опыт. 10 августа 1944 года состоялось собрание партийного актива дивизии.

Каковы же итоги нашего наступления?

По той самой лесисто-болотистой местности, которую немецкие генералы считали непроходимой, 55-я Мозырская Краснознаменная стрелковая дивизия, наступая в составе 61-й армии 1-го Белорусского фронта, прошла с боями после форсирования Днепра 586 километров, форсировала 14 рек, освободила от врага 452 населенных пункта.

952 воина нашей дивизии были награждены орденами и медалями.

Еще и еще раз оказался прав великий русский полководец Суворов, когда он утверждал: «Там, где пройдет олень, — там пройдет русский солдат, а там, где не пройдет олень, — все равно пройдет русский солдат».

В Прибалтике

Под Белостоком мы задержались недолго. 16 сентября 1944 года были поданы железнодорожные составы для погрузки частей дивизии. А через несколько дней уже разгружались на станции Вецуми в Латвии. До места сосредоточения 105 километров шли ночью. Все дороги были забиты. Нескончаемым потоком тянулись пехота, артиллерия, автомашины.

Днем мы отдыхали. Природа, хоть мы здесь и не бывали, казалась знакомой — холмы, луга, лесные болота напоминали нам Белоруссию, в которой мы провоевали почти целый год. Одно для нас было непривычно — хутора. Они были разбросаны на значительном отдалении друг от друга по всему пути. Постройки на хуторах, как правило, солидные — из кирпича и камня. Каждый из них противник мог превратить в опорный пункт.

22 сентября части сосредоточились в районе мызы Гауэйна. Командира дивизии и меня вызвали в Военный совет армии. Полковник Андрусенко уже оправился после болезни. Вместе мы и отправились в путь.

В Военном совете нас познакомили с обстановкой. В июле — августе 1944 года войска Красной Армии вели успешное наступление, освободили значительную часть Эстонии, Латвии и Литвы. Начались завершающие операции по освобождению Прибалтики. Шли упорные бои. Гитлеровцы стремились во что бы то ни стало удержаться на рижском плацдарме.

В наступлении участвовали ударные группировки всех трех Прибалтийских фронтов. Наша 61-я армия, вошедшая в состав 3-го Прибалтийского фронта, наносила удар через межозерное дефиле по северо-восточному предместью Риги.

Еще под Белостоком дивизия получила новое пополнение.

Его надо было быстро обучить. Заместитель командира 3-го батальона 228-го полка Александр Кретов предложил каждому коммунисту дать партийное поручение: подготовить одного-двух новичков к боям. Основной принцип обучения — делай, как я. Это была не только учеба. Новые бойцы должны были сразу почувствовать, что они в сплоченной семье и что традиции дивизии обязательны для них.

26 сентября наши полки двинулись вперед. С боем форсировали реку Амата. За каждый населенный пункт разгорались яростные схватки.

Я шел со 111-м полком по полю, окруженному сосновым бором. Разведчики донесли, что гитлеровцы засели в поселке Гикши и хорошо там укрепились. Старший лейтенант Крючков

повел свою роту лесом в обход. Пока наши артиллеристы вели огонь по вражескому опорному пункту, бойцы Крючкова обрушились на врага с тыла. Сильно мешал пулемет, установленный фашистами на чердаке. Старшина Сумбат Абрамян ползком и короткими перебежками приблизился к дому и меткими выстрелами уничтожил вражеских пулеметчиков. Рота дружной атакой взяла поселок.

Я обратил внимание, что в бою нелегко стало распознать новых бойцов. Дрались они хорошо и в мужестве не уступали ветеранам. Сила личного примера коммунистов обретала конкретные проявления, как бы входила в плоть и кровь молодых солдат.

Путь наш пролегал через болото Судас-Пурфе. Мы знали, что по ту его сторону противник подготовил оборонительный рубеж — проволочные заграждения, несколько линий траншей.

Вперед выдвигался 228-й полк. В поддержку ему придавался 3-й дивизион артиллерийского полка. Командир дивизиона капитан Сарычев оставил батарею гаубиц на огневых позициях недалеко от болота, а две батареи 76-миллиметровых пушек должны были сопровождать пехоту. Всю ночь бойцы гатили топи и тащили пушки. Удар оказался неожиданным для врага. Наш полк овладел населенным пунктом Мадлены. 1-й батальон вплотную подступил к мызе Картужи, но здесь был остановлен вражеским огнем.

Рано утром 29 сентября противник предпринял контратаку. Низко стлался туман. После артиллерийского налета гитлеровцы двинулись на 1-й батальон. В молочной пелене их четыре самоходных орудия прорвались к нашим наспех отрытым траншеям, за самоходками бежали автоматчики. Командир батальона А. И. Тельнов и его заместитель по политической части С. И. Мандрыка возглавили рукопашную схватку. В этот тяжелый момент артиллеристы не могли оказать помощь пехоте: стрелять по траншеям, где кипел бой, нельзя — можно было поразить своих. Вести прицельный огонь по вражеским самоходкам мешал туман.

Численное превосходство было на стороне врага. Но никто из советских солдат не дрогнул. Дрались до последнего. Многие бойцы и командиры погибли. После того как в траншеях почти не осталось наших людей, врагу удалось продвинуться на четыреста метров.

Случай с 1-м батальоном встревожил нас. Командир полка подполковник Кодомацкий и его заместитель по политической части майор Грозный, прекрасно показавшие себя во время боев в Белоруссии, на этот раз проявили недопустимую медлительность

и не смогли выручить попавшее в беду подразделение. Сказались самоуспокоенность и недооценка сил противника. Горький и печальный урок для всех нас. Штаб и политотдел дивизии срочно приняли необходимые меры. В этот же день наступление возобновилось.

Артиллерийский дивизион капитана Кудинова переменил позиции и ударил по противнику. Огонь корректировал лейтенант Сергей Гуркин. Вместе с разведчиком сержантом Бариновым и радистом рядовым Паршиным он расположился в ста метрах от гитлеровцев. Метким огнем наши артиллеристы нанесли гитлеровцам большой урон. Воспользовавшись этим, пехота отбросила противника и захватила его крупный опорный пункт — мызу Картужи. И теперь, много лет спустя, когда мы вспоминаем о боях нашей дивизии в Прибалтике, мне хочется воздать должное командиру 1-го батальона 228-го полка капитану Тельнову Александру Ивановичу, его заместителю по политической части старшему лейтенанту Мандрыке Семену Ивановичу и всем воинам, погибшим под мызой Картужи. Они были подлинными героями. Да будет память о них бессмертна.

До Риги все ближе. Но вступила в свои права осень. Круглые сутки льют дожди. Болота разлились в озера. Оружие, боеприпасы, продовольствие солдаты несут на себе. Мокрые с ног до головы. Обогреться негде. Даже костров не зажигаем, чтобы враг не увидел дыма. Это был тяжкий переход, потребовавший от людей всех сил. Но цель была достигнута: враг не ожидал удара с этого направления. После короткой схватки гитлеровцы откатились к реке Лиела-Югла. Здесь они тоже не сумели удержаться. Наши части форсировали реку и продолжали преследование противника.

Сосредоточив значительные силы, врагу удалось остановить наши части на рубеже Ропажи, Кангари. Спешно производим перегруппировку частей. В это время мы получили несколько самоходных артиллерийских установок. Командир дивизии принимает решение посадить на них десант автоматчиков. Людей должен был выделить 107-й полк. Охотников вызвалось много. При мне заместитель командира полка по политической части майор Кузнецов отбирал добровольцев в десант. Предпочтение отдавалось самым опытным, уже не раз проявившим себя в бою. И конечно, среди них оказалось много коммунистов и комсомольцев. Во главе десанта командир полка поставил заместителя командира 3-го батальона по строевой части капитана Смирнова, человека исключительно храброго, прекрасного организатора. До этого он был беспартийным.

Но, получив столь важное задание, он пожелал связать свою

судьбу с партией и в бой идти коммунистом. За несколько часов до атаки партийное бюро батальона на своем заседании рассмотрело его заявление. Николай Иванович Смирнов был принят кандидатом в члены Коммунистической партии.

В назначенный час командующий артиллерией дивизии полковник Городовенко дал сигнал батареям. С наблюдательного пункта полка слежу за артподготовкой. Вначале удар наносится по переднему краю. Над вражескими окопами бушует огненный вихрь. Сквозь него гитлеровцам не видно, что наши самоходки уже подошли к их обороне и высадили десант, открыв огонь по траншеям, чтобы расчистить ему дорогу.

А тем временем дивизионы переносят огонь вглубь, не давая врагу перебрасывать резервы.

Вижу, как радуется командир 84-го артиллерийского полка подполковник П. А. Любимов. Отлично воюют его подчиненные!

Петр Андреевич — человек уже пожилой, участник революции и гражданской войны. Дело свое он знает превосходно, артиллеристы любят и уважают его за опыт, знания, за беспокойную душу. Невысокий, слегка сутуловатый, Любимов всех восхищал своей выдержкой. В самые трудные моменты он отдавал команды спокойным, невозмутимым тоном, только очки поправлял чаще обычного. Под стать командиру полка был его заместитель по политической части майор Анатолий Францевич Циш. Рослый, плечистый, с крупными чертами лица, он отличался сильной волей и вместе с тем душевностью. За плечами Циша тоже большой жизненный путь. Златоустовский рабочий, он во всем был неутомим. Еще в молодые годы вырос до крупного комсомольского работника, учился в Институте красной профессуры, после был на партийной работе в Куйбышеве. В дивизии Анатолий Францевич с начала ее формирования. Любимов и Циш глубоко уважали друг друга, работали очень дружно. И это во многом определило успех нашего артполка.

В ночь на 10 октября 1-й батальон 111-го полка повернул на северо-запад, вышел на шоссе Псков — Рига. Командир батальона старший лейтенант Григорий Иванович Приймак выслал вперед головную походную заставу — стрелковый взвод под командованием лейтенанта Николая Щернакова и взвод станковых пулеметов во главе с лейтенантом Николаем Такмаковым.

Эти два храбрых Николая со своими подразделениями, обивая заслоны противника, утром 10 октября 1944 года первыми вышли на реку Маза-Югла, южнее деревни Аури. Это был последний рубеж на подступах к Риге. Вскоре к реке подошли и другие подразделения батальона. Не дожидаясь приказа, старший

лейтенант Приймак приступил к форсированию реки.

Первой переправилась группа разведчиков во главе с парторгом роты старшим сержантом Афанасьевым, человеком храбрым и находчивым. Афанасьев оправдал надежды. Он не только разведал передний край вражеской обороны, но и прихватил с западного берега реки лодку. Эта находка всех обрадовала: переправочных средств в батальоне было очень мало.

Помощник начальника штаба полка Виктор Алексеевич Петухов рассказывал мне, что, когда он прибыл в батальон с приказом командира полка, форсирование реки уже шло полным ходом. К берегу подтягивалась артиллерия.

О В. А. Петухове мне хотелось бы рассказать несколько подробнее. Службу в дивизии он начал старшим адъютантом батальона. Перед началом летнего наступления 1944 года его прикомандировали к оперативному отделению штаба дивизии. Потом назначили первым помощником начальника штаба 111-го полка.

Когда противник спохватился и открыл артиллерийский огонь, было уже поздно. Батальон Приймака уже весь оказался на западном берегу. Роты старших лейтенантов Заидова и Илионского, поддержанные минометчиками лейтенанта Радыгина, ворвались во вражеские окопы.

До Риги оставалось всего пять километров. Но участвовать в ее штурме нам не довелось. Поступил приказ вывести дивизию в резерв. Передаем плацдарм частям 89-го стрелкового корпуса.

За героизм при освобождении Прибалтики 111-й Лунинецкий стрелковый полк был награжден орденом Красного Знамени, 84-й артиллерийский полк — орденом Суворова III степени.

Пришел приказ о включении дивизии в состав Военно-Морского Флота.

У нас появились моряки-балтийцы, Они рассказывали нам о своих традициях, опыте, боях. Мы постигали бессмертную славу несломленного Ленинграда и гордого Кронштадта. Становились близки сердцу боевые дела стремительных эскадренных миноносцев, торпедных катеров, подводных лодок.

Бойцы нашили на рукава желтые якорьки. Стали мы называться 1-й Мозырской Краснознаменной дивизией морской пехоты. А в ноябрьские дни 1944 года нас перебросили на финских торговых судах по усеянному минами штормовому морю на Порккала-Удд. Здесь по соглашению о перемирии с Финляндией организовывалась военно-морская база.

В Порккала-Удде мы встретили великий и долгожданный День Победы.

* * *

Вот и закончена книга. В ней моя память о прошлом и мое ощущение сегодняшних дней. И правду сказать, жаль расставаться с ней. Многие месяцы я будто снова жил в трудное, горькое и героическое время. Тяжко бремя войны, страшны и жестоки ее годы, однако же и величие советских людей открывалось на войне с яркостью и силой небывалой. Казалось, я снова прошагал по долгому и опасному пути с теми, с кем свела меня война. Сейчас они рабочие, колхозники, строители, инженеры, ученые, командиры. Многим из них, помогавшим мне своими воспоминаниями и советами писать эту книгу, я выражаю душевную благодарность.

Живы не только в памяти народной, но и в земных делах все те, что погибли, сражаясь за родную Отчизну. Им мы обязаны за все доброе, что создано на нашей земле.

Им, живым и павшим, я посвящаю эту книгу.

Новые поколения становятся в строй. Как и в военные годы, Коммунистическая партия ведет нас вперед. И так же пламенно звучит ее призыв, обращенный к каждому коммунисту: «Место твое впереди!»

Список иллюстраций

Николай Борисович ИВУШКИН

М. Т. Хрюкин

С. И. Чекмарев

Слева направо: П. Г. Кохановский, М. М. Барташук, П. Р. Сахаров, М. И. Грановский, Н. Б. Ивушкин

Ш. Х. Чанбарисов

С. М. Гришин

З. С. Ревенко

И. М. Куликов

Е. А. Удовиченко

Кандидатская карточка Е. А. Удовиченко, пробитая пулей и обагренная кровью

Работники политотдела 133-й отдельной стрелковой бригады. В первом ряду (слева направо): М. М. Белов, Н. Б. Ивушкин, В. Д. Леушин, М. П. Пепелев. Во втором ряду: Г. И. Лелявский, Б. Л. Айзен, А. Г. Марьин, А. Н, Зайцев

П. А. Любимов

Е. М. Ровин

Н. Н. Зашюльев

Н. В. Шведов

В. Д. Шабанов

Ф. В. Смекалин

Н. С. Локтионов

П. М. Евстигнеев

Г. А. Прохоров

И. А. Иохим

В. И. Степанов

Д. С. Долинский

Ш. В. Челидзе

Участники собрания комсомольского актива 55-й стрелковой дивизии, мастера боя. 1942 год

Н. Г. Клыкова-Маякова

И. В. Бражник

К. А. Абайханов

В. М. Сарычев

Ф. М. Еровой

Г. И. Кузнецов

Б. А. Поляков

Г. П. Петров

Б. А. Хайров

М. П. Кот

Г. М. Скульский

А. Г. Котиков

Н. П. Ерпылев

В. А. Мыц

Комсомольские работники дивизии. В первом ряду (слева направо): Н. М. Гладкий, В. И. Степанов. Во втором ряду: М. А. Софиенко, Е. Н. Третьяков, Н. В. Бобровский

И. С. Литвиненко и Б. Я. Куксин

Д. И. Власов

С. П. Босалыга

Б. И. Луговой

А. Ф. Цыш

К. М. Андрусенко

В. П. Шмыглев

М. В. Поляков

А. С. Кретов

В. А. Семенченко

П. М. Крикун

Н. М. Оцеп

Н. Н. Васильев

В. А. Петухов

В. И. Турчанинов

Памятник воинам 55-й стрелковой дивизии и морякам Днепровской военной флотилии, погибшим при освобождении Петриковского района Гомельской области от немецко-фашистских захватчиков

Группа ветеранов 55-й стрелковой Мозырской Краснознаменной дивизии. 1970 год

notes

Примечания

1

Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. М., 1970, с. 55.

2

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 296.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 143–144.

Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и воинском долге. М., 1967, с. 504.

5

Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и воинском долге, с. 418.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 317.

7

Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и воинском долге, с. 525.

Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1977, с. 130–131.

9

ЦАМО, ф. 133, д. 3, оп. 10785, л. 1–8.

10

История второй мировой войны 1939–1945. М., 1976, т. 6, с. 146–147.

11

Мужество. Общественно-политический и литературно-художественный сборник. М., 1971, кн. 1, с. 178.

Бабаджанян А. Х. Дороги победы. М., 1981, с. 66, 73–74.

13

Нюрнбергский процесс. М., 1958, т. 3, с. 94.

Нюрнбергский процесс. М., 1960, т. 5, с. 115.

15

См. *Датнер Шимон.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне. Пер. с польск. М., 1963, с. 124.

16

Манштейн Э. Утерянные победы. Пер. с нем. М., 1957, с. 164.

17

ЦАМО, ф. 1, оп. 28372, д. 4, л. 20–28.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1972, с. 221–222.

19

Правда, 1973, 28 февр.

20

История второй мировой воины 1941–1945. М., 1976, т. 7, с. 178.

21

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 156.

Непокоренная Белоруссии. М., 1963, с. 343, 349.

23

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 361.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 246.

25

Непокоренная Белоруссия, с. 282.